

LADY
FANTASY

ИМПЕРИЯ БУРЬ

САРА ДЖ. МААС

18+

Сара Дж. Маас предлагает свое лучшее произведение...
волшебное, чарующее, захватывающее.

Мастерство создателя миров — на звездном уровне.

USA Today

Стеклянный трон

Сара Маас

Империя бурь

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Маас С. Д.

Империя бурь / С. Д. Маас — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (Стеклянный трон)

ISBN 978-5-389-13653-3

Наследница трона, потомок богини огня, искуснейший в мире ассасин, двадцатилетняя Селена Сардотин под именем Аэлины Галатинии странствует по всему свету в поисках союзников в борьбе с темным властителем Эраваном. Она единственная, кто еще способен противостоять тирану, задумавшему наполнить мир своими чудовищами. Но разве может девушка знать, что Эриван, чтобы сохранить могущество, обратит против Селены ее же прошлое... Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-13653-3

© Маас С. Д., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Сумерки	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	75
Глава 12	81
Глава 13	86
Глава 14	89
Глава 15	95
Глава 16	100
Глава 17	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Сара Дж. Маас Империя бурь

Посвящается Тамаре Рыдзински – моей защитнице, крестной фее и воительнице в сверкающих доспехах. Спасибо тебе, что верила в успех книг этой серии, начиная с самой первой страницы

Sarah J. Maas
EMPIRE OF STORMS

Copyright © Sarah J. Maas, 2016

All rights reserved

This edition published by arrangement with Bloomsbury USA and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Игоря Иванова

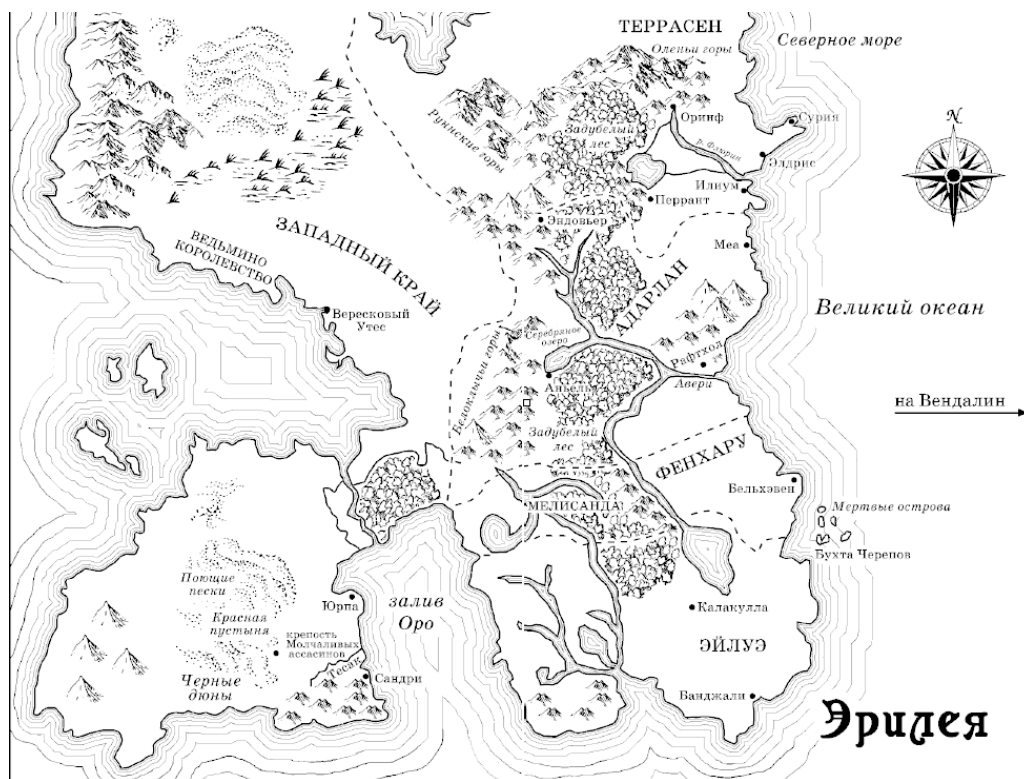
Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Сергея Шикина и Екатерины Платоновой

Карта выполнена Юлией Каташинской

© И. Иванов, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Сумерки

Солнце опустилось за остроконечные склоны Черных гор, и тут же загремели костяные барабаны. Их дробь не смолкала и сейчас.

Походный шатер принцессы Элианы Галатинии стоял на каменистом выступе, открытом сухим ветрам. Весь день она вела наблюдение за прибывающими силами ее страшного противника – темного правителя. Его войско черными волнами перехлестывало через горные перевалы. После захода солнца окрестные склоны и долина вспыхнули яркими точками их костров. Зрелище это чем-то напоминало звездное небо.

Как их много – этих костров. Гораздо больше, чем на ее стороне долины.

Элиане не требовался дар обостренного фэйского слуха, чтобы слышать молитвы своей человеческой армии. Одни молились вслух, другие – молча. Она сама несколько раз обращалась к богам, хотя и знала: ответа не будет.

Элиане и в голову не приходило, что она может погибнуть, причем вдали от зеленых скал родного Террасена. И об участи быть съеденной чудовищами ее врага (а это страшнее, нежели заживо сгореть) она тоже никогда не задумывалась.

Случись такое – никто не поставит могильного камня, повествующего о гибели террасенской принцессы. Ни ее, ни ее соратников не удостоит такой чести.

– Тебе пора отдохнуть, – послышался из шатра грубый мужской голос.

Элиана обернулась, ее серебристые волосы колыхнулись, цепляясь за чешуйки кожаных доспехов. Гавин мрачно разглядывал позиции двух армий, сосредоточенных внизу. Очень скоро узкая черная полоска, служившая разграничительной линией, перестанет существовать.

Но об отдыхе оставалось лишь мечтать. Сам Гавин, удалившись в шатер, так и не снял доспехов. Совсем недавно окончился созванный им военный совет. Военачальники разошлись, унося карты, но отнюдь не надежду в сердцах. Элиана улавливала их страх и отчаяние.

Гавин подошел почти неслышно. Годы странствий по южным горам и пустыням научили его искусству бесшумного передвижения. Элиана продолжала вглядываться в пылающие точки бесчисленных вражеских костров.

– Силы твоего отца еще могли бы вмешаться, – хрипло произнес Гавин.

Тщетные надежды. Бессмертный слух Элианы позволял улавливать каждое слово жарких споров, что несколько часов кряду не смолкали в шатре.

– Долина превратилась в смертельную западню, – сказала Элиана.

А ведь это она привела их сюда.

Гавин молчал.

– Еще немного, и все внизу будет залито кровью, – продолжала она.

Полководец, стоявший рядом, не произносил ни слова. Это было так не похоже на Гавина. И в глазах – ни искорки былой необузданной силы. Его каштановые волосы висели жирными сосульками. Элиана уже и не помнила, когда они оба в последний раз мылись.

Гавин повернулся к ней. Взгляд его был искренним, оценивающим. Они встретились почти год назад, в покоях ее отца. Тогда Элиане показалось, что ее раздевают взглядом. Почти год назад, а кажется – целая вечность.

Иное время. Иной мир. Земля еще была полна света и птичьего щебетания. И магия еще не начинала трепетать под надвигающейся тенью Эравана и его воинов. Знать бы, долго ли продержится Оринф после окончания этой бойни на юге континента. С чего Эраван начнет уничтожение их столицы? С блистательного отцовского дворца на горе? Или вначале сожжет королевскую библиотеку, где собраны знания многих веков? А затем примется жечь людей.

– До рассвета есть еще время, – сказал Гавин. Элиана видела, как дергается его кадык. – Еще можно сбежать отсюда.

– Нас разорвут на куски раньше, чем мы переберемся через перевалы.

– Речь не о нас, – пояснил Гавин. – О тебе одной.

Отсветы костров делали его лицо похожим на барельеф.

– Я не оставлю этих людей, – возразила Элиана, сцепляя пальцы с пальцами Гавина. – И тебя.

В его лице не дрогнул ни один мускул.

– Завтрашний день не отодвинешь. И завтрашнюю бойню – тоже. Я же знаю: ты подслушала слова посланца. Ангель сам превратился в бойню. Наши северные ушли. Армия твоего отца еще слишком далеко. Мы погибнем раньше, чем солнце успеет по-настоящему взойти.

– Когда-нибудь все мы так или иначе умрем.

– Нет. – Гавин стиснул ее пальцы. – Я умру. И эти люди внизу – тоже: от меча или от старости. Но ты...

Взгляд Гавина скользнул по ее заостренным ушам – свидетельству отцовского наследия.

– Ты можешь прожить сотни лет. Тысячи. Не губи эту возможность ради какой-то безнадёжной битвы.

– Я скорее предпочту погибнуть завтра, чем струсить и жить тысячу лет под гнетом позора.

Гавин опять смотрел вниз, в долину. На свою армию – последний оплот, противостоящий орде Эравана.

– Доберись до армии своего отца и сражайся оттуда, – грубовато предложил он.

Элиана сглотнула:

– Это не поможет.

Гавин удивленно повернулся к ней.

– Сила моего отца угасает, – призналась она. – До окончательного истощения остались считанные десятки лет. С каждым днем свет Мэлы внутри становится все слабее и тусклее. Он не сможет победить Эравана.

Ей вспомнились отцовские слова. «Элиана, мое солнце заходит, – сказал он несколько месяцев назад, когда эта обреченная затея только начиналась. – Обязательно сделай так, чтобы твое продолжало восходить».

– И ты только сейчас говоришь мне об этом? – спросил побледневший Гавин.

– Да, поскольку у меня не осталось надежды. И не важно, погибну я завтра или сбегу этой ночью. Континент все равно падет.

Взгляд Гавина переместился туда, где стояли десятки походных шатров его друзей.

Ее друзей.

– Никто из нас завтра не выберется отсюда живым...

Голос Гавина дрогнул, глаза странно блеснули. Элиана вновь потянулась к его руке. За все время их странствий – а тягот и ужасов там более чем хватало – она ни разу не видела Гавина плачущим.

– Эраван победит, – прошептал Гавин. – Его власть над этой землей и остальными частями континента утвердится навек.

Из шатров их лагеря доносились приглушенные голоса, мужские и женские. Люди переговаривались, бормотали проклятия, кто-то плакал. Все они думали о том ужасе на другой стороне долины.

Костры во вражеском стане постепенно гасли, словно огромная рука тьмы тушила их. А костяные барабаны звучали все громче.

Наконец появился и он.

Эраван собственной персоной прибыл взглянуть на армию Гавина перед ее последним сражением.

– Они не станут дожидаться рассвета, – сказал Гавин.

Его рука скользнула к ножнам, в которых покоился меч по имени Дамарис. Но Элиана перехватила руку любимого. Даже сквозь кожаные доспехи она чувствовала гранитную крепость его мускулов.

Эраван уже здесь.

Возможно, боги еще внемлют их мольбам. Возможно, огненная душа ее матери сумела их убедить.

Элиана сжала в ладонях суровое лицо Гавина – лицо это успело стать для нее дорогим и казалось самым прекрасным.

– Мы не победим в этой войне. И даже пытаться не будем.

Гавин вздрогнул. Его тянуло скорее к своим подчиненным, но он не мог уйти, не выслушав Элиану. Они далеко не сразу научились прислушиваться друг к другу, и уроки доставались им тяжело.

Элиана подняла руку, растопырила пальцы. Магическая сила в ее жилах забурлила, превращаясь из пламени в воду. Ее магия не была бездонной, как у отца. Магия Элианы, унаследованная от матери, больше годилась для повседневных нужд.

– Мы не победим в этой войне, – повторила Элиана. Магический свет от ее пальцев озарил лицо Гавина. – Но сумеем немного ее отодвинуть. Где-то через час или два я переберусь на другой край долины.

Пальцы Элианы сжались в кулак. Магическая сила ушла внутрь.

– Элиана, о чем ты говоришь? Это безумие, – нахмурился Гавин. – Равносильно самоубийству. Дозорные Эравана схватят тебя, едва ты окажешься на их стороне.

– Конечно схватят. А раз он здесь, меня поволокут прямо к нему. Посчитают лакомым кусочком, увидят во мне жалкую пленницу, но никак не убийцу Эравана.

– Нет, – отрезал Гавин, одновременно приказывая и умоляя.

– Стоит убить Эравана, и его чудовища впадут в панику. Пока они будут в растерянности, отцовская армия успеет подойти сюда. Мы объединим силы и сообща уничтожим вражеские легионы.

– Элиана, ты говоришь, «стоит убить Эравана», как будто это легко. Не забывай: он – один из валгских королей. Даже если его дозорные и притащат тебя к нему, ты не успеешь и пальцем шевельнуть, как окажешься на поводке его воли.

Сердце Элианы замерло, но она заставила себя ответить:

– Вот потому... – ее губы дрожали, и не сразу ей удалось продолжить, – вот потому мне нужно, чтобы ты отправился вместе со мной. Это важнее, чем воодушевлять соратников на бой и сражаться бок о бок с ними.

Гавин молча смотрел на нее.

– Ты мне нужен... – Элиана не вытирала слезы, катящиеся по ее щекам. – Ты мне нужен для отвлекающего маневра. С твоей помощью я выиграю время и сумею пробраться через слои внутренней защиты Эравана.

И завтрашняя битва тоже стала бы для них попыткой выиграть время. Первой целью Эраван выбрал бы Гавина. Воина-человека, сумевшего долго противостоять силам темного правителя, когда никто другой не отваживался на это... Ненависть Эравана к принцу-воину могла соперничать лишь с ненавистью к отцу Элианы.

Гавин смахнул слезы с ее лица:

– Элиана, его невозможно убить. Ты об этом сама слышала от оракула твоего отца.

– Да, слышала, – кивнула она.

– И даже если нам удастся сдержать его, поймав в ловушку... – Гавин вновь задумался над ее словами. – Сама знаешь: мы лишь перекладываем войну на плечи тех, кто когда-нибудь станет править здешними землями.

– Эта война – все лишь второй ход в игре, начавшейся в незапамятные времена на другом краю света, – тихо сказала Элиана.

– Потому я и говорю: если Эравана освободят, кто-то обязательно унаследует войну с ним. И отсрочка все равно не убережет наших солдат от завтрашней бойни.

– Если мы откажемся действовать, эту войну будет некому наследовать.

В глазах Гавина читалось сомнение.

– Даже сейчас, – продолжала напирать она, – наша магия слабеет, а наши боги покидают нас. Попросту говоря, бегут от нас. Все наши фэйские союзники сосредоточены в армии отца. Других нет. Но и их сила тоже угасает. Но быть может, когда наступит время третьего шага... появятся другие игроки. Возможно, в то время фэйцы и люди будут сражаться бок о бок, наделенные большей силой, чем наша. Возможно, они найдут способ навсегда окончить эту войну. И потому, Гавин, завтра мы проиграем сражение. С рассветом наши друзья примут гибель на поле битвы. А мы используем отвлекающий маневр и на время выведем Эравана из игры. Ради будущего Эрилеи.

Гавин поджал губы. Его сапфировые глаза распахнулись.

– Об этом никто не должен знать, – срывающимся голосом продолжала Элиана. – Даже если у нас получится, о наших действиях никому ни слова.

Морщины на лбу Гавина означали, что он по-прежнему сомневается.

– Ни слова, – прошептала Элиана, сжимая его руку.

Он поморщился, словно от боли, но кивнул.

Рука об руку, они устремились во тьму, окутавшую горы. Костяные барабаны темного правителя гремели так, будто стали наковальнями, принимавшими удары железных молотов. Очень скоро их грохот потонет в криках умирающих солдат. Очень скоро здешние поля будут залиты потоками крови.

– Чтобы твой замысел удался, надо уходить не мешкая, – сказал Гавин.

Его взгляд зацепился за ближайшие шатры. Никаких прощаний. Никаких последних слов.

– Я прикажу Холдрену взять командование на себя. Он найдет что сказать солдатам.

Элиана кивнула, и этого было достаточно. Гавин выпустил ее руку и направился к соседнему шатру. Там его закадычный друг и самый надежный полководец проводил последние мирные часы со своей новой женой.

Элиана не стала смотреть ему вслед. Она снова, в который уже раз, повернулась в сторону тьмы на другом конце долины. Элиана была готова поклясться, что тьма тоже смотрит на нее. Чуткие уши принцессы улавливали поскрипывание точильных камней. Чудовища Эравана вострили свои когти, скользкие от яда.

Она подняла глаза к небу, застланному пеленой дыма. Но ветер на мгновение разогнал мутные слои, обнажив звездный ковер.

Прямо над нею переливались звезды Повелителя Севера. Возможно, то был прощальный подарок Мэлы здешним землям в нынешнюю эпоху. А может, знак благодарности Элиане. Знак прощания.

Во имя Террасена и Эрилеи Элиана была готова отправиться в вечную тьму на другом краю долины. Дерзкий замысел обещал выигрыш времени.

Из долины к небу поднимался столб дыма. Элиана отправила с ним последнюю молитву, обращенную к далеким потомкам, на чьи плечи она перекладывала ношу своего времени. Она не знала, сумеют ли они спасти Эрилею, или же на них закончится эта отсрочка. Но еще не родившиеся потомки простят ее за то, что она собиралась сделать.

Часть первая Огненосица

Глава 1

Волоча больную ногу, Элида Лошэн с трудом взбиралась на крутой поросший лесом склон. Каждый вдох обжигал ей горло.

Под ногами шуршали мокрые листья, густо укрывавшие землю Задубелого леса. Но между листьями прятались серые камни, что делало подъем опасным. А нижние ветви громадных дубов все равно находились слишком высоко. Начнешь падать – не ухватишься. Элида утешала себя тем, что падение ускорит спуск. С этими мыслями она переползла через каменистую вершину холма. Переползла, по-другому не скажешь, поскольку увечная нога, измученная долгими странствиями, разболелась не на шутку. Дальше пришлось ползти на коленях.

Куда ни глянь – повсюду взгляд натыкался на лесистые холмы, а сами деревья казались прутьями нескончаемой клетки.

И так – несколько недель подряд. Почти месяц назад Манона Черноклювая и ведьмы из отряда Тринадцати доставили ее в Задубелый лес. Главнокомандующая приказала Элиде идти на север, чтобы разыскать потерянную королеву, ставшую взрослой и могущественной, а также найти Селену Сардотин, кем бы та ни была. Так Элида сможет вернуть долг Кальтэне Ромпир, спасшей ее ценой собственной жизни.

Даже сейчас сны Элиды наполняли картины ужасов, пережитых в Морате. Ей снились солдаты, пытавшиеся утащить ее в глубокое подземелье, чтобы там ей вживили страшный кристалл. От таких кристаллов рождалось потомство валгских демонов. Элиде снилась жуткая бойня, которую главнокомандующая Манона устроила в темнице, чтобы ее освободить. И конечно же, ей снилась Кальтэна Ромпир – странная женщина, наделенная громадной силой. У Кальтэны был вживлен под кожу руки темный камешек, который она передала Элиде, наказав отнести камень Селене Сардотин.

А потом Кальтэна превратила Морат в дымящиеся развалины.

Элида подняла грязную, трясущуюся руку и ощупала нагрудный карман кожаных доспехов, которые по-прежнему служили ей одеждой. Камень Кальтэны лежал там. Элиде казалось, она улавливает его биение, идущее не в лад с ее лихорадочно стучащим сердцем.

Солнечный свет, проникая сквозь зеленые кроны деревьев, становился размытым и не таким жгучим. Лето повсеместно вступило в свои права, а с ним пришла и изнуряющая жара. Всего дороже стала вода.

В общем-то, так было с самого начала ее путешествия, но сейчас каждый день Элиды и даже сама ее жизнь зависели от очередного источника.

К счастью, Задубелый лес изобиловал ручейками и речками. Их питали снежные шапки гор, наконец-то растаявшие под жгучим солнцем. Однако не всякая вода годилась для питья, в чем Элида убедилась на горьком опыте.

Напившись из стоячего пруда, она потом целых три дня балансировала между жизнью и смертью. Элиду тошнило, у нее поднялся жар. Три дня подряд ее так трясло, что едва не ломались кости. Все эти дни она тихо плакала, охваченная отчаянием. Больше всего Элиду страшило, что она умрет в глухом месте, одна среди бесконечного леса, и никто даже не узнает.

А камень в нагрудном кармане продолжал биться, словно второе сердце. Шепот его заполнял бредовые сны Элиды. Камень пел ей колыбельные песни на странных языках. Вряд ли кто-то из людей смог бы произнести такие слова.

Когда у нее прошел жар, шепот камня тоже прекратился, но Элида продолжала думать об услышанном. Ей почему-то казалось, что большинство людей, услышав такие слова, попросту бы умерли.

Тогда что же она несет на север: дар богов или проклятие? И знает ли эта Селена Сардотин, как обращаться с темным камнем?

Элиде вспоминались прощальные слова Кальтэны: «Скажи ей, что этим ключом можно открыть любую дверь». На привалах Элида часто разглядывала сверкающий черный камень. Вот только он совсем не напоминал ключ. Просто обломок камня, да еще с грубыми краями. Возможно, слова Кальтэны были некой загадкой, которую разгадает лишь сама Селена.

Элида сняла и развязала заметно полегчавший мешок. Съестные припасы закончились еще на прошлой неделе. С тех пор она питалась ягодами. Все они были ей незнакомы, но в памяти всплыли наставления ее няньки Финнулы. Та учила Элиду: прежде чем отправить незнакомые ягоды в рот, нужно растереть их на ладони и подождать ощущений.

Почти все встречавшиеся ей ягоды не вызывали опасений.

Всякий раз, набредая на куст, усыпанный съедобными ягодами, Элида вдоволь наедалась и уже потом начинала собирать их в мешок. От сока ягод он покрылся розоватыми и синеватыми пятнами. Такой же стала и ее когда-то белая рубашка, в которую Элида собирала ягоды.

От прошлого сбора у нее осталась всего горстка, которую нужно растянуть, пока не встретится новый куст.

Голод сводил ей живот, но Элида съела лишь половину. Если повезет, она еще до ночлега набредет на россыпь ягод.

Охотиться она не умела. Элиду ужасала сама мысль: поймать живое существо, потом свернуть ему шею или разбить камнем голову... Нет, голод пока не довел ее до готовности убивать.

Возможно, она вовсе и не из клана Черноклювых, невзирая на тайное наследие матери.

Элида облизала пальцы, очищая их от липкого ягодного сока и грязи, затем поднималась на одеревеневшие ноги. Больная и здоровая – обе гудели от постоянной ходьбы. Элида понимала: без пищи она долго не протянет. Манона снабдила ее деньгами, но путница не отваживалась заходить в деревни и приближаться к охотничьим кострам, которые она не раз видела за время своего путешествия.

Нет. Навидалась она и человеческой «доброты», и человеческого «милосердия». Элида навсегда запомнила похотливые взгляды караульных на ее нагое тело. Знала она и то, почему дядя продал ее герцогу Перангтону.

Морщась от боли, Элида закинула мешок за плечи и начала спускаться по склону, выбирая путь между камнями и змеящимися древесными корнями.

А вдруг она свернула куда-то не туда? И вообще, как ей узнать, пересекла ли она уже границу Террасена? Ответов Элида не знала. И как искать террасенскую королеву?

От этих мыслей становилось лишь тяжелее. Усилием воли отпихнув их, Элида побрела дальше. Она старалась держаться тени и пореже выходить на залитые солнцем места. Ничего там нет, кроме зноя, а от этого ей еще сильнее хотелось пить. Пока не стемнело, нужно обязательно найти воду. Пожалуй, вода даже важнее ягод.

Спустившись к подножию холма, Элида очутилась в настоящем лабиринте деревьев и валунов. Но было здесь еще кое-что – высохшее русло речки. Оно петляло между холмами, устремляясь строго на север. Элида облегченно вздохнула. Спасибо тебе, Аннеит. Богиня мудрых поступков по-прежнему не оставляла ее своим вниманием.

Элида решила: теперь она, пока возможно, пойдет вдоль русла, а потом...

Она не знала, каким чувством уловила некую странность. Странность эта была не в запахах, звуках или образах. Сквозь кроны деревьев по-прежнему лился солнечный свет, и земля вокруг камней по-прежнему пахла перегноем. Да и в шелесте листьев не улавливалось ничего необычного.

И тем не менее что-то произошло, словно она вела пальцем по громадной шпалере и вдруг зацепилась за нитку. Элида невольно сжалась.

Следом стихли все лесные звуки и шорохи.

Элида внимательно оглядела холмы, затем высохшее русло. На ближайшем склоне рос старый дуб. Его корни выступали над травянистым покровом и тянулись дальше – к руслу, образуя подобие замшелой арки.

Постояв, Элида направилась туда. Каждый шаг отзывался возмущением в больной ноге. Элида почти добралась до арки из корней, когда послышались первые раскаты.

Нет, не грома. Это был знакомый звук, преследовавший ее во сне и наяву.

Удары могучих перепончатых крыльев. Драконы. Опасные существа, но на их спинах – еще более опасные ведьмы из клана Железнодорожных, чье восприятие столь же безупречно остро, как у самих крылатых тварей.

Элида поспешила спрятаться под сплетением корней. Меж тем шум драконьих крыльев нарастал. В лесу установилась кладбищенская тишина. Ветки и камни впивались в ладони Элиды, ее колени ударялись о каменистую землю. Она буквально вжалась в узкое пространство между землей и корнями. Для наблюдения оставались лишь узкие просветы в узорах корней.

Взмах крыльев – и сразу же следующий. Они были настолько согласованны, что обитатели леса могли счесть их обычным эхом. Зато Элида сразу поняла: летят две ведьмы.

За время, проведенное в Морате, она собрала немало сведений об особенностях жизни Железнодорожных. Ведьмам было приказано хранить в тайне численность своих рядов. Летали они в безупречном зеркальном порядке, и потому ушам следящих за ними могло показаться, что летит всего один дракон.

Но эти две, кем бы они ни были, летели небрежно. Или настолько небрежно, насколько это возможно для бессмертных и предельно опасных существ. Возможно, они из шабашей низшего уровня. А может, вылетели на разведку.

«Или за кем-то охотятся», – прошептал в голове Элиды негромкий голосок.

Она еще плотнее прижалась к земле. Узловатые корни впились ей в спину, но Элида продолжала наблюдать.

И едва удержалась, чтобы не закричать, когда громадное тело дракона пронеслось над самыми деревьями. Громко зашелестели листья. На солнце блеснуло тонкое перепончатое крыло с кривым, липким от яда когтем на конце.

Ведьмы очень редко летали при свете дня. Значит, их охотничья миссия была особой важности.

Элида едва дышала, пока удары крыльев не стали удаляться. Драконы улетели на север, в сторону Ферианской впадины. Там, по словам Маноны, находилась вторая половина их воздушной армии.

Элида дождалась, пока лес снова не наполнится привычными звуками, и только тогда решила выбраться наружу. У нее затекло все тело. Попытки шевельнуть руками и ногами отзывались острой болью. Сжимая зубы, Элида размяла вначале ноги, затем руки, после чего подвигала окаменевшими плечами.

Это путешествие никогда не кончится. Элида отдала бы что угодно за надежную крышу над головой и горячую пищу. Пусть всего на одну ночь, но, может, стоит рискнуть?

Она двинулась дальше вдоль высохшего русла, но не успела сделать и двух шагов, как у нее снова возникло странное ощущение, которое и ощущением-то назвать нельзя. Словно теплая женская рука сжала ей плечо, веля остановиться.

Густой лес вокруг был полон жизни. Но Элида знала: это ощущение ей не почудилось. Ее предупреждали, и скорее всего – об опасности.

Предупреждение не относилось к ведьмам, драконам или лесному зверью. Элида чувствовала: кто-то за ней наблюдает. И не только наблюдает, но и идет следом.

Элида незаметно вытащила боевой нож, врученный Маноной при прощании. Жаль только, ведьма не научила ее убивать.

Вот уже два дня, как Лоркан Сальватир был вынужден бегать от этих проклятых драконов.

На самих драконов он не злился. Те летали не по своей воле. А вот их хозяйки-ведьмы жутко разъярились, когда он под покровом ночи проник в их лесной лагерь. Трех караульных он убил так, что ни ведьмы, ни драконы не всполошились. Четвертую потащил в лес для допроса.

Он нашел пещеру, достаточно глубокую, где кричи не кричи – снаружи никто не услышит. А поначалу Желтоногая ведьма орала во все горло. Уламывать ее пришлось два часа, после чего она была готова улаживать Лоркана пением.

Итак, захват континента предполагалось осуществить силой двух воздушных армий: одна помещалась в Морате, а вторая – в Ферианской впадине. Желтоногая ничего не знала о силе, находящейся в распоряжении герцога Перангтона. Не знала пленная ведьма и о том, что Лоркан охотится за оставшимися двумя Ключами Вэрда. Их собрат уже висел на шее Лоркана на длинной цепочке. Три кусочка камня, отколотые от этих проклятых Врат Вэрда. Каждый Ключ обладал неимоверной, ужасающей силой. И когда все три Ключа Вэрда окажутся рядом... они смогут открыть ворота между мирами. Их силой можно уничтожить эти миры или вызвать себе на подмогу тамошние армии. Однако Ключи давали и куда более устрашающие возможности.

Лоркан даровал ведьме быструю смерть. С тех пор ее сестры охотились за ним.

Спрятавшись в зарослях на крутом склоне холма, Лоркан следил за девчонкой, вылезшей из-под сплетения кореньев. Он укрылся первым и слушал, как она шумно и неуклюже прячется от подлетающих драконов. Неуклюжей ее делала увечная нога.

Беглянка была невысокой и хрупкой. На первый взгляд – девочка-подросток, у которой только-только появились месячные. Но нет: под облегающими доспехами проглядывали большие, совсем не девчоночьи груди.

Лоркана сразу же поразило одеяние незнакомки: точно такие же доспехи, как у плененной им Желтоногой и у всех остальных ведьм. Однако эта девчонка принадлежала к породе людей.

Потом он увидел ее темные глаза, внимательно оглядывающие лес. Слишком взрослые и опытные глаза, каких не встретишь у подростков. Ей лет восемнадцать или даже больше. Бледное лицо было грязным и исхудавшим. Похоже, девчонка не первый день странствовала по лесу, пытаясь раздобыть еду. Боевой нож, зажатый в руке, дрожал. Скорее всего, она вообще не владела оружием.

Лоркан оставался в укрытии, наблюдая за незнакомкой. А девчонка внимательно вглядывалась в окрестные холмы, русло пересохшей реки, кроны деревьев.

Было похоже, она каким-то образом знала о его присутствии.

Интересно. Когда Лоркан прятался, способных найти его можно было пересчитать по пальцам.

Он заметил, что странная девчонка напряжена. Вскоре она закончила осмотр, тихо вздохнула и побрела дальше. Прочь от места, где прятался Лоркан.

Она сильно хромала и даже волочила ногу. Наверное, покалечилась, странствуя по лесу.

Коса девчонки ударяла по заплечному мешку. Ее шелковистые волосы были почти такого же цвета, как у Лоркана. Нет, пожалуй, темнее. Черные, словно беззвездная ночь.

Изменившийся ветер донес ее запах. Лоркан вдохнул его не просто ноздрями, а всем своим фэйским чутьем, унаследованным от нечестивого отца. Вот уже пятьсот с лишним лет, как это чутье помогало ему узнавать и оценивать противников.

Запах был человеческим. Явно человеческим, однако...

Он знал этот запах. За последние несколько месяцев он убил достаточное число существ, пахнувших так же.

Возможно, здесь не все так просто. Откуда-то этой девчонке достался подарок богов. Надо будет вытрясти из нее сведения. Не сейчас, а когда он получит ее изучит. Узнает ее слабости.

Лоркан беззвучно выбрался из зарослей. Девчонка, одержимая демоном, хромала вдоль высохшего русла. Нож она держала, словно палку. Это тебе не ведьмы, пытавшиеся сопротивляться. Прекрасно.

Лоркан вышел на охоту.

Глава 2

По листьям деревьев громко барабанил дождь. Его грохот и низкие слои тумана, стелющиеся по Задубелому лесу, заглушали и скрывали из виду ручей. А тот, разбухший от воды, несясь среди холмов и оврагов.

На мшистом берегу лежали пустые бурдюки. Забыв о них, Аэлина Ашерир-Галатиния протянула руку к несущейся воде. Рука была покрыта шрамами – памятью о давних и не слишком давних столкновениях. Не замечая холодных брызг, Аэлина слушала песню утреннего ненастья.

Гроза разразилась незадолго до рассвета. Грохотал гром, небо пронзали неистовые росчерки молний. Потом гроза стала отступать и теперь была уже достаточно далеко. Склонившись над водой, Аэлина успокаивала магическую силу, бурлящую внутри.

Она вдыхала влажный воздух, наполненный холодным туманом и дождем. Он уходил вглубь ее легких. Магия что-то бормотала в ответ. Это напоминало пожелание доброго утра сквозь позевывание, после чего пожелавший отправлялся досыпать.

Так оно и было. Все спутники Аэлины спали. Рован раскинул над лагерем невидимый щит, оберегавший от бури и холода, который в этих северных краях не ослабевал даже в середине лета. Стараниями Аэлины в их лагере всю ночь горел костер, отбрасывая веселые рубиновые отсветы. Было непросто заставить огонь потрескивать час за часом. Вода тоже была подвластна ей, но в меньшей степени. Этот дар достался ей от матери.

Аэлина шевелила пальцами протянутой руки, ловя на них брызги ручья.

На другом берегу рос старый узловатый дуб с дуплом у самого основания. Там, на замшелом валуне, сидел некто и тоже шевелил крошечными пальчиками, в точности повторяя все движения Аэлины.

– Дружище, если тебе есть что сказать, говори, – улыбнулась Аэлина, не стараясь перекричать ручей.

Крошечные пальчики тут же скрылись за валуном. Вершина его, как почти у всех камней в здешних местах, была покрыта символами и волнистыми линиями.

Маленький народец сопровождал Аэлину и ее спутников от самой границы Террасена. Эдион говорил об этом всякий раз, когда они замечали большие бездонные глаза, глядящие на них из зарослей ежевики или с вершины могучего старого дерева, каких в лесу полным-полно. Но Маленький народец всегда держался поодаль, и Аэлине так и не удавалось их толком рассмотреть.

Зато они оставляли небольшие подарки на границах магического щита, которым Рован накрывал место ночлега. Все делалось очень тихо, и очередному дозорному не удавалось засечь момент появления подарка.

Однажды утром Маленький народец преподнес им корону, сплетенную из лесных фиалок. Аэлина отдала ее Венге. Та украсила фиалками свои золотисто-рыжие волосы и носила корону, пока цветы не засохли и не рассыпались. На следующее утро на границе лагеря лежали уже две короны: одна для Аэлины, вторая, поменьше, – для Венги. Аэлина до сих пор поражалась стойкости этой девятилетней девочки, позволившей изуродовать себе лицо, дабы спастись от позорного ремесла. А однажды Маленький народец подарил Ровану копию его ястребиного облика, сделанную из воробьиных перьев, желудей и панцирей жуков. Фэйский принц слегка улыбнулся, но не бросил подарок, а убрал себе в седельную сумку.

Вспомнив об этом, Аэлина тоже улыбнулась. Но подарки подарками, а когда знаешь, что Маленький народец следит за каждым твоим шагом, все видит и слышит, это... усложняет жизнь. Не всю жизнь, но моменты ее уединения с Рованом стали менее романтичными. Какая тут романтика, если за тобой наблюдают! Спасибо Эдиону и Лисандре. Те,

устав от жарких взглядов, которыми обменивались Аэлина и Рован, находили какую-нибудь нелепую причину, чтобы оставить их вдвоем. Например, Лисандра вдруг теряла свой любимый носовой платок. Или они с Эдионом отправлялись за дровами для костра, способного гореть без всяких дров.

А вот от внимания Маленького народца так просто не избавишься...

Аэлина погрузила пальцы в ручей. Ее сердце успокоилось, как вода в лесном пруду, теплая от полуденного солнца. Разум понесся за свои привычные границы.

Сероватая вода ручья текла у нее сквозь пальцы, словно она сплетала тесьму из водяных нитей.

Аэлина опустила руку. Ей нравилось разглядывать кожу сквозь водяной слой. Вода скатывалась по руке, образуя маленький вихрь на запястье.

– Ну что? – спросила она у фэйри за валуном. – Соплеменники ждали от тебя захватывающего рассказа, а тебе и рассказать нечего.

За спиной прошуршали мокрые листья. Рован. Если бы он не хотел, чтобы она слышала его приближение, подобрался бы бесшумно.

– Ты не очень-то задирай их, не то они сунут тебе в постель что-нибудь мокрое и холодное, – сказал он.

Аэлина стряхнула воду с руки и лишь тогда обернулась:

– Как ты думаешь, наши соглядатаи принимают заказы? Я бы сейчас отдала все свое королевство за купель с горячей водой.

Глаза Рована сверкнули. Аэлина встала и опустила невидимый щит, оберегавший ее от брызг ручья. Невидимое пламя превращало воду в пар, который смешивался с туманом.

– Сегодня ты что-то слишком разговорчива. Мне стоит волноваться по этому поводу?

Аэлина выпучила глаза и повернулась к камню. Но фэйри, следившего за ее неуклюжими попытками управлять водой, уже не было. Только охапка мокрых листьев и дрожащая пелена тумана.

Сильные руки обвили талию Аэлины, потянув ее в тепло его тела. Губы Рована ткнулись ей под ухо.

Аэлина выгнула спину. Теперь Рован целовал ей шею, согревая кожу, озябшую от тумана.

– Доброе утро, Рован, – прошептала она.

Он что-то пробурчал в ответ, но так страстно, что у нее внутри все перевернулось.

Три дня назад они пересекли границу Террасена, но по-прежнему не решались провести ночь на постоялом дворе. Слишком много вражеских глаз могли увидеть их там и на дорогах. Вдобавок по дорогам сейчас двигались колонны адарланских солдат, покидавших ее забытое богами королевство. Спасибо Дорину: один из его первых указов касался полного вывода адарланской армии из пределов Террасена.

Существовала опасность, что не все солдаты поспешат вернуться к своему новому законному королю. Кто-то может счесть более выгодным примкнуть к чудовищу, засевшему в Морате.

– Если уж тебе так хочется вымыться в горячей воде, неподалеку есть пруд, – прошептал Рован, не отрывая губ от ее шеи. – Ты быстро согреешь в нем воду... для нас обоих.

Аэлина коснулась его рук:

– Согрею воду и заодно сварю всю рыбу и всех лягушек. Сомневаюсь, что нам захочется мыться в этом супе.

– Вареная рыба пришлась бы очень кстати на завтрак.

Аэлина тихо рассмеялась. Клыки Рована коснулись чувствительного места между ее шеей и плечом. Аэлина впила ногтями в его мускулы, наслаждаясь их силой.

– Знать все равно появится здесь только к вечеру, – едва слышно прошептала Аэлина. – У нас еще есть время.

Когда они пересекли границу, Эдион отправил послания нескольким знатым особам, которым доверял. И сегодня они должны будут приехать сюда, на знакомую Эдиону поляну, где он столько лет подряд встречался с террасенскими мятежниками.

Аэлина со спутниками приехали первыми, чтобы обследовать прилегающие земли. Мало ли какие сюрпризы могли их поджидать! Никаких следов человеческого присутствия не нашлось. Эдион и его легион Беспощадных оберегали это место от недобрых глаз. За десять лет двоюродный брат Аэлины и воины его легендарного легиона немало сделали во имя безопасности Террасена – насколько такое было возможно при прежнем адарланском короле. Но и сейчас Эдион старался застраховаться от случайностей; даже при встрече с теми, кто некогда был ближайшим соратником ее дяди.

Рован осторожно закусил ей ухо, напрочь лишив способности думать.

– Как ни соблазнительно все это звучит, мне через час отправляться в путь, – сказал он.

В полет над окрестными землями – проверить, не затаилась ли где опасность. Рован поцеловал Аэлину, коснувшись ее подбородка и щеки. Поцелуи были совсем легкими, похожими на прикосновение птичьего пера.

– Но я по-прежнему придерживаюсь того, о чем говорил. Наше первое слияние будет не у дерева.

– Не у дерева, – засмеялась Аэлина. – Оно будет в пруду.

От его слов у нее пылала вся кожа. Ей стоило немалых усилий, чтобы не схватить его руку и не прижать к груди. Ей хотелось, чтобы Рован ласкал ее и чтобы его ласки окончились главным действием. А разве ему самому не хотелось вкушать ее?

– Я уже начинаю думать, что тебе нравится меня изводить, – сказала Аэлина.

– Поверь, мне самому нелегко.

Рован крепче прижал ее к себе. Аэлина получила осязаемое подтверждение, что он говорит правду, и едва не застонала.

Потом Рован отстранился. Аэлина нахмурилась, разом лишившись тепла его тела, заботливых рук и нежных губ. Она повернулась, поймала пристальный взгляд глаз цвета сосновой хвои. Волна, поднявшаяся у нее внутри, была посильнее любой магии.

– А чего это ты встала в такую рань? – вдруг спросил Рован.

Аэлина показала ему язык.

– Сменила на посту Эдиона. Вообще-то, был черед Лисандры, но они с Быстроногой храпели так, что впору мертвых воскрешать. И потом, мне чего-то не спалось, – добавила она.

Рован заметил, что амулет висит у нее на шее. Даже рубашка и кожаные доспехи не могли его скрыть.

– Так, может, это Ключ Вэрда нагнал на тебя бессонницу?

– Нет, не он.

Аэлина была вынуждена надеть Амулет Оринфа после того, как любопытная Венга порывалась в ее седельной сумке и посчитала амулет своей законной добычей. Никто бы и не узнал, если бы своевольная девчонка не явилась однажды после купания, надев цепочку с амулетом поверх одежды. Хвала богам, что это случилось в глубинах Задубелого леса, однако с тех пор Аэлина решила больше не рисковать.

Особенно если учесть, что Лоркан считал доставшуюся ему подделку настоящим Ключом.

Бессмертный воин покинул Рафтхол, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Она догадывалась, что он двинулся на юг. Но где он сделает вынужденную остановку? Распознал ли он подделку, точнее, две подделки: «Амулет Оринфа» и лежавший внутри «Ключ Вэрда»?

Сумел ли узнать, где два других Ключа, спрятанные бывшим королем Адарлана и герцогом Перангтоном?

Не Перангтоном. Эраваном.

У Аэлины похолодела спина, словно тень Мората вдруг обрела телесный облик и провела по ее спине когтистым пальцем.

– Я думаю... о предстоящей встрече, – сказала Аэлина. – Может, ее стоило устроить в Оринфе? А то среди леса... похоже на сходку мятежников.

Рован смотрел на север. До Оринфа – еще неделя пути. Когда-то этот город был настоящим сердцем ее королевства. Даже шире – всего континента. Едва они окажутся в Оринфе, начнется бесконечная череда совещаний, приготовлений и решений, принять которые может только она – террасенская королева. Нынешнее собрание, подготовленное Эдионом, было лишь началом.

– Лучше въехать в город, имея надежных союзников, чем не знать, с чем там столкнешься, – наконец произнес Рован.

Он криво усмехнулся и выразительно посмотрел на Злати'нец, висевший у Аэлины за спиной, и на арсенал ножей, прикрепленных к ее поясу.

– А что касается «сходки мятежников»... ты и сама столько лет была мятежницей.

Аэлина ответила ему неприличным жестом.

Эту встречу Эдион готовил во всеми мыслимыми и немыслимыми мерами предосторожности. Выбранное им место позволяло не опасаться шпионов и обойтись без ненужных жертв. Он заранее рассказал Аэлине о каждом из приглашенных. Эдион доверял этим людям, однако скрыл от них, с кем путешествует их королева и какими способностями обладает она сама и ее свита. На всякий случай он об этом умолчал.

Зачем им знать, что силой своей магии королева могла бы спалить всю долину – вплоть до серых отрогов Оленьих гор? А ведь Аэлина располагала не только магией.

Рован играл завитком ее волос, успевших снова отрасти.

– Тебя беспокоит, что Эраван до сих пор не сделал ни одного шага.

– Спрашивается, чего он ждет? Или мы сдуру считаем, что он позовет нас в гости? А может, он нарочно дает нам время? Рассчитывает, что я явлюсь к нему вместе с Эдионом, легионом Беспощадных и большой армией, и тогда он насладится сполна, уничтожая нас?

Пальцы Рована замерли у нее в волосах.

– Ты слышала слова Эдионова вестника. Взрыв уничтожил значительную часть Моратской крепости. Возможно, сейчас все силы брошены на восстановление.

– Вряд ли они сами устроили взрыв. Я в это не верю.

– Ты ни во что не веришь и никому не доверяешь.

– Я доверяю тебе, – сказала Аэлина, поднимая глаза.

Рован провел пальцем по ее щеке. Дождь снова припустил. Стук дождевых капель был единственным звуком на многие лиги вокруг.

Аэлина встала на цыпочки. Все это время она чувствовала на себе взгляд Рована. Он замер, будто выжидающий хищник. Аэлина поцеловала его один уголок рта, затем изгиб нижней губы, а потом второй уголок.

Нежные, дразнящие поцелуи, чтобы посмотреть, кто не выдержит первым.

Первым не выдержал Рован.

Резко втянув воздух, он крепко обнял Аэлину и приник к ее губам. Нет, проник сквозь них, прямо в ее рот, где его язык почувствовал себя полным хозяином. У Аэлины подгибались колени. Язык Рована накрыл ее язык. Движения были неторопливыми и умелыми, наглядно показывая, что подобные движения он способен совершать не только во рту.

Кровь Аэлины запылала. Мох под ногами зашипел. Дождевые капли стремительно превращались в пар.

Аэлина оборвала поцелуй. Она сбивчиво дышала, довольная тем, что и дыхание Рована тоже сбилось. Это единение между ними все еще было для нее слишком новым и слишком... необузданным. Оно поглощало их целиком. Желание было лишь началом.

Рован заставил ее магию петь. Возможно, это было проявление карранам¹ между ними, но... ее магии хотелось танцевать с его магией. Судя по частичкам инея, сверкающим в глазах Рована, его магия требовала того же.

Рован подался вперед, пока их лбы не соединились.

– Скоро, – тихим, хриловатым голосом пообещал он. – Найдем безопасное, защищенное местечко.

Ее безопасность всегда стояла у него на первом месте. Защищать ее, делать все, чтобы сохранить ей жизнь... это всегда будет для него главным. Урок, за который Ровану пришлось дорого заплатить, он усвоил крепко.

У Аэлины сжалось сердце. Она поднесла руку к лицу Рована. Его врожденная свирепость сменилась мягкостью, которую видели очень немногие. Аэлине хотелось столько всего ему рассказать, но она до боли в горле удерживала слова.

Аэлина уже не могла скрывать от себя самой, что полюбила Рована, причем давно. В последнем ей тоже не хотелось признаваться.

Она нежно поцеловала Рована. Его руки вновь сомкнулись на ее бедрах.

– Огненное сердце, – прошептал он.

– Старый зануда, – в тон ответила она.

Рован громко расхохотался.

Из лагеря, перекрывая шум дождя, донесся звонкий голос Венги:

– А не пора ли завтракать?

Аэлина фыркнула. Сейчас Венга вместе с Быстроногой теребили несчастную Лисандру. Та, приняв обличье призрачного леопарда, растянулась у негаснущего магического костра. С другой стороны крепко спал Эдион, неподвижный, как камень. После Лисандры неугомонная гончая прыгнет на него.

– Это добром не кончится, – пробормотал Рован.

– Есть хочу! – громко скулила Венга.

Ее скулеж подхватила Быстроногая.

В ответ послышалось рычание Лисандры; девчонка и собака мигом умолкли.

Рован снова засмеялся. Аэлина подумала, что ей никогда не наскучит его смех. И его улыбка тоже.

– Придется сооружать завтрак, – сказал он, поворачиваясь к лагерю. – А то сестры наши меньшие разворотят все подряд.

Аэлина усмехнулась. Она вспомнила о террасенских аристократах, ехавших сейчас на встречу. О чем она станет говорить с ними? О возрождении королевства, уничтоженного десятилетием адарланского правления. И о... новой войне, уже с другим противником.

Рован направился к лагерю. Венга бросилась к нему и стала требовать поджаренного хлеба и яичницу.

Это была семья Аэлины. Ее королевство.

Две мечты, надолго похороненные внутри, – порою ей думалось, что навсегда. Ветер, прилетевший с Оленьих гор, взъерошил ей волосы. Ради защиты близких, ради своих подданных она пойдет на все, отдаст жизнь и свободу.

¹ На языке народа фэ это означает особый вид кровной связи, когда ты можешь передавать тому, с кем связан, свою силу и тем самым помогать преодолевать трудные и опасные обстоятельства. (Прим. пер.)

Желая уберечь Венгу от стряпни Рована, Аэлина тоже пошла было к лагерю, но вдруг заметила, что на валуне, за которым прятался фэйри, что-то лежит. Она быстро перепрыгнула ручей и склонилась над камнем.

Очередной подарок Маленького народца был сделан из прутиков, паутины и рыбьей чешуи. Крошечный дракон был изготовлен с потрясающей точностью: крылья широко распростерты, а рот, полный острых зубов, застыл в неслышимом рыке.

Аэлина не стала трогать дракончика. Ее взгляд обратился к югу, туда, где далеко отсюда высились остатки зловещей Моратской крепости. Где пробудившийся Эраван ждал ее со своей армией Железнодорожных ведьм и тьмой солдат, управляемых валгскими демонами.

Так готова ли Аэлина Галатиния, королева Террасена, проливать кровь за Эрилею? Время, когда ей придется отвечать на этот вопрос, неумолимо приближалось.

Эдион Ашерир раздумывал о том, что путешествовать в обществе двух магов не только приятно, но и удобно. Особенно в скверную погоду.

Надо же такому случиться: в день, выбранный им для встреч, дождь лил не переставая. Рован дважды летал на север, чтобы проверить, как продвигаются именитые гости, но не увидел и не почувствовал их присутствия.

Террасенские дороги и в сухую погоду не отличались особым удобством, а в дождь раскисали. Никто в здравом уме не отважился бы пуститься сейчас в путь. Но в числе знати ехал Рен Ручейник, которому не привыкать странствовать и по раскисшим дорогам, и вообще без дорог. Скорее всего, затаились где-нибудь и не вылезут до наступления темноты. Конечно, и погода могла их задержать. Такое Эдион вполне допускал.

Гром прогремел так близко, что содрогнулись деревья. Следом мелькнула молния, посеребрив мокрые листья и залив окружающий мир неестественно ярким светом. Это было чересчур для обостренного фэйского чутья Эдиона. Но он хотя бы не промок и не ежился от холода.

Все это время они держались подальше от обжитых мест, и Эдион не знал, много ли магов повылезало из своих укрытий и радовались ли они возвращению магических дарований. Сам только однажды видел деревенскую девочку; судя по возрасту – ровесницу Венги. Та развлекала сверстников, заставляя струи фонтана устремляться к небесам. Ребятня весело смеялась. А взрослые – угрюмые, изможденные – только поглядывали издали, предпочитая не вмешиваться в детские шалости.

По словам дозорных Эдиона, люди в большинстве своем уже знали, что прежний король Адарлана при помощи темных сил все эти десять лет подавлял магию. Но даже сейчас, когда и королю, и его власти пришел конец, люди, потерявшие близких и хлебнувшие горя, вряд ли решатся сразу открыть перед окружающими свои магические способности.

Это случится не раньше, чем спутники Эдиона покажут миру, что применение магии более не влечет за собой губительных последствий. А такая девчушка, сумевшая оживить пересохший фонтан, силой своей магии напоит и окрестные поля.

Эдион смотрел на хмурые небеса и хмурился сам. Его руки теребили древний Меч Оринфа. Магия на Эрилее и раньше, еще до королевского запрета, вызывала к себе неоднозначное отношение. Маги тоже. Была разновидность магии, которая обрекала владевших ею в лучшем случае на изгнание и нищету, а в худшем – на смерть. Королевские дворы считали таких магов шпионами и убийцами. Но его двор...

Громкое удовлетворенное мурлыканье прервало размышления Эдиона. Он повернулся туда, где лежала одна из обладательниц этой магии. Рядом примостилась Венга. Напевая себе под нос, девчонка конским гребнем осторожно расчесывала мех Лисандры.

Эдиону понадобился не один день, чтобы привыкнуть к ее звериному облику. Превращалась Лисандра не в кого-нибудь, а в призрачного леопарда. За годы службы Эдион

часто бывал в Оленьих горах, и его страх перед призрачными леопардами успел войти в кровь. Встреча с этими зверями почти всегда кончалась смертью. Но на подстилке лежал не какой-то там призрачный леопард, спустившийся с гор, а Лисандра. Она разлеглась на животе, убрав когти, и была похожа на громадную кошку, которой лень самой вылизывать мех, и потому она позволяет его расчесывать.

Лисандра умела шпионить. И убивать тоже. Улыбка тронула губы Эдиона при виде ее светло-зеленых глаз, полузакрытых от удовольствия. Как-то отнесутся к такому зрелищу господа террасенские придворные, когда доберутся сюда.

Время путешествия из Рафтхола в Оринф маг-оборотень Лисандра даром не теряла. Она превращалась в разных зверей, птиц и даже насекомых. Последние жужжали над самым ухом Эдиона, норовя укусить. И редко – очень редко – Лисандра принимала облик женщины, в котором Эдион ее впервые увидел. Помня, как обращались с ее телом и что заставляли делать, Эдион ее не винил.

Однако через какое-то время ей придется вернуться в человеческий облик. Аэлина представит ее террасенскому двору. Помнится, Лисандра говорила, что сменит себе тело, поскольку в нынешнем просто «застряла».

Эдиону хотелось расспросить, каково это – превращаться из человека в зверя и обратно. Но что-то удерживало его от вопросов. А с призрачным леопардом не очень-то поговоришь.

Аэлина сидела напротив. Быстроногая устроилась у нее на коленях. Аэлина теребила длинные собачьи уши и ждала. Они все ждали. От двоюродной сестры Эдиона не укрылось, как бесцеремонно он обращается с древним мечом, когда-то принадлежавшим ее отцу. Меч этот был знаком Эдиону, как собственное лицо: и лезвие, и потрескавшийся костяной эфес. В глазах Аэлины мелькнула печаль.

Когда они покидали Рафтхол, Аэлина вернула ему меч, взяв себе Златинец. Эдион пытался убедить ее, что нынче священный меч Террасена принадлежит ей. Аэлина не соглашалась. Она считала Меч Оринфа более подходящим для мужской руки. К тому же Эдион, как никто другой – включая и ее, – заслужил честь владеть этим мечом.

Чем дальше на север они продвигались, тем тише становилась Аэлина. Недели их долгого пути, наверное, сказались и на ней.

Хотелось надеяться, что террасенская знать не привезет никаких тревожных известий. А после встречи Эдион постарается найти сестре тихое местечко, где она могла бы отдохнуть пару дней перед последним отрезком их пути в Оринф.

Убрав меч в ножны, Эдион встал. Рядом висели другие, с ножом, подаренным Рованом. Обогнув костер, Эдион уселся рядом со своей сестрой и королевой. Быстроногая приветственно замахала пушистым хвостом.

– Тебе не мешало бы волосы подрезать, – сказала Аэлина.

И в самом деле, его волосы сильно отросли.

– Они у тебя одинаковой длины с моими. – Аэлина нахмурилась. – Такое ощущение, будто мы нарочно стараемся стать похожими.

Эдион усмехнулся, поглаживая собачью голову:

– А если и так?

– Если ты начнешь и одеваться соответствующим образом, я не против, – пожала плечами Аэлина.

– Легион Беспощадных мне такого никогда не простит, – улыбнулся Эдион.

Его легион стоял сейчас в окрестностях Оринфа. Эдион приказал соратникам поддерживать оборону города и ждать. Ждать той поры, когда понадобится убивать ради своей королевы и умирать за нее.

Весной, осуществив хитроумный замысел, Аэлина сумела завладеть громадными деньгами своего бывшего хозяина. Располагая такими суммами, они смогут собрать армию, которая пойдет позади Беспощадных. Может, и наемников возьмут.

Искорки в глазах Аэлины приугасли, словно и она обдумывала грядущие военные дела. Риск и цена были высоки, и речь шла не о золоте, а о жизнях. Эдион мог поклясться, что даже пламя костра заурчало.

В эти страшные десять лет Аэлина убивала, сражалась и неоднократно оказывалась на грани гибели. Но Эдион знал, с какой неохотой она будет отправлять солдат – и его тоже – на поле боя.

Что ж, это, помимо всего прочего, станет первым испытанием для ее королевской власти.

Но вначале ее ожидала встреча с террасенской знатью.

– Ты помнишь все, что я тебе о них рассказывал?

– Да, братец. Все до последнего слова.

Аэлина пихнула его локтем под ребра, туда, где у него заживала кожа после татуировки, сделанной Рованом три дня назад. Все их имена сплелись в прихотливый террасенский узел, помещавшийся возле самого сердца. Эдион поморщился и слегка оттолкнул ее руку.

– Муртаг был крестьянским сыном, – тоном старательной ученицы начала Аэлина. – Это не помешало ему жениться на бабушке Рена. Хотя Муртаг и не является прямым наследником рода Ручейников, он по-прежнему держит бразды правления. Правда, упорно твердит, что титул принадлежит Рену.

Взглянув на небо, где не появилось ни одного просвета, Аэлина продолжала:

– Дарро – богатейший землевладелец... после тебя. Более того, управляет несколькими уцелевшими террасенскими аристократами. Все годы адарланского владычества он очень умело выстраивал отношения с захватчиками.

Аэлина сердито посмотрела на брата. Такой взгляд вполне мог и кожу содрать.

Эдион поднял руки:

– Станешь упрекать меня за то, что проявляю излишнюю щепетильность при подготовке?

Аэлина пожала плечами, но откусывать ему голову не стала.

– Дарро был возлюбленным твоего дяди, – добавил Эдион, вытягивая затекшие ноги. – Их союз длился не один десяток лет. Он ни разу не говорил со мной о твоём дяде, но... поверь, Аэлина, они были очень близки. Дарро не принимал участия в траурных церемониях и не оплакивал Орлона, хотя придворный этикет требовал его участия. Но с тех пор он изменился. Сейчас он жесткий и несговорчивый, однако по-прежнему честный. Почти все, что он делал, было продиктовано его неугасимой любовью к Орлону и Террасену. Его маневры позволили нам не умереть с голоду, превращаясь в двуногих зверей. Помни об этом.

Эдион был прав. Дарро и впрямь слишком долго балансировал между служением адарланскому королю и борьбой с ним.

– Я... знаю, – отчеканила она.

Эти слова были ее первым и последним предостережением Эдиону: он зашел слишком далеко и ей такой напор не нравится. За минувшие несколько дней он подробно рассказывал ей про Рена, Муртага и Дарро. Эдион не сомневался, что теперь Аэлина знала, у кого какие владения и где кто что выращивает и какой скот разводит. Она помнила имена их предков, знала, кто погиб и кто выжил за эти десять лет. Но такая проверка, когда Эдион действительно заставил ее отвечать, как на уроке... Похоже, он не доверял своему чутью и сомневался, что все пройдет хорошо. Его можно понять: ставки были слишком высоки.

Рован в это время сидел на ветке, наблюдая за лесом. Щелкнув клювом, он взмахнул крыльями и полетел в дождь. Защитный покров разошелся, пропуская его.

Эдион поднялся на ноги, вглядываясь и вслушиваясь в лес. Ничего, кроме стука дождевых капель и мокрого шелеста листьев. Лисандра потянулась, оскалив крупные зубы. Ее острые клыки сверкнули в пламени костра.

Пока Рован не сообщит, что все спокойно, что сюда приближаются лишь приглашенные и никто другой, меры предосторожности будут действовать.

Венга, как ее учили, подползла к огню. Языки пламени разошлись, словно занавес, пропуская внутрь ее и Быстроногую. Костер имел внутреннее кольцо, где можно было отсидеться и не сгореть. Но любая попытка врагов туда прорваться расплавила бы им кости.

Аэлина видела, как Эдион встал у западного края костра. Лисандра заняла место на южном. Аэлина встала у северного, но смотрела на запад, туда, где скрылся Рован.

Сквозь их маленький защитный пузырь дул сухой и жаркий ветер. Искры, как светлячки, плясали у пальцев Аэлины. Ее правая рука сжимала эфес Златинца, и рубин, вделанный в металл, сверкал ярким угольком.

Зашуршали листья, захрустели ветки. В свете костра блеснуло золотисто-красное лезвие Меча Оринфа. В другой руке Эдион держал древний нож, подаренный Рованом. Все эти недели Рован учил Эдиона и остальных древним традициям и сводам правил народа фэ. Их забыли даже при дворе Маэвы. Но здесь этим традициям суждено было возродиться, иначе сильное и прочное Террасенское королевство останется прекрасной мечтой.

Из-за стены дождя появился Рован, успевший вернуться в свой фэйский облик. Мокрые серебристые волосы липли на лоб. Узоры татуировки на загорелом лице казались совсем черными.

Ожидаемой террасенской знати с ним не было, но вернулся он не один. Рован привел с собой молодого остроносого, насквозь промокшего парня. На грязной дорожной одежде незваного гостя красовался герб с изображением атакующего барсука. Семейный герб Дарро. А у самого горла застыла рука Рована с охотничьим ножом.

– Посланник, – коротко пояснил Рован.

Аэлине очень не понравился неожиданный поворот событий.

Синие глаза посланника были широко распахнуты, но мокрое веснушчатое лицо оставалось спокойным. И держался он спокойно. Взглянув на Лисандру, чьи клыки зловеще поблескивали в отсветах костра, даже не вздрогнул. Казалось, его не пугало и лезвие ножа, застывшее возле горла. Рован подтолкнул посланника ближе к костру.

– С ножом у горла он вряд ли сумеет передать нам послание, – заметил Ровану Эдион. Рован опустил нож, но совсем не убрал и сам остался стоять рядом.

– Где они? – спросил Эдион.

Парень быстро поклонился Эдиону:

– В таверне, господин генерал, чуть больше лиги отсюда.

Он хотел сказать что-то еще, но умолк: Аэлина, обогнув костер, приблизилась к посланнику. Она усилила пламя, надежно пряча внутри Венгу и Быстроногую. Посланник шумно выдохнул.

Он понял. Увидел, она переглядывается с Эдионом, увидел одинаковый цвет глаз и волос... И поспешил запоздало поклониться Аэлине.

Она видела, как он опустил голову, обнажив блестящую от дождя шею. Ее магия пробудилась. И предмет чудовищной силы, висевший у нее на груди, словно открыл свой древний глаз, наблюдая за происходящим.

Посланник застыл. Глаза раскрылись еще шире, когда к нему неслышно подошла Лисандра. Шевеля усами, обнюхала его мокрую одежду. Парню хватило ума не шевелиться.

– Так что, встреча отменяется? – жестко спросил Эдион, продолжая оглядывать лес. Парень съежился:

– Нет, господин генерал. Они предлагают вам прибыть к ним в таверну. Причина – непрекращающийся дождь.

Эдион выпучил глаза:

– Возвращайся и скажи Дарро: пусть поднимет задницу от стула и явится сюда. Не сахарный, не растает.

– Причина не в его светлости Дарро, – торопливо ответил посланник. – При всем уважении к его светлости Муртагу, герцог заметно сдал за это лето. Его светлость Рен опасается за здоровье деда. Сами понимаете: дождь, темнота...

Аэлина вспомнила, как еще весной старый Муртаг, словно демон, носился между королевствами. Возможно, действительно сдал.

Эдион разочарованно вздохнул:

– Сам знаешь: нам вначале понадобится проверить эту таверну вдоль и поперек. И встреча начнется позже, чем им хотелось бы.

– Конечно, господин генерал. Они это понимают.

Посланник наконец-то заметил Венгу и Быстроногую, спрятавшихся внутри костра, и его передернуло. Ни фэйский принц, застывший рядом, ни призрачный леопард, обнюхивающий его, не испугали посланника так, как костер Аэлины. Его лицо стало мертвенно-бледным.

– Но они ждут. Его светлость Дарро выражает нетерпение. Ему непривычно находиться вне стен Оринфа. Это вызывает у него беспокойство. Да и всем сейчас боязно покидать Оринф.

«В этом ты прав», – подумала Аэлина и усмехнулась.

Глава 3

Манона Черноклювая застыла возле моста, соединявшего Моратскую крепость с окружающим миром. Все ее внимание было направлено на шабаш бабушки, появившийся из серых облаков. Со дна ущелья поднимались к небесам столбы дыма многочисленных кузниц. Но даже сквозь них глаза Маноны безошибочно различали внушительный обсидианово-черный наряд Верховной ведьмы клана Черноклювых. Никто больше не одевался так, как Матерь. Ее шабаш, прорвавшийся сквозь тяжелую облачность, держался на почтительном расстоянии от Верховной ведьмы и всадницы, управлявшей громадным драконом.

За спиной Маноны неподвижно стояли ведьмы ее отряда Тринадцати. Все молча следили за тем, как драконы и их всадницы опускаются на темные камни двора по другую сторону моста. Далеко внизу шумела грязная, заваленная обломками река, но шелест драконьих крыльев и царапанье когтистых лап по каменной поверхности почти заглушали шум воды.

Итак, бабушка явилась в Морат. Точнее, в то, что от него осталось, ибо треть крепости лежала в развалинах.

Бабушка Маноны проворно спрыгнула с драконьей шеи. Глядя на это, Астерина сердито выдохнула. Верховная ведьма хмуро посматривала на черную крепость за спиной внучки и ведьм отряда Тринадцати. Герцог Перангтон наверняка уже ждал важную гостью у себя в комнате совещаний. Варнон Лошэн – герцогский прихвостень – обязательно сделает все, чтобы выставить Манону в самом неприглядном свете. Она в этом не сомневалась. Если Варнон задумал от нее избавиться, время сейчас было более чем подходящее. Бабушка собственными глазами видела, что сделала ее внучка.

Правильнее сказать, чего не сумела сделать.

Манона стояла, прямая как стрела. Бабушка шла по широкому каменному мосту. Шагов Верховной ведьмы было почти не слышно из-за гула реки, ударов драконьих крыльев и грохота кузнечных молотов. Кузницы работали сутками напролет, неутомимо выковывая оружие для бесчисленной армии герцога. Только когда бабушка приблизилась настолько, что стали различимы белки ее глаз, Манона поклонилась.

Хруст кожаных доспехов подсказал Маноне, что ведьмы отряда Тринадцати сделали то же самое.

Подняв голову, она увидела перед собой бабушку. Взгляд черных с золотистыми крапинками глаз Верховной ведьмы обещал ей одно – жестокую, изощренную смерть.

– Проводи меня к герцогу, – даже не поздоровавшись, потребовала бабушка.

Манона почувствовала оцепенение, охватившее ведьм отряда Тринадцати. По пятам Верховной ведьмы двигались ведьмы ее шабаша. Такое случалось крайне редко и намекало на необходимость защиты.

Но Морат был цитаделью людей и демонов. Верховная ведьма прилетела сюда на длительный срок. Возможно, насовсем, поскольку привезла с собой темноволосую молоденькую ведьму, нынче согревавшую ее постель. Со стороны Верховной ведьмы было бы глупо не позаботиться о дополнительной защите, даже если в прошлом отряд Тринадцати служил ей надежной охраной. Или что-то изменилось?

Манона едва удержалась, чтобы не выпустить железные ногти. Но пока что угроза ей лишь мерещилась.

Снова поклонившись, Манона повернулась к высоченным открытым створкам крепостных ворот. Ведьмы отряда Тринадцати расступились, пропуская Манону и Матерь Черноклювых, затем снова сомкнулись, образовав смертоносный щит. Когда дело касалось Верховной ведьмы и ее наследницы, требовалось исключить любые случайности.

Ступая почти бесшумно, Манона вела бабушку по мрачным коридорам. Все их подчиненные двигались следом. Прислуга из числа людей попряталась: или видели прибытие Верховной ведьмы, или их человеческое чутье подсказало.

– Есть о чем доложить? – спросила Верховная ведьма, когда они поднимались по первой из многочисленных винтовых лестниц, ведущих в новую комнату совещаний.

– Нет, бабушка.

Манона удержалась от желания бросить мимолетный взгляд на Верховную ведьму – на ее седеющие темные волосы, бледное лицо, изрезанное древними морщинами ненависти, и ржавые железные зубы, которые та почти никогда не убирала.

Когда-то бабушка Маноны поставила страшное клеймо на тело Астерины. Тогда же она бросила мертворожденную дочку Астерины в огонь, не дав матери даже подержать холодное тельце своего ребенка. А потом бабушка жестоко избила Астерину и вышвырнула на снег умирать. Правда, скрываемая почти целое столетие, стала известна Маноне совсем недавно. Все эти годы бабушка ей врала.

Можно было лишь догадываться, какие мысли сейчас теснились в голове Астерины, Соррели и Васты. Это они тогда нашли и выходили Астерину, спрятав в пещере. И они тоже никогда не рассказывали Маноне об этом.

Все они знали: Манона – настоящая внучка своей бабушки. И ни у кого это не вызывало ненависти.

– Сумела узнать, кто устроил взрыв? – задала новый вопрос Верховная ведьма.

Теперь они шли по узкому длинному коридору, в конце которого находилась комната совещаний. Развешивающиеся бабушкины одежды напоминали вихрь.

– Нет, бабушка.

Взгляд черных с золотистыми крапинками глаз обратился на Манону.

– Странно как-то получается, главнокомандующая. Ты сетуешь на опыты герцога по скрещиванию ведьм с демонами, а через несколько дней весь шабаш Желтоногих, родивших потомство, сгорает дотла.

«Ну и черт с ними», – едва не вырвалось у Маноны. От взрыва погибло еще несколько шабашей, зато все плоды жутких опытов герцога были уничтожены. Не видать ему потомства Желтоногих и валгов. Но Манона чувствовала напряженное внимание ведьм своего отряда. Их взгляды так и приклеились к бабушкиной спине.

Следом Манона почувствовала нечто вроде страха. Бабушка ее обвинила, заставив ведьм отряда Тринадцати подвести черту. Нет, черта была подведена раньше появления Верховной ведьмы.

По сути, все эти долгие месяцы, проведенные в Морате, Манона противилась тому, чего от нее хотели. Узнай Верховная ведьма об этом, она бы привязала Манону к столбу и хлестала бы до тех пор, пока со спины внучки не стала бы лоскутами свисать кожа. А ведьм отряда Тринадцати заставила бы смотреть и мучиться от бессилия. Потом та же участь ожидала бы и их. Скорее всего, свежие раны бабушка полила бы соленой водой. И повторяла бы истязания день за днем.

– Поговаривали, будто взрыв устроила человеческая женщина из подчиненных герцога. Но она погибла в огне, и подтвердить ее причастность невозможно. Я не хотела занимать твое время слухами и домыслами.

– Герцог действительно держал ее в полном подчинении.

– Ее, но не теневой огонь.

Теневой огонь был могущественным оружием. Усиленный зеркальными башнями, которые Верховные ведьмы трех кланов сооружали в Ферианской впадине, он бы в считанные мгновения расплавил всех врагов герцога. С гибелью Кальтэны эта возможность

исчезла. Прежний адарланский король был мертв. Вряд ли герцог признает власть наследного принца, взошедшего на адарланский трон.

Дальше бабушка шла молча.

На доске, где велась кровавая игра за владычество над континентом, появилась новая фигура: принц с сапфировыми глазами. Он сумел освободиться от власти валгского демона-принца, который не один месяц повелевал его разумом. Едва освободившись, он заключил союз с молодой золотоволосой королевой.

У самой двери комнаты совещаний Манона очистила голову от всех мыслей. Караульные с бесстрастными лицами распахнули тяжелую каменную дверь.

Все чувства Маноны пришли в состояние убийственного спокойствия, когда она увидела черный стеклянный стол и того, кто там сидел.

Это был Варнон: высокий, долговязый, с вечной ухмылкой на лице. Он любил наряжаться в камзол зеленого цвета – цвета преданного им королевства Террасен.

Возле стола сидел некто золотоволосый. Кожа его лица и рук была цвета слоновой кости. И никаких признаков герцога. Незнакомец повернулся к ним, и теперь даже бабушка Маноны замерла.

Красивый, сильный, безупречно сложенный. Он был весь в черном. Но Верховную ведьму поразила не красота, сила или наряд. Золотистые глаза – вот что ее ошеломило. Точно такие же глаза были у Маноны.

Глаза валгских королей.

Манона оценила расположение комнаты: двери, окна. Подумала, каким оружием будет сражаться, если выходить отсюда придется с боем. Выучка, доведенная до состояния инстинкта, заставила ее загородить собой бабушку и взять в руки по кинжалу. И все это быстрее, чем золотоглазый успел моргнуть.

Он пристально смотрел на Манону и улыбался:

– Здравствуй, главнокомандующая.

Затем он взглянул на бабушку и слегка наклонил голову:

– И тебя приветствую, Верховная ведьма.

Голос у него был красивый, чувственный и в то же время жесткий. В тоне ощущалась требовательность.

Усмешка Варнона стала напряженной. Смуглое лицо побледнело.

– Кто ты такой? – властно спросила Манона.

Человек кивнул в сторону пустых стульев:

– Манона Черноклювая, ты прекрасно знаешь, кто я.

Перангтон. Он перебрался в другое тело, потому что... Потому что та жуткая, отвратительная тварь, чье отражение Манона иногда ловила в его глазах... теперь обрела плоть.

Напряженное лицо Верховной ведьмы подтвердило догадку Маноны.

– Я устал носить тот мешок, набитый дряхлым мясом, – сказал он, с кошачьим изяществом опускаясь на стул рядом с Варноном. – Мои враги знают, кто я. Полагаю, что и мои союзники тоже, – добавил он, взмахнув длинными сильными пальцами.

Варнон склонил голову и промурлыкал:

– Мой повелитель Эраван, позвольте мне распорядиться насчет воды для Верховной ведьмы. Она проделала долгий путь.

Манона оценила поведение бывшего прихвостня Перангтона. Он выказал уважение ее бабушке и назвал настоящее имя герцога. Возможно, Гислана, которая сейчас стояла в карауле с внешней стороны двери, что-то знала об Эраване.

Валгский король одобрительно кивнул. Бывший правитель Перранта прошел к столику у стены, взял графин. Манона с бабушкой сели напротив Эравана.

У Варнона вдруг проснулась уважительность. Прежде во всех его словах и жестах ощущалась издевка. Но теперь... Возможно, этот проныра сообразил, у какого чудовища он нынче на поводке, и потому отчаянно ищет союзников. Возможно, Варнон догадывался, что Манона... может быть причастной к взрыву.

Манона взяла протянутый ей Варноном роговой бокал с водой, но пить не стала. Бабушка тоже не притронулась к воде.

Эраван слегка улыбнулся. В его облике не ощущалось ни тьмы, ни порочности. Похоже, он обладал достаточной силой, позволявшей скрывать нежелательные стороны. Вот только изменить цвет глаз он не мог. У него были ее, Маноны, глаза.

Ведьмы отряда Тринадцати и бабушкиного шабаша оставались в коридоре. Только первым заместительницам было позволено стоять у двери.

Комната совещаний превратилась в ловушку, устроенную валгским королем.

Эраван посмотрел на них так, что Манона невольно сомкнула губы, не позволяя себе оскалиться.

– Мой первый вопрос: силы Ферианской впадины приведены в готовность?

Бабушка Маноны слегка кивнула:

– Они вылетят на закате. В Рафтхале будут через пару дней.

Манона не осмелилась шевельнуться.

– Вы посылаете ту часть воздушной армии в Рафтхол? – спросила она у Эравана.

– В Рафтхол я посылаю тебя и твоих ведьм. Вы должны будете занять мой город. Когда вы выполните эту задачу, там разместится Ферианский легион под командованием Искры Желтоногой.

В Рафтхол! Наконец-то им предстоят настоящие сражения и можно будет проверить, на что способны их драконы в бою.

– Вы предполагаете нападение оттуда?

Эраван мертвенно улыбнулся:

– Наши силы будут двигаться быстро и нападут неожиданно.

Теперь понятно, почему эти сведения скрывались вплоть до сегодняшнего дня.

Манона нетерпеливо постукивала ногой по черному полу. Ей хотелось сорваться с места и раздавать приказы, готовя отряд к полету.

– Сколько моратских шабашей взять мне с собой на север?

– Вторую половину нашего воздушного легиона возглавит Искра. Вряд ли нужно сдерживать с места много здешних шабашей.

Слова Эравана были вызовом и проверкой.

Манона задумалась.

– Тогда я полечу со своим отрядом Тринадцати и двумя шабашами сопровождения.

Незачем давать врагам подсказку насчет числа шабашей и общей численности воздушной армии. Манона была готова поспорить на любые деньги, что для овладения адарланской столицей хватило бы и одного ее отряда Тринадцати.

Эраван чуть наклонил голову, выражая согласие. Бабушка едва заметно кивнула. Большого одобрения Манона от нее никогда не видела.

– А как быть с принцем? – спросила Манона.

Теперь уже не с принцем. С королем Дорином.

Бабушка метнула в нее недовольный взгляд, но демон сказал:

– Привези его ко мне. Если он уцелеет.

С тех пор как огненная королева отправилась в свои края, Дорин Хавильяр и его город оставались беззащитными. Это обстоятельство мало волновало Манону. Война есть война.

Закончится война, и можно будет вернуться в Западный край – на их потерянную родину. Так обещала ведьмам прежняя власть. Но демон-король вполне может отказаться. Ведь это не он давал обещание.

Ничего, потом она со всем разберется. Но вначале... настоящее сражение. Манона уже слышала в своей крови безудержную боевую песнь.

Король-демон и Верховная ведьма продолжили разговор. Маноне пришлось заглушить в себе музыку звенящих щитов и сверкающих мечей и прислушаться.

– После захвата столицы мне понадобятся корабли, способные плыть по Авери, – сказал Эраван.

– Те люди на Серебряном озере согласились?

Бабушка разглядывала карту на столе, придавленную по краям гладкими камешками. Река Авери, на которой стоял Рафтхол, вытекала из Серебряного озера. На берегу того же озера, чуть западнее, стоял Аньель. За ним начинались Белоклычьи горы.

Перангтон-Эраван пожал широкими плечами:

– Их правитель пока что не приносил клятву на верность ни мне, ни мальчишке-королю. Когда он узнает о падении Рафтхола, его посланцы будут обивать наши пороги, умоляя об аудиенции.

На губах короля-демона мелькнула улыбка.

– Их крепость близ Западного водопада до сих пор хранит отметины в память о проходе моей армии. Аньель кишит памятниками жертвам той войны. Правитель должен понимать, что я с легкостью могу опять превратить его город в склеп.

Манона снова уткнулась в карту, решив больше не задавать вопросов.

Валгский король был стар. Настолько стар, что рядом с ним Манона чувствовала себя ребенком. С вершин своего возраста он не видел особой разницы между нею и бабушкой.

Выходит, напрасно Манона считала бабушку умной. Верховная ведьма сгруппировалась, заключив союз с этим чудовищем и, по сути, продав ему своих соплеменниц.

Выдержав пристальный взгляд Эравана, Манона поняла, что совсем без вопросов ей не обойтись.

– Располагая Моратом, а в скором времени – Рафтхолом и Аньелем, мы охватываем только южную половину Адарлана. Как обстоят дела к северу от Ферианской впадины? И дальше на юг?

– Бельхэвен остается под моей властью. Его правители и торговцы слишком любят свое золото. Мелисанда... – Золотистые глаза короля-демона вперились в то место на карте, где находилось это западное государство. – Эйлуэ погребено под собственными обломками. Фенхару тоже еле шевелится. Получается, что Мелисанде не остается иного, как продолжать союзнические отношения со мной. Особенно сейчас, когда Террасен гроша ломаного не стоит.

Взгляд короля переместился к северному краю карты.

– Аэлина Галатиния к этому времени наверняка уже добралась до своего обожаемого Оринфа. Когда Рафтхол падет, она поймет, что осталась в полном одиночестве. У наследницы Брэннона нет союзников на Эрилее. Точнее, больше нет.

Однако Манона заметила, как вспыхнули глаза короля-демона, когда он смотрел на Эйлуэ.

Бабушка молча следила за нею. Чувствовалось, она готова оборвать жизнь внучки, если та зайдет слишком далеко. Но Манона не собиралась останавливаться:

– Ваша столица – настоящее сердце торговли. Если я обрушу мой легион на Рафтхол, вы недосчитаетесь многих своих союзников из числа людей.

– Насколько помню, Манона Черноклювая, раньше это был мой легион.

Манона выдержала и этот пылающий взгляд Эравана, хотя и чувствовала, что ее раздевают.

– Если Рафтхол превратится в сплошную грудку развалин, правитель Аньеля, королева Мелисанды и те, кто правит Фенхару, могут пойти на риск и выступить против вас. Если вы разрушаете собственную столицу, как они поверят вашим словам о союзничестве? Впереди нас должен отправиться ваш указ, объявляющий новых короля и королеву врагами континента. Пусть мы будем выглядеть не захватчиками, а освободителями Рафтхола. И тогда остальные правители дважды подумают, прежде чем объединяться с Террасеном. Я готова частично разрушить город, чтобы показать нашу силу, но не дайте Железному стереть Рафтхол с лица земли.

Золотистые глаза короля сощурились. Он задумался.

Манона чувствовала: еще одно слово, и железные ногти бабушки вопьются ей в щеку, но продолжала сидеть, расправив плечи. Ее совсем не заботила судьба города и его жителей. Манону волновало совсем другое: полное разрушение Рафтхола могло бы объединить недавних врагов. Впрочем, Манона думала даже не об этом. При таком повороте событий война могла затянуться, отдаляя возвращение Черноклювых в Западный край.

Варнон встретился с нею взглядом, и его глаза вспыхнули. В них был страх и расчет.

– Ваше превосходительство, в словах главнокомандующей есть здравый смысл, – вкрадчиво произнес он, повернувшись к Эравану.

Варнон что-то знал, чего не знала она. Интересно, что? Но Эраван наклонил голову. Золотистые волосы закрыли лоб.

– Потому, Манона Черноклювая, ты и стала главнокомандующей моей воздушной армией, а Искара Желтоногая не получила этой должности.

Внутри Маноны боролись гордость и отвращение, но она кивнула.

– Еще один момент, – сказал Эраван.

Она замерла, ожидая его слов. Король-демон развалился на стуле.

– В Рафтхале есть стеклянная стена. Она заметна еще издали.

Манона знала эту стену и даже сидела на ней.

– Произведи столько разрушений, сколько необходимо, чтобы показать нашу силу и укоренить страх во всех сословиях жителей. Но эту стену... сровняй ее с землей.

– Зачем? – коротко спросила Манона.

Золотистые глаза вспыхнули горячими угольками.

– Разрушение символа может сломить дух людей ничуть не хуже бойни.

Стеклянную стену создала магия Аэлины Галатинии. Это был знак ее милосердия. Манона выдержала очередной взгляд короля-демона. Он тоже кивнул, отпуская ее.

Манона вышла, успев заметить, как Эраван стал что-то говорить Варнону. Только потом, в одном из бесчисленных коридоров, она поняла свою оплошность. По уставу она должна была остаться для защиты Верховной ведьмы.

Отряд Тринадцати опустил на дно ущелья, где находились кузницы, военный лагерь и их личный арсенал. Седлая драконов в новом гнезде (старое было сметено взрывом) и потом, по пути сюда, никто из ведьм не решился заговорить.

Вместе с ними, преодолевая вечный смрад и дым ущелья, опустились ведьмы двух шабашей сопровождения, выбранных Маноной. Оба – из Черноклювых. Как и отряд Тринадцати, они поспешили к своим арсеналам.

На глинистой земле, истоптанной сотнями ног, громоздился лабиринт жилых шатров и кузниц. Выбрав уголок поукромнее, Манона сказала соратникам:

– Вылетаем через полчаса.

Невдалеке кузнецы и подручные уже одевали в доспехи драконов, которых на это время приковали цепями к железным столбам.

При достаточной расторопности никто из людей не станет драконьей пищей. Но небесно-голубая дракониха Астерины уже приглядывалась к человеку, хлопотавшему возле нее.

Маноне где-то было любопытно: сумеет дракониха закусить на дорогу или нет. Уси-
лием воли она отвернулась и продолжала:

– Если нам повезет, мы окажемся на месте раньше Искры и зададим тон всем разру-
шениям и устрашениям. Если нет – разыщем Искру и прекратим то, что ее шабаш успел
начать. Принца оставьте мне.

Говоря это, Манона не осмеливалась взглянуть на Астерину.

– Не сомневаюсь, что Желтоногие попытаются заполучить его голову. Останавливайте
каждую, кто на это отважится.

Возможно, заодно они покончат и с Искрой. Во время сражений всякое бывает.

Отряд Тринадцати молча склонился, выражая понимание и повиновение.

– Полное боевое облачение. – Манона зловеще улыбнулась. – Туда мы явимся во всем
нашем устрашающем великолепии.

Ответом ей были двенадцать столь же зловещих улыбок. Ведьмы прошли в шатер, где
на столах и манекенах были разложены и развешены части доспехов. Все эти месяцы куз-
нецы изготавливали их с усердием и тщательностью.

Возле Маноны, как того требовал устав, осталась лишь Астерина. Главнокомандующая
поймала за рукав проходящую мимо Гислану.

– Расскажи, что тебе известно про Эравана, – потребовала Манона, перекрывая грохот
кузниц и рев драконов.

Гислана побледнела и уже открыла рот, когда Манона сердито добавила:

– Только самую суть.

Гислана нервно сглотнула. Остальные ведьмы занялись облачением. Невзирая на окру-
жающий гвалт, ученая ведьма говорила так, чтобы ее слышали только Манона и Астерина.

– Он был одним из трех валгских королей-демонов, вторгшихся на землю в незапа-
мятные времена. Его спутников либо убили, либо отправили обратно в их темный мир.
Эраван застрял здесь с небольшой армией. На Эрилею он бежал после того, как Мазва и
Брэннон уничтожили значительную часть его сил. Целую тысячу лет он восстанавливал
армию, укрывшись в подземельях Белоклычих гор. Когда он решил, что достаточно под-
готовился... а к этому времени пламя короля Брэннона начало слабеть, Эраван вышел на
поверхность, намереваясь захватить весь континент. Легенда гласит, что он был побежден
дочерью Брэннона и ее возлюбленным из числа людей.

– Похоже, легенда врет, – хмыкнула Астерина.

– Иди облачаться, – сказала Манона, выпуская руку Гисланы. – Найдешь время – рас-
скажи остальным.

Гислана поклонилась и поспешила к шатру арсенала.

И снова Манона не уделила внимания Астерине. Сейчас не время для таких разговоров.

Немого кузнеца она нашла на его обычном месте. По грязному лбу обильно струился
пот. Но глаза кузнеца смотрели спокойно и уверенно. Он снял со стола рогожу, открыв свер-
кающие, полностью готовые доспехи Маноны.

Их блеск был особым, поскольку кузнец изготовил их из чешуек темного металла. Это
делало части доспехов похожими на узорчатую драконью чешую. Манона провела пальцем
по чешуйкам, соединенным внахлест, затем потянулась к кольчужной рукавице, сделанной
точно по ее руке.

– Какая красота, – вырвалось у нее.

Доспехи были устрашающими и в то же время красивыми. Интересно, о чем думал немой кузнец, изготавливая чешуйку за чешуйкой? Он ведь знал, что Манона, облачившись в это произведение искусства, будет лишать жизни его соплеменников. Но лицо кузнеца, как всегда покрасневшее от жары, ничего не выражало.

Сбросив плащ, Манона принялась облачаться. Доспехи облегли ее, словно вторая кожа: гибкие и податливые там, где это было необходимо, и предельно прочные в других местах, где от этого зависела ее жизнь.

Когда она полностью облачилась, кузнец окинул ее взглядом, удовлетворенно кивнул. Потом нагнулся и достал из-под стола завершающую часть облачения – шлем, похожий на корону. Манона не сразу решилась надеть его.

Кузнец изготовил его из того же темного металла. Наносник и налобник были сделаны таким образом, чтобы большая часть ее лица оставалась в тени, за исключением рта. И ее железных зубов. Корона шлема оканчивалась шестью маленькими копьями, устремленными вверх.

Шлем завоевательницы. Шлем демонессы.

Двенадцать ее ведьм, полностью облаченные, смотрели на нее. Манона торопливо затолкала косу внутрь доспехов и надела шлем.

Он плавно опустился на ее голову, приятно холодя разгоряченную кожу. Шлем скрывал лицо, но не мешал ей смотреть. Манона прекрасно видела кузнеца. Скупой на выражение чувств, он вновь лишь одобрительно кивнул.

– Спасибо, – вдруг сказала Манона, удивляясь себе.

Ответом ей был такой же легкий кивок.

Солдаты торопились убраться с ее пути, когда Манона стремительно подошла к Аброхасу и уселась в седло, подав сигнал остальным ведьмам. Ее дракон тоже был в полном боевом облачении. Кажется, доспехи ему нравились.

Отряд Тринадцати взмыл в небеса, оставляя Морат позади. Манона даже не обернулась.

Глава 4

Эдион и Рован не отпустили посланника Дарро, лишив его возможности предупредить хозяев. За весну Муртаг и Рен немало сделали ради возрождения Террасена, но симпатии деда и внука вполне могли измениться. Поэтому Аэлине и ее соратникам стоило использовать все возможные преимущества – например, внезапность своего появления в таверне.

Аэлине подумалось, что затянувшееся ненастье – это знак. А может, преклонный возраст Муртага – всего лишь удобный предлог для Дарро, чтобы устроить ей проверку. Мелькнувшая мысль заставила ее обуздать закипающий гнев.

Таверна находилась в лесу, на перекрестке дорог. Из-за дождя и позднего времени в ней было многолюдно. Чтобы поставить лошадей в конюшню, пришлось заплатить вдвойне. Аэлина знала: одно ее слово, одна вспышка магического огня, и опустеет не только конюшня, но и зал таверны.

На подходе к таверне Лисандра, отправившись на разведку, обшарила и обнюхала окрестности. Вскоре из кустов появилась ее мокрая голова со взъерошенной шерстью. Все чисто.

Свободных комнат на втором этаже не было. В самом зале – не протолкнуться. Здесь собрались путники, охотники и вообще те, кого застиг нескончаемый ливень. Все стулья и скамейки были заняты. Часть посетителей сидели прямо на полу, привалившись спиной к стене.

«Похоже, иного ночлега здесь не предвидится», – с неудовольствием подумала Аэлина.

Их появление осталось почти незамеченным. Лишь несколько голов повернулось в сторону незнакомцев в промокших плащах, с чьих капюшонов капала вода. Капюшоны скрывали лица, а плащи – оружие. Не увидев чего-либо примечательного, посетители вернулись к своим кружкам, картам и пьяным песням.

Лисандра наконец вернулась в человеческое обличье. Несколько месяцев назад, еще в Рафтхоле, она говорила Аэлине о намерении кое-что изменить в своем теле. Теперь она исполнила задуманное: некогда пышная ее грудь заметно уменьшилась. Пока шли на «приватную половину», где их ожидали террасенские аристократы, Аэлина поймала взгляд Лисандры и усмехнулась.

– Ну что, так лучше? – негромко спросила Аэлина.

– Ты даже не представляешь, – ответила Лисандра и улыбнулась так, как улыбнулся бы прозрачный леопард, если бы умел улыбаться.

Рован, шедший сзади, хмыкнул.

Посланник с Эдионом двигались впереди. Выйдя из шумного общего зала, свернули в тускло освещенный коридор. С круглого помятого щита на спине Эдиона летели дождевые капли. Свечи на стенах встречали их сердитым шипением. Эдиона называли Волком Севера. Многие победы в сражениях были одержаны благодаря его фэйской силе и быстроте, но воины легиона Беспощадных видели в нем прежде всего человека, которого они уважали и которому верили. Аэлина запоздало подумала, что ей, пожалуй, стоило бы сменить свое фэйское обличье на человеческое.

Ее ждала встреча с Реном Ручейником. Друг далекого детства. Минувшей зимой, освободив Шаола из плена, она чуть не убила Рена. Тогда они не узнали друг друга. И потом, обосновавшись в ее рафтхольском труппном жилище, Рен даже не догадывался, что оно принадлежит его исчезнувшей королеве. Его деда Муртага Аэлина помнила смутно. В основном воспоминания касались обедов у дяди. Муртаг незаметно подкладывал ей на тарелку добавочные куски ее любимого черничного пирога.

Всему хорошему, что уцелело в их несчастном королевстве, всему зыбкому спокойствию Террасен был обязан Эдиону (вмятины на его щите были зримым подтверждением его усилий) и тем троим, что приехали на встречу с Аэлиной.

От этих мыслей ей захотелось опустить плечи и сжаться. Эдион с посланником уже подошли к двери. Посланник простучал условный сигнал. Быстроногая виляла хвостом и шумно отряхивалась, разбрызгивая воду. Лисандра фыркнула. Взять с собой на тайную встречу мокрую собаку – такое могла себе позволить только королева.

Еще давно Аэлина пообещала себе: она ни за что не станет принижать свое истинное положение. Она прошла через тьму, кровь и отчаяние, но выжила. Даже если господин Дарро станет предлагать ей солдат и деньги на ведение войны... у нее самой есть и то и другое. Конечно, чем больше, тем лучше, но и она явилась к ним не с пустыми руками. Они трудились во имя Террасена. Она делала то же самое. Ради себя. Ради своих подданных.

Аэлина расправила плечи. Эдион вошел первым:

– Ну что, изнеженные придурки? Испугались дождичка и заставили нас тащиться в эту дыру? Рен, не разевай рот. Понимаю, ты опять ни при чем. Мое почтение, Муртаг. Всегда рад тебя видеть. А ты, Дарро, смотрю, кудри отрастил не меньше моих.

Ему ответил сухой, холодный голос:

– Эдион, ты окружил встречу невысказанной секретностью. Можно подумать, что по своему родному королевству ты вынужден пробираться сквозь лесные чащи.

Аэлина подошла к приоткрытой двери. Может, сказать этим дурням, чтобы говорили потише? Ее фэйские уши улавливали больше звуков, чем уши людей. Обойдя Лисандру и Венгу, она остановилась у порога, привычно оглядывая помещение.

В комнате было нестерпимо жарко. Они даже приоткрыли единственное окно. Возле пылающего очага – большой прямоугольный стол, заставленный пустыми тарелками и щербатыми подносами. Судя по обилию крошек, ели здесь не так, как на придворных обедах. За столом сидели два старика. Над одним склонился посланник, шепча ему на ухо. Что именно – не мог уловить даже обостренный фэйский слух Аэлины. Закончив говорить, посланник поклонился и выскользнул из комнаты. Оба старика выпрямились. Их взгляды переместились туда, где стояла Аэлина.

Она смотрела не на стариков, а на темноволосого молодого человека. Тот стоял возле очага, упираясь рукой в кирпичное обрамление. Его смуглое лицо с несколькими шрамами было безучастным.

Аэлине сразу вспомнились парные мечи у него за спиной. Тогда его темные глаза ярко пылали.

Она откинула капюшон, ощутив неприятную сухость во рту. Рен Ручейник вздрогнул. Старики поднялись со стульев. Одного она узнала.

Странно, почему же она не узнала Муртага в ту ночь, когда явилась на заброшенный склад освобождать Шаола? Тогда она убила многих соратников старика. А ведь это он сумел ее урезонить, иначе она бы уничтожила всех.

Другой старик... Его лицо, невзирая на морщины, было сильным и жестким. Во взгляде – ни удивления, ни радости, ни тем более теплоты. Этот человек привык поступать по-своему и встречать лишь безоговорочное подчинение. Жилистый, сухопарый, но не сгорбленный. Воин, привыкший сражаться не мечом, а разумом.

Ее дядя Орлон прекрасно владел и мечом, и разумом. В отличие от Дарро, он был добрым. Аэлина не помнила Орлона рассерженным и не слышала от него ни одного резкого слова. А вот Дарро... Аэлина выдержала взгляд его серых глаз. Хищник, оценивающий возможную жертву.

– Приветствую, господин Дарро. – Аэлина слегка поклонилась. – У вас тут уютно, – добавила она, не удержавшись от язвительной улыбки.

На лице Дарро не дрогнул ни один мускул, словно она разговаривала со статуей. Что ж, она тоже умеет играть в гляделки.

Аэлина терпеливо ждала. Наконец Дарро чуть наклонил голову. Видно, посчитал, что с нее этого достаточно. Аэлина была иного мнения.

– Поклонись пониже, – промурлыкала она. – Шея не обломится.

Эдион бросил на нее предостерегающий взгляд.

Дарро не собирался кланяться вторично.

Зато Муртаг поклонился ей в пояс:

– Приветствую тебя, принцесса. Прими наши извинения. Нам пришлось отправить посланника за тобой и твоими спутниками. Но внук беспокоится за мое здоровье, что отнюдь не делает меня здоровее.

Он попытался улыбнуться. Рен, не обращая внимания на слова деда, оторвался от стены и шумно прошел к столу.

– Ты знал, – бросил он Эдиону.

Лисандра закрыла дверь и поманила Венгу и Быстроногую к окну: посмотреть, нет ли любопытных глаз, наблюдающих снаружи.

– Маленький сюрприз. – Эдион улыбнулся Рену.

Прежде чем Рен успел ответить, Рован встал рядом с Аэлиной и откинул капюшон, представ в своем сверкающем великолепии. Как и Дарро, он не улыбался, и его взгляд не сулил террасенскому аристократу ничего хорошего.

– Вот это зрелище, – пробормотал Дарро. – Уже и не припомню, когда я видел нечто подобное.

Муртаг преодолел свою оторопь. Возможно, даже слегка испугался. Тем не менее жестом хозяина указал на пустые стулья:

– Прошу располагаться и простить нам беспорядок на столе. Мы не думали, что посланник сумеет так скоро привести вас сюда.

Аэлина и ее спутники не торопились садиться.

– Если желаете, можем распорядиться насчет еды, – добавил Муртаг. – Должно быть, вы проголодались.

Рен недоверчиво поглядел на деда. Этого Аэлине хватило, чтобы понять, какого мнения о ней молодой мятежник.

А господин Дарро снова смотрел на нее все тем же оценивающим взглядом.

Смирение. Благодарность. Черт побери, ей стоит быть благодарной этому человеку. Она может хотя бы попытаться. Дарро многое сделал для ее королевства. У него были люди и деньги – громадное подспорье в грядущей войне с Эраваном. Если уж на то пошло, предложение встретиться исходило не от них, а от нее. Эдион лишь занимался устройством встречи. Так ли уж важно, если они встретились в другом месте? Главное, они собрались. Это уже немало.

Аэлина заставила себя подойти к столу. Села напротив Дарро и Муртага.

Рен остался стоять. Он следил за каждым ее движением. В его глазах вспыхнул знакомый огонь.

– Рен, спасибо за помощь капитану Эстфолу. Весной ты здорово ему помог.

У Рена дрогнул подбородок.

– Как он? Эдион писал, что сильно покалечился.

– Насколько я слышала, он отправился в Антику, к целителям из Торра-Кесме.

– Рад слышать.

– Может, просветите меня насчет того, откуда вы знаете друг друга? – раздраженно спросил Дарро. – Или я должен угадывать?

Аэлина вполголоса начала считать до десяти.

– Дарро, попридержи свою прыть, – посоветовал Эдион, усаживаясь за стол.

Дарро сплел свои скрюченные, но холеные пальцы с безупречно обработанными ногтями.

– А то что будет? – язвительно спросил он. – Принцесса сожжет меня дотла? Расплавит мне кости?

Лисандра опустилась на стул рядом с Эдионом и приятным, предельно вежливым голосом, в котором не было ни капли угрозы, спросила:

– В этом кувшине еще осталась вода? Наше путешествие в ненастье было несколько утомительным.

Навыки куртизанки пришлись как нельзя кстати. Аэлина была готова расцеловать подругу. Невинным вопросом Лисандра попыталась смягчить напряжение, которое становилось все острее.

– А это еще кто такая? – хмуро спросил Дарро.

Его трудно было обмануть красивой внешностью и учтивыми словами. Эта женщина могла играть милую глупышку и закатывать глаза, но вот только глупости в них не было. И страха тоже. Выходит, Дарро не знал, с кем, помимо Эдиона, ехала сюда Аэлина. И об их способностях тоже.

Эдион отстегнул щит, и тот тяжело плюхнулся на пол.

– Это Лисандра. Герцогиня Караверрская и владелица тамошних земель.

– Нет у нас в королевстве никакой Караверры, – буркнул Дарро.

– Теперь есть, – пожала плечами Аэлина.

Название своим владениям Лисандра придумала сама неделю назад. Среди ночи она буквально прокричала это название в ухо Аэлины. Но прежде ей понадобилось некоторое время, чтобы вернуться в человеческое обличье. Аэлина навсегда запомнила, как призрачный леопард с выпученными глазами рычал и урчал, пытаясь произнести человеческие слова.

Рен по-прежнему стоял, наблюдая за Аэлиной. Сейчас он был похож на хищную птицу. Аэлина улыбнулась ему:

– Я взяла на себя смелость и купила земли, от которых отказалась ваша семья. Так что вы с Лисандрой будете соседями.

– И каково же происхождение госпожи Лисандры? – спросил Дарро.

Он заметил клеймо, проступавшее сквозь ее татуировку. Эта отметина сохранялась в любом обличье, какое бы ни принимала Лисандра.

– Откуда эта, с позволения сказать, герцогиня ведет свой род?

– Мы пришли сюда не обсуждать чьи-то родословные, – спокойно возразила Аэлина.

Она взглянула на Рована. Тот кивнул, подтверждая, что никто из местной прислуги не крутится возле двери и не пытается подслушивать.

Фэйский принц прошел к столику у стены и взял кувшин, о котором спрашивала Лисандра. Понюхал воду. Лишь для вида: Аэлина знала, что Рован уже магическим путем проверил содержимое графина на предмет яда или дурмана. Невидимый ветер понес к столу четыре стакана.

Рен и оба старика смотрели во все глаза. Рован сел, непринужденно наполнил сосуды. Потом, вспомнив о Венге, затребовал на стол пятый, который тоже наполнил и отправил к ней. Девчонка восторженно захлопала глазами, взяла стакан и вернулась к забрызганному дождем окну. Милый ребенок, тихий и безобидный, но внимательно прислушивающийся к каждому слову взрослых. Венга хорошо усвоила науку Лисандры.

– Твой фэйский воин хотя бы умеет еще что-то, помимо грубых жестокостей, – сказал Дарро.

– Если бы сюда вдруг вторглись враждебные силы, ты, господин Дарро, первым оценил бы эти грубые жестокости, – все так же спокойно возразила ему Аэлина.

– А как насчет твоих способностей? Их я тоже должен оценить?

Аэлину не волновало, откуда он знал о ее магии. Она запрокинула голову и, заставляя себя тщательно обдумывать каждое слово, спросила:

– Какие из моих способностей мне следует проявить?

Дарро улыбнулся одними губами:

– Умение надлежащим образом себя вести. Эта способность очень украсила бы... ваше высочество.

Рован и Эдион, сидевшие по обе стороны от нее, превратились в две натянутые тетивы. Но если она сохраняет самообладание, значит и им это по силам.

Дарро видел в ней лишь принцессу. Не королеву.

– А об этом подумаю. – Аэлина ответила такой же улыбкой. – Теперь поговорим о том, почему я и мой двор пожелали встретиться с вами.

– Двор? – изогнул седые брови Дарро.

Он медленно обвел взглядом Лисандру, Эдиона и наконец Рована. Рен тоже на них смотрел – со смешанным чувством скуки и недовольства.

– И это ты называешь двором?

– Это часть двора. Когда мы прибудем в Оринф, состав будет расширен.

– Я что-то не понимаю: не будучи королевой, ты уже ведешь разговоры о дворе.

Первый удар. Но Аэлина не опустила голову:

– Мне непонятен смысл твоей последней фразы.

Дарро отхлебнул эля и шумно поставил кружку на стол. Муртаг замер.

– Любой правитель Террасена вначале должен получить одобрение семейств, управляющих провинциями королевства.

Ее жилы наполнились льдом, холодом и еще чем-то древним и непонятным. Аэлине очень хотелось обвинить в этом амулет, висевший на шее.

Холод сменился огнем. Его искорки вспыхивали у нее внутри и были готовы сорваться с языка.

– Ты хочешь сказать, что быть последней из рода Галатиниев – этого недостаточно? – с убийственным спокойствием спросила Аэлина. – Мне нужно еще и доказывать свои права на трон?

Аэлина чувствовала на себе пристальный взгляд Рована, но продолжала смотреть только на Дарро.

– Я пытаюсь объяснить тебе, принцесса, простую и очевидную вещь. Хотя ты и являешься последней из ныне живущих прямых потомков Брэннона, в случае если тебя найдут непригодной для правления, у королевства есть другие возможности, другие направления.

– Велан, прошу тебя, – перебил его Муртаг. – Мы не за тем явились на встречу. Мы собирались обсуждать возрождение королевства, помощь Аэлине и нашу работу с нею.

Его никто не слушал.

– Другие возможности – вроде твоего восшествия на трон? – спросила у Дарро Аэлина.

Изо рта у нее вырвалась струйка дыма. Аэлина загнала дым обратно, едва не поперхнувшись им.

Дарро не дрогнул.

– Странно, что ты думала, будто мы позволим двадцатилетней особе с репутацией ассасина утвердиться в нашем королевстве и начать командовать нами. Родословная – еще не всё.

«Дыши глубоко и думай. Люди, деньги, поддержка со стороны уставшего и измученного народа. Дарро предлагает тебе это. Все это ты сможешь получить, если проявишь здравый смысл и обуздаешь свой характер».

Аэлина притушила огонь внутри, оставив лишь тлеющие угли.

– Я понимаю, что история моей прошлой жизни многих настораживает...

– Меня настораживает практически все, что связано с тобою, принцесса. Начнем с выбора друзей, которых ты поспешила объявить членами своего двора. И хотя это меньшее из зол, однако... Объясни мне, почему в твоей свите оказалась шлю... прошу прощения, куртизанка, которая мнит себя знатной дамой? Или почему рядом с тобой сидит один из прислужников Маэвы?

Дарро с усмешкой взглянул на Рована:

– Если не ошибаюсь, принц Рован?

Откуда он знает? Наверное, посланник ему нашептал.

– Как же, слыхали мы о тебе, принц. И вот какой интересный поворот событий получается. Когда наше королевство предельно ослаблено, а наследница престола слишком молода, один из самых надежных воинов Маэвы хватается за подвернувшуюся возможность после того, как столько лет смотрел с тоской в сторону Террасена. Или лучше поставить вопрос так: зачем прислуживать у ног Маэвы, когда можно править рядом с принцессой Аэлиной?

Она с большим трудом удержалась, чтобы не сжать кулаки:

– Принц Рован – мой карранам. Искренность его намерений – вне всяких сомнений.

– Ах, карранам. Мы тут успели позабыть древние понятия. Каким еще штучкам научила тебя Маэва в своей Доранелле?

Аэлина воздержалась от ответа. Рука Рована стиснула ее руку под столом. Лицо его при этом выражало полнейшее равнодушие и даже скуку. Обманчивое спокойствие. Затишье перед сильнейшей бурей.

«Ты позволишь мне говорить?» – прозвучал у нее в мозгу вопрос Рована.

Аэлине казалось, что Рован с величайшим наслаждением искромсал бы Дарро на мелкие кусочки. Пожалуй, она бы присоединилась, испытыв не меньшее наслаждение.

Аэлина слегка кивнула. Ей сейчас было не до слов. Она всеми силами пыталась удержать пламя, бушующее внутри.

Ей даже стало слегка не по себе, когда фэйский принц посмотрел на Дарро. Триста лет холодной жестокости – вот что сквозило во взгляде Рована.

– Я принес своей королеве клятву на крови. Ты считаешь это бесчестием, в котором меня и обвиняешь?

В словах Рована не было ни капли доброты. В них вовсе не было ничего человеческого.

Надо отдать Дарро должное: он и сейчас не дрогнул. Наоборот, лишь с удивлением посмотрел на Эдиона, потом снова повернулся к Аэлине и, качая головой, спросил:

– Ты отдала священную клятву этому... мужчине?

Рен с удивлением глазел на Эдиона. Шрам на его смуглой коже был сейчас особенно заметен. Аэлина видела его смятение, но тогда она была слишком мала и не могла спасти Рена, как не могла спасти его сестер, когда началось адарланское вторжение и в академии магии, где они учились, произошла бойня. Видя удивление Рена, Эдион слегка покачал головой, словно хотел сказать: «Я тебе потом объясню».

Рован откинулся на спинку стула. Дарро просто не понимал, что предвещают эта непринужденная поза и легкая улыбка на губах фэйского принца.

– Господин Дарро, я знал многих принцесс, которым предстояло взойти на трон. Но ни одна из них не была настолько глупа, чтобы позволить мужчине помыкать ею и править за ее спиной. Я уже не говорю о моей королеве. Если бы я задумал пробраться на трон, то выбрал бы не Террасен, а какое-нибудь иное, куда более мирное и процветающее королевство.

Он пожал плечами:

– И потом, если бы мои брат и сестра, находящиеся здесь, вдруг заподозрили, что я замышляю недоброе против их королевы или королевства, они бы постарались как можно скорее оборвать мою жизнь.

Эдион мрачно кивнул, а Лисандра вся выпрямилась от гордости. Глядя на них, Аэлине хотелось одновременно плакать и смеяться.

– У тебя, наверное, заготовлен целый список моих прегрешений, в которых ты намерен меня обвинить. И такой же список оскорблений. Ты их долго составлял? – спросила она Дарро.

Пропустив ее вопрос мимо ушей, Дарро обратился к Эдиону:

– Ты сегодня что-то непривычно молчаливый.

– Сомневаюсь, чтобы тебе так уж хотелось узнать, о чем я сейчас думаю.

– Твое право клятвы на крови украдено чужеземным принцем. У твоей королевы – прошлое ассасина. Вдобавок она берет себе в придворные шлюх. И при всем при этом тебе нечего сказать?

Стул под Эдионом застонал. Мельком взглянув на брата, Аэлина увидела, что он впился в боковины сиденья так, что пальцы побелели.

Лисандра, одеревенев от слов Дарро, совладала с собой и не залилась краской стыда.

Аэлина чувствовала: с нее довольно. На пальцах руки, которую она держала под столом, уже плясали искорки. Но Дарро ее опередил и тем самым уберег комнату от пожара:

– Эдион, если ты по-прежнему надеешься занять важный пост в Террасене, ты бы поинтересовался, пересмотрела ли твоя вендалинская родня предложение, сделанное им очень давно. Оно касалось обручения. Проверь, согласятся ли они признать тебя своим родственником. А ведь все могло бы развиваться совсем по-другому, если бы ты и наша любезная принцесса Аэлина были бы помолвлены с вендалинской ветвью. Но Вендалин отверг предложение официально объединить наши королевства. И сделали они это по настоянию Маэвы.

Сказав это, Дарро язвительно улынулся Ровану.

Мир Аэлины накренился. Даже Эдион побледнел. Им никто никогда даже не намекал, что когда-то была предпринята попытка заключения брачных союзов. Получалось, вендалинская ветвь Ашериров действительно бросила Террасен на произвол судьбы.

Дарро расцепил пальцы, раздвинул ладони и уложил их на стол.

– Интересно бы знать, что восторженный народ скажет о своей принцессе-спасительнице, когда люди узнают, как она проводила время, пока они тут страдали? – спросил он, будто размышляя вслух.

Он отвечивал Аэлине одну словесную пощечину за другой.

– Но ты, Эдион, всегда умел выворачиваться и выходить сухим из воды, – продолжал Дарро. – Хотя сомневаюсь, известно ли принцессе Аэлине, что...

Не выдержав, Аэлина нанесла ответный удар. Не магическим огнем. Сталью.

Кинжал воткнулся в стол между пальцами Дарро. Тонкое лезвие дрожало, и на нем плясали отсветы пламени очага.

Аэлина зарычала на Дарро. Рован и Эдион привстали со стульев. Рен схватился за кинжал, но вдруг побледнел, увидев призрачного леопарда. Зверь сидел там, где мгновение назад была Лисандра.

Муртаг опасно глазел на оборотня. Дарро и сейчас не испугался. Весь белый от гнева, он смотрел на Аэлину.

– Вот что, Дарро, – прошипела она, придвинувшись к нему почти вплотную. – Если тебе еще не надоело меня оскорблять, валяй, не стесняйся. Но если ты еще скажешь хоть одну гадость про мое окружение, я не промахнусь.

Она сверкнула глазами на кинжал между пальцами старика. Кисти его рук были все в старческих пятнах. Казалось, только чудом лезвие не вонзилось ему в кожу.

– А ты, я вижу, унаследовала отцовский характер, – язвительно усмехнулся Дарро. – Это так ты собираешься править? Значит, всякому, кто тебе не понравится, ты будешь угрожать?

Дарро убрал руки со стола и скрестил их на груди, одновременно отодвинув стул.

– Что бы подумал Орлон, видя, как себя ведет его любимая племянница? Ты этому у ассасинов научилась?

– Выбирай выражения, Дарро, – предостерег его Эдион.

Брови Дарро снова изогнулись.

– Все мои труды этих десяти лет, все жертвы, принесенные мною, делались в память об Орлоне и ради спасения его королевства. Моего королевства. Я не позволю испорченной высокомерной особе уничтожить все это своими выплесками безудержного гнева. Неужели, принцесса, ты станешь отрицать, что тебе прекрасно жилось в Рафтхале все эти годы? Ты наслаждалась богатой, сытой жизнью. К чему вспоминать о далеком Террасене, когда ты покупала себе наряды и служила чудовищу? Ты даже забыла, что это чудовище зверски убило твою семью и друзей.

«Солдаты. Деньги. Целостность Террасена», – твердила себе Аэлина.

– Даже твой двоюродный брат, невзирая на его распутные наклонности, помогал нашему северу. А Рен Ручейник, – Дарро театрально махнул в сторону Рена, – пока ты жила в роскоши, находился на грани нищеты. Ты знаешь, что они с дедом экономили каждый медяк, отказывая себе, поддерживая пламя сопротивления Адарлану? Они ютились в трущобах, а порою ночевали под открытым небом. Это тебе известно?

– Довольно! – рявкнул Эдион.

– Нет, пусть продолжает, – возразила Аэлина.

– А я уже почти все сказал, – вздохнул Дарро. – Думаешь, народ Террасена обрадуется королеве, которая служила их злейшему врагу? Которая делила постель с сыном их врага?

От рычания Лисандры на столе задрожали стаканы.

Дарро и впрямь отличался редким бесстрашием.

– Или народ обрадует, что теперь их королева делит постель с фэйским принцем, служившим другому нашему врагу? Как ты думаешь, что подумают люди об устоях королевы?

Аэлине не хотелось знать, каким образом Дарро догадался об их отношениях с Рованом.

– Тебя не касается, с кем я делю постель.

– Вот потому ты и не годишься править королевством. Всех касается, с кем делит постель их королева. Или ты собираешься лгать народу о своем прошлом, отрицать, что служила свергнутому королю и его сыну, но уже другим образом?

Рука Рована сжала под столом ее руку. Пальцы, покрытые инеем, погасили огонь, готовый вырваться из-под пальцев Аэлины. Рован не предостерегал и не упрекал ее. Своим жестом он говорил, что тоже едва удерживается от желания запустить в физиономию Дарро оловянным подносом.

Аэлина безотрывно смотрела на Дарро. Рука Рована придала ей сил.

– Я расскажу моему народу всю правду, – тихо, но твердо сказала Аэлина. – Покажу шрамы, оставшиеся у меня на спине в память об Эндовьере. Покажу другие шрамы, полученные мною за годы жизни под именем Селены Сардотин. А еще я расскажу людям, что нынешний король Адарлана – не чудовище. У нас с ним общий враг – исчадие зла, ныне обитающее в Морате. Дорин Хавильяр – единственный шанс сохранить оба королевства и впредь жить в мире.

– А если он окажется вовсе не таким? Ты уничтожишь его каменный замок, как уничтожила стеклянный?

Нечто подобное она в свое время слышала от Шаола. Над этим стоило бы задуматься всерьез. Простые люди могут потребовать от нее обуздать свою силу, равно как и силу ее приближенных. Но пусть Дарро верит, что это она разрушила стеклянный замок и убила прежнего адарланского короля. Ложь в данном случае лучше опасной правды.

Не услышав ответа, Дарро продолжал:

– Если ты всерьез желаешь помочь Террасену, Эдион наверняка найдет тебе применение в рядах легиона Беспощадных. Но в Оринфе тебе делать нечего.

– Это все? – вскинула брови Аэлина. – Или скажешь еще что-то?

Серые глаза Дарро сделались каменными.

– Скажу. Я не признаю твоих притязаний на власть и не считаю тебя законной правительницей Террасена. Того же мнения придерживаются господа Слан, Аронвэд и Ганнер – уцелевшие придворные твоего дяди. Даже если Ручейники тебя и поддержат, они окажутся в меньшинстве против нас четверых. У генерала Ашерира в Террасене нет ни земель, ни титула, а посему его мнение не имеет никакой силы. Что же касается так называемой госпожи Лисандры, мы не признаем никакого герцогства Караверрского. О ее происхождении я вообще помолчу. Твое приобретение земель противоречит террасенским законам и считается недействительным.

Казалось, Дарро говорит от имени всего Террасена.

– Если же вернешься в Оринф без нашего позволения и попытаешься захватить трон, это будет считаться военными действиями и государственной изменой.

Дарро развернул вынутый из камзола пергаментный свиток. Десятки строк, выведенных витиеватым почерком, а внизу – четыре размашистые подписи.

– С этого момента и до тех пор, пока не будет принятого иного решения, ты по-прежнему считаешься наследной принцессой, но не королевой.

Глава 5

Аэлина долго смотрела на свиток. Чувствовалось, все это было написано не вчера и не вчера подписано. Поставившие подписи отказывали ей в праве на трон, даже не встретившись с нею. Эти люди одним росчерком пера изменили ее будущее и будущее ее королевства.

Возможно, она поспешила с устройством встречи. Вначале нужно было вернуться в Оринф. Пусть бы народ увидел возвращение своей королевы. Тогда Дарро и его сообщникам было бы труднее вытолкнуть ее из дворца.

– Настоящая угроза сейчас собирает силы на юге Адарлана. А тебя и таких, как ты, похоже, больше волнует, как бы не пустить меня в Оринф? Или вы думаете, что на этот раз Террасен останется в стороне от потрясений?

– Когда у нас возникнет надобность в твоих... дарованиях, мы дадим тебе знать, – усмехнулся Дарро.

Огонь, еще недавно бушевавший внутри Аэлины, погас. Не осталось ни уголька. Казалось, Дарро раздавил его у себя в кулаке.

– Легион Беспощадных будет подчиняться только Аэлине Галатинии, – заявил Эдион с присущей ему непочтительностью, успевшей войти в легенду.

– Приказы легиону Беспощадных отдаем мы, – выплевывая каждое слово, возразил Дарро. – Когда террасенский трон по тем или иным причинам пустует, право командовать всеми вооруженными силами Террасена принадлежит аристократии.

Он буравил Аэлину своими каменными глазами, словно чуя ее замысел открыто вернуться в Оринф и заручиться поддержкой народа.

– Я не шучу, принцесса. Появишься в Оринфе – пеняй на себя.

– Это угроза? – прорычал Эдион, и его рука сама собой потянулась к Мечу Оринфа.

– Это закон, – не моргнув глазом, ответил Дарро. – Закон, который чтит все поколения Галатиниев.

В голове Аэлины все гудело и грохотало. Окружающий мир, наоборот, казался ей мертвым и пустым.

– Нам угрожает армия валгских демонов. На нас движется их король, – не унимался Эдион. – И твоя королева, Дарро, возможно, единственная, кто способен сдержать их наступление.

– Война выигрывается численностью армии, а не магией. Тебе ли это не знать, Эдион? Ты ведь сражался под Фералисом.

Так называлась громадная равнина близ Оринфа, где разыгралось последнее сражение между силами Террасена и Адарлана. Террасенская армия тогда потерпела сокрушительное поражение от войск захватчиков. В живых остались немногие. Это была настоящая бойня. Вода окрестных рек и ручьев на несколько дней окрасилась в цвет крови. Если Эдион сражался под Фералисом... Боги милосердные, ему тогда едва исполнилось четырнадцать. У Аэлины свело живот.

– Магия однажды уже подвела нас, – завершил свою тираду Дарро. – Больше мы ей не доверимся.

– Нам понадобятся союзники, – бросил ему Эдион.

– Нет у нас союзников. Если только ее высочество не пожелает нам помочь и посредством своего брака не добавит нам солдат и оружия... – Дарро сурово поглядел на Рована, – нам рассчитывать не на кого.

Аэлина подумывала, не сказать ли Дарро, что денег у нее достаточно. Денег, добытых убийствами и подлогом. Но... она вдруг почувствовала внутри что-то холодное и скользкое. Ее толкали на брак с чужеземным принцем. Возможно, с королем или императором.

Неужели такова цена сохранения Эрилеи? Море пролитой крови и растоптанные мечты? Вечно оставаться принцессой, так и не став королевой? Сражаться не только силой магии, но и другой – силой ее происхождения?

Она не решалась взглянуть на Рована, встретиться с его глазами цвета сосновой хвои.

Однажды она посмеялась над Дарроном. И не только посмеялась, а даже отчитала его за признание. Помнится, тогда принц сказал, что женится только на женщине, в которой почувствует родственную душу. Любой другой брак был для него отвратителен и невыносим.

Быть может, боги возненавидели ее или устроили ей испытание. Выйти из одного вида порабощения, чтобы оказаться в другом. Наверное, так ее наказывали за все годы богатой жизни в Рафтхале.

Дарро наградил ее довольной усмешкой:

– Найди мне союзников, Аэлина Галатиния. Возможно, тогда мы пересмотрим твою роль в будущем Террасене. Подумай об этом. Пожалуй, я должен поблагодарить тебя за эту встречу. Она кое-что прояснила.

Аэлина молча встала. Прочие тоже. Дарро остался сидеть.

Схватив свиток, она пробежала написанное, взглянув на завитушки подписей. Единственным звуком в комнате был треск поленьев в очаге.

Аэлина погасила огонь. Следом она погасила свечи в чугунном настольном канделябре.

Комната погрузилась в темноту. Муртаг и Рен шумно вздохнули. В стекло неутомимо барабанил дождь.

Повернувшись туда, где стоял стул Дарро, Аэлина заговорила во тьму:

– Господин Дарро, советую привыкнуть к тьме. Если мы проиграем эту войну, тьма будет править вечно.

Что-то царапнуло, зашипело. Вспыхнувшей спичкой Дарро зажег одну свечу в канделябре. Коллеблющийся огонек осветил его морщинистое, полное ненависти лицо.

– Люди научились зажигать свет и без помощи магии. Вот так-то, наследница Брэннона.

Аэлина смотрела на зажженную Дарро свечу. Пергамент в ее руках превратился в пепел.

Не дав ей ответить, Дарро продолжал:

– Это наше право. Наш закон. Ты, принцесса, можешь игнорировать наше постановление. Ты даже можешь отречься от всего, ради чего жили и умирали твои предки. Правящая знать Террасена высказалась на твой счет.

Рован обнял ее за талию. Но Аэлина сейчас смотрела не на него, а на Рена. Преодолевая гул в голове, она сказала:

– Меня не волнует, будешь ты меня поддерживать или нет, для тебя найдется место при моем дворе. Это моя благодарность за твою помощь Эдиону и капитану. За Нехемию.

Погибшая Нехемия была соратницей Рена. Услышав знакомое имя, Рен сжался. В глазах мелькнула боль. Он хотел что-то сказать, но Дарро опередил и его.

– Напрасно погубленная жизнь, – ехидно усмехнулся Дарро. – Принцесса, безмерно преданная своему народу, которая до последнего вздоха сражалась за...

– Еще одно слово, – тихо перебил его Рован, – и мне будет наплевать на то, кто тебя поддерживает и какие там у вас законы. Еще одно слово в таком тоне, и я выпущу тебе кишки раньше, чем ты успеешь шевельнуться. Понятно?

Впервые за все время встречи Дарро побледнел, увидев в глазах Рована недвусмысленное обещание смерти. Однако сказанное Дарро возымело свое действие, вызвав тошнотворное оупение.

Эдион выдернул из стола кинжал Аэлины.

– Мы учтем ваши соображения, – сказал он, обращаясь к Дарро и обоим Ручейникам.

Он поднял щит, затем положил руку Аэлине на плечо и развернул ее к двери. Только вид измятого щита брата и древнего меча у него на поясе заставил Аэлину переставлять ноги. Она двигалась как сквозь жуткую пустоту.

Рен открыл дверь, высунул голову в коридор и тут же отошел, пропуская Лисандру. За леопардом вышли Венга и Быстроногая, невозмутимо помахивающая пушистым хвостом. Тайная встреча, черт бы ее побрал.

Аэлина остановилась на пороге. Ей хотелось что-то сказать Рену, но из коридора вдруг донеслось рычание Лисандры. Аэлина мгновенно схватилась за кинжал, приготовившись отражать нападение.

Но к ним бежал знакомый уже посланник Дарро.

– Рафтхол, – выдохнул он, останавливаясь. С мокрого плаща стекали струйки воды. – Я перехватил разведчика. Он возвращался из Ферианской впадины. Армия Железнодорожных ведьм движется на Рафтхол. Им приказано разрушить город.

Аэлина стояла на полянке близ таверны, чьи окна светились сквозь пелену дождя. Под холодными струями волосы прилипали ко лбу, по коже бежали мурашки. Мокли все. Рован сейчас прицеплял к поясу добавочные кинжалы: магическую силу он решил приберечь для предстоящего.

Они вытрясли из посланника все сведения, хотя узнали не так уж много.

Часть воздушной армии Железнодорожных ведьм, помещавшаяся в Ферианской впадине, двигалась на Рафтхол. Их целью был Дорин Хавильяр, живой или мертвый.

Судя по всему, они достигнут адарланской столицы завтра к вечеру, и как только Рафтхол будет захвачен... сеть Эравана накроет всю срединную часть континента. Никакая помощь из Мелисанды, Фенхару или Эйлуэ не сможет пробиться. И путь подкреплению из Террасена тоже закрыт. Можно двинуться в обход гор, но на это понадобится не один месяц.

– Нам ничем не помочь городу, – сказал Эдион, перекрывая шум дождя.

Они втроем стояли под раскидистым дубом, внимательно наблюдая за Реном и Муртагом. Внук и дед разговаривали с Венгой и Лисандрой, вернувшейся в человеческий облик. Там, где дождевые капли попадали на щит Эдиона, их шелест превращался в барабанную дробь.

– Если ведьмы движутся на Рафтхол, город обречен, – со вздохом добавил Эдион.

Армией ведь должен кто-то командовать. Хорошо, если Манона Черноклювая. Однажды главнокомандующая спасла их, но то была плата за спасение ее собственной жизни. Вряд ли ведьма снова протянет им руку.

– Дорина надо вытаскивать любой ценой. – Эдион пристально посмотрел на Рована. – Я знаю манеру Перангтона... то есть Эравана. Нельзя верить никаким их обещаниям. Нельзя, чтобы Дорин снова оказался у них в плену. Или ты, Рован, – добавил Эдион, проводя рукой по слипшимся от дождя волосам.

Пожалуй, это были самые ужасные слова, какие доводилось слышать Аэлине. Рован молча кивнул, и от его кивка у нее подогнулись колени. Перед этим Эдион передал фэйскому принцу два стеклянных пузырька. Что в них? Аэлина даже не знала, где брат их раздобыл.

Что угодно, только не...

Рован погладил ее по руке:

– Я спасу Дорина.

– Я бы не решилась тебя просить, если бы... Дорин нам очень важен. Он – наш главный союзник. Стоит потерять его, и мы полностью лишимся поддержки со стороны Адарлана.

«И потеряем сильного мага, способного противостоять Морату», – мысленно добавила она.

Рован мрачно кивнул:

– Аэлина, я тебе служу. Не надо извиняться, отправляя меня для важного дела.

Только магия Рована позволяла ему оседлать ветер и вовремя попасть в Рафтхол. Но даже он мог существенно опоздать. Аэлина сглотнула. Ей казалось, земля уходит из-под ног.

Возле соседних деревьев что-то мелькнуло. Усилием воли Аэлина придала лицу бесстрастное выражение, потом подошла к другому дубу – кривому и наполовину высохшему – и нагнулась. Что же в этот раз оставили ей тоненькие ручки? Прочие ничего не заметили.

Рован прикрепил весь свой арсенал и спросил с солдатской прямоотой:

– Где мы встретимся после того, как я спасу Дорина?

– Двигайся на север, – ответил Эдион. – Держись подальше от Ферианской впадины.

Из таверны вышел Дарро, требуя к себе Муртага.

– Нет, – произнесла Аэлина.

Рован и Эдион повернулись к ней. Аэлина смотрела на север, туда, где мелькали молнии. Не суждено ей добраться до Оринфа и увидеть родной город.

«Найди мне союзников», – вспомнились слова Дарро.

Она так и не решилась взглянуть на подарок, оставленный ей Маленьким народцем.

– Если Рену можно доверять, – обратилась она к Эдиону, – пусть отправится к легиону Беспощадных и готовит их к уходу с севера. Если мы этого не сделаем, им поневоле придется выполнять приказы Дарро.

– Ты что задумала? – насторожился Эдион.

Не отвечая на вопрос брата, Аэлина повернулась к Ровану:

– Вам с Дорином нужно раздобыть корабль и плыть на юг. Передвигаться по суше слишком рискованно, а так твои ветры за несколько дней домчат вас до Бухты Черепов.

– Дерьмо собачье, – выругался Эдион.

Аэлина кивнула туда, где стояли Рен и Муртаг:

– Помнится, ты мне рассказывал, что у Ручейников налажены связи с капитаном Рульфом. Пусть дед или внук напишет ему рекомендательное письмо. Это надо сделать немедленно.

– Ты вроде и сама знакома с этим Рульфом.

Аэлина невесело усмехнулась:

– Мы с ним расстались... не лучшим образом, и это еще мягко сказано. Но если можно перетянуть Рульфа на нашу сторону...

– Тогда у нас появится небольшой флот, способный перемещаться между севером и югом, плюя на все сухопутные преграды, – закончил за нее Эдион.

Хорошо, что она забрала все золото Аробинна. Теперь оно еще как пригодится.

– Бухта Черепов может оказаться единственным надежным местом, где мы укроемся и будем налаживать связи с другими королевствами.

Аэлина умолчала о том, что, если правильно выстроить стратегию, у Рульфа найдется для них не только флот, способный обойти сухопутную блокаду, но и многое другое.

– Ждите нас с Дорином там, – сказала она Ровану. – Мы сегодня же отправимся на побережье и поплывем к Мертвым островам. Вы опередите нас всего на пару недель.

Простившись с Рованом, Эдион поспешил к Рену и Муртагу. Вскоре старик послушно заковылял к таверне. Дарро поплелся следом, требуя ответа.

Главное, чтобы Муртаг побыстрее написал Рульфу письмо. Остальное ее не волновало.

Оставшись наедине с Рованом, Аэлина сказала:

– Дарро ждет, что я смирюсь и подчинюсь его приказу. Но если мы сумеем собрать на юге армию, это позволит оттеснить Эравана на север – прямо под мечи легиона Беспощадных.

– Даже это вряд ли убедит Дарро и таких, как он.

– С ними я разберусь потом. – Аэлина мотнула головой, стряхивая воду с волос. – А сейчас в мои намерения не входит проигрывать будущую войну лишь потому, что какой-то старой мрази вздумалось выставить себя королем.

Рован лукаво улыбнулся и прильнул к ее губам:

– И в мои намерения не входит позволить ему занять твой трон.

– Возвращайся ко мне, – прошептала Аэлина.

При мысли о том, что может ждать Рована в Рафтхале, у нее сжалось сердце. Боги милосердные, если только с ним что-то случится...

Костяшками пальцев Рован провел по ее мокрой щеке, а затем большими пальцами – вокруг рта. Аэлина положила ему руку на грудь, прямо на то место, где были спрятаны два пузырька с ядом. Ей вдруг захотелось превратить смертоносную жидкость в пар.

Если Рована вдруг схватят. Если схватят Дорина...

– Я не могу тебя отпустить, – вырвалось у нее.

– Можешь, – ответил Рован тоном, почти не оставляющим места для возражений.

Ее принц. Ее командир.

– И отпустишь, – добавил он, снова вода пальцами вокруг ее рта. – А когда мы с тобой встретимся, у нас будет потрясающая ночь. И мне будет все равно, где и есть ли кто вокруг.

Он поцеловал Аэлину в шею:

– Ты мое Огненное Сердце.

Аэлина обхватила его лицо ладонями и притянула к себе. Руки Рована сомкнулись у нее на спине. Они двигались в разных направлениях, словно Рован впитывал ладонями ощущения своей любимой. Их поцелуй был неистовым: лед и пламя, сошедшие вместе. Даже дождь на мгновение перестал и ждал, когда закончится этот поцелуй. И он закончился. Тяжело дыша, они нехотя разомкнули губы.

Среди дождя, огня и льда, среди темноты, молнии и грома в голове Аэлины вспыхнуло слово. Это был ответ, вызов и правда, которую она попыталась оставить без внимания и отбросить. Не ради себя. Ради него. Ради него...

Превращение Рована сопровождалось вспышкой ярче, чем молния. Аэлина заморгала, а когда перестала – увидела большого ястреба, поднимавшегося между деревьями в темное, пронизанное дождем небо. Рован испустил крик и взял вправо – к побережью. В этом крике для Аэлины слилось прощание, обещание их новой встречи и боевой клич.

В горле у нее встал комок. Подошел Эдион, тронул ее за плечо:

– Лисандра хочет, чтобы Муртаг взял Венгу для «придворного воспитания». Девчонка упирается руками и ногами. Придется тебе вмешаться.

Венга цеплялась за Лисандру. Худенькие плечи тряслись от беззвучных рыданий. Вернувшийся Муртаг беспомощно смотрел на эту сцену.

Аэлина пошла по раскисшей земле к ним. Сегодняшнее веселое утро казалось ей совсем далеким.

Подойдя, она погладила Венгу по мокрым волосам. Девчонка подняла голову.

– Ты – моя придворная дама, – сказала ей Аэлина. – А раз так, должна меня слушаться. Ты умная и храбрая, но, если до сих пор наше путешествие было больше похоже на веселую прогулку, теперь судьба заставляет нас отправляться в темные и жуткие места, отчего даже мне страшно.

У Венги дрожали губы. Преодолевая тяжесть в груди, Аэлина негромко свистнула. Быстроногая, спасавшаяся от дождя под лошадиным брюхом, послушно прибежала.

– Я прошу тебя позаботиться о Быстроногой, – продолжала Аэлина, глядя мокрую собакою голову и длинные уши. – В тех темных и страшных местах, куда мы отправляемся, собака может погибнуть. Ты, Венга, – единственная, кому я могу поручить заботу о ней. Ты ведь это сделаешь для своей королевы?

Только сейчас Аэлина поняла: торопясь поскорее оказаться в Оринфе, она мало ценила дни и недели их путешествия. Зачастую они казались ей слишком спокойными и скучными. А ведь это были счастливейшие дни. Напрасно она не наслаждалась каждым мгновением путешествия, когда они были вместе и могли не бояться никаких опасностей.

Лисандра стояла с напряженным лицом. Глаза были мокрыми не только от дождя. Но Аэлина была права, и Лисандра кивнула, после чего снова бросила на Муртага внимательный взгляд хищницы.

– Ты отправишься с господином Муртагом. Он расскажет тебе много интересного о том, как устроен королевский двор. Ты многому научишься. И конечно, позаботишься о нашей четвероногой подруге.

Аэлина нагнулась и несколько раз поцеловала мокрую голову Быстроногой. Собака рассеянно слизывала дождь с лица хозяйки.

– Я могу на тебя положиться? – снова спросила у Венги Аэлина.

Венга посмотрела на собаку, потом на Лисандру, после чего кивнула. Аэлина поцеловала девчонку в щеку, шепнув ей на ухо:

– Когда окажешься среди этих жалких стариков, распространи на них свою магию.

Аэлина подмигнула Венге, добавив:

– Отвоюй у них мое королевство.

Однако Венге было не до улыбок, и она лишь кивнула.

В последний раз поцеловав Быстроногую, Аэлина повернулась к ожидавшемуся ее Эдиону. Тем временем Лисандра нагнулась к Венге, гладила ей волосы и что-то шептала, но так тихо, что даже фэйские уши Аэлины не слышали.

Эдион позвал сестру туда, где стояли оба Ручейника.

– Письмо, ваше... величество, – произнес Муртаг, подавая ей свиток с восковой печатью.

Аэлина взяла письмо, кивком поблагодарив старика.

– Если не хочешь сменить одного тирана на другого, предлагаю тебе вывести с севера легион Беспощадных и все прочие войска, которые согласятся к ним примкнуть, – сказал Рену Эдион.

– Дарро трезво и благоразумно смотрит на вещи, – ответил за внука Муртаг.

– Дни Дарро сочтены, – возразил ему Эдион.

Все трое повернулись к Аэлине. Она же смотрела в сторону таверны. Оттуда к ним торопливо шел Дарро. Этот человек был несокрушимо уверен в своей правоте. Стихия, переломить которую столь же трудно, как остановить нескончаемый дождь.

– Дарро мы и пальцем не тронем.

– Что? – взвился Эдион.

– Готова поспорить на все свои деньги, что он это предусмотрел. В случае его преждевременной смерти путь в Оринф нам будет закрыт навсегда.

Муртаг нехотя кивнул, подтверждая ее догадку.

– И потому Дарро мы не тронем, – продолжала Аэлина. – Мы будем играть в его игру. Играть по правилам, законам и сообразно клятвам.

Лисандра все еще что-то говорила Венге. Та плакала, обнимая свою старшую подругу. Быстроногая крутилась рядом, беспокойно тычась в них мокрой мордой.

Аэлина повернулась к Муртагу:

– Господин Муртаг, в детстве мне не доводилось с тобой встречаться. Но я знаю, что все годы ты был верен моему дяде и нашей семье.

Из потайных ножен Аэлина достала маленький кинжал и полоснула себе по ладони. Ручейники и даже Эдион вздрогнули. Аэлина сжала надрезанную ладонь в кулак:

– А поскольку ты, Муртаг, – человек чести, ты понимаешь, что значит обещание, которое я сейчас даю, скрепляя его своей кровью. Если этой девочке будет причинен вред, телесный или иной, я не посмотрю на существующие законы и нарушу любые правила.

Лисандра, почуяв кровь, повернулась в их сторону.

– Словом, если Венга пострадает, я вас сожгу. Всех.

– Угрожаешь своему верному двору? – с холодной усмешкой спросил Дарро.

Он не подошел к ним, остановившись неподалеку. Аэлина даже не повернула головы. Муртаг и Рен смотрели на нее во все глаза.

Ее кровь капала на священную землю.

– Пусть это будет вашей проверкой.

Эдион выругался. Он понял. Если те, кто называл себя правителями Террасена, не сумеют уберечь одного ребенка, если им не по силам позаботиться о Венге, зная, что от нее они не получают ни богатств, ни титулов... тогда они достойны гибели.

Муртаг снова поклонился.

– Королева, твоя воля – моя воля, – сказал старик, тихо добавив: – Я потерял двух внуков. Эту я уберегу.

Сказав это, он пошел в сторону Дарро, на которого даже не взглянул.

Рен остался стоять. Сейчас мокрый капюшон скрывал его лицо и тот шрам.

– Жаль, что у нас не было времени поговорить, – сказала ему Аэлина. – Мне пора объясниться.

– Тебе не привыкать покидать бывшую родину. К чему лишние слова?

Эдион предостерегающе зарычал, но Аэлина оборвала брата:

– Рен Ручейник, ты можешь судить обо мне, как тебе угодно. Но только не подведи наше королевство.

Глаза Рена вспыхнули, и в них она прочла ответ: «Как это делала ты целых десять лет».

Это был удар ниже пояса, плевков в душу. Рен взглянул на Венгу, на шрамы, уродующие ее личико. Они были почти точной копией его шрама. Глаза младшего Ручейника чуть потеплели.

А к Аэлине спешил разъяренный Дарро.

– Ты! – начал он.

Аэлина подняла руку. Пламя запрыгало на ее пальцах, превращая дождевые струи в пар. Кровь из надрезанной ладони продолжала течь. Когда-то она надрезала другую ладонь, принося клятву на могиле Нехемии. Капли крови были почти одного цвета с рубином в эфесе Златинца, висящего у нее за спиной.

– Я дам еще одно обещание. – Аэлина снова сжала надрезанную руку в кулак.

Дарро застыл в напряжении. Кровь Аэлины падала на священную землю Террасена. Ее улыбка стала зловещей. Даже Эдион затаил дыхание.

– Обещаю: как бы далеко я ни находилась и чего бы мне это ни стоило, когда Террасен позовет меня на помощь, я приду. Обещаю своей кровью и своим именем, что не повернусь спиной к Террасену, как ты, Дарро, и твои сподвижники повернулись спиной ко мне. А тебе, Дарро, я обещаю: однажды, когда ты приползешь ко мне, умоляя о помощи, я поставлю судьбу моего королевства выше гордости и не убью тебя за это. Думаю, что настоящим наказанием для тебя станет видеть меня на троне до самого конца твоей никчемной жизни.

Лицо Дарро из белого превратилось в багровое. Аэлина молча повернулась, считая все разговоры оконченными.

– И куда же ты теперь собралась? – спросил Дарро.

Значит, Муртаг ничего не рассказал ему о ее замысле отправиться к Мертвым островам. Интересно.

– Напомнить о старых долгах и обещаниях, – обернувшись, бросила ему Аэлина. – Собирать армию ассасинов, воров, изгнанников и простолюдинов. Заканчивать то, что началось очень давно.

Дарро промолчал.

Аэлина с Эдионом подошли к застывшей Лисандре. Венга беззвучно плакала, обхватив худенькие плечики. Быстроногая прижималась к ней.

Усилием воли Аэлина освободила сердце от печали, а разум – от тревог.

– Пора в путь, – сказала она.

Лисандра и генерал пошли за лошадьми. Эдион на прощание чмокнул Венгу в макушку, после чего Рен и Муртаг взяли ее за руки и повели в таверну. Дарро ушел раньше, даже не попрощавшись. Оставшись одна, Аэлина подошла к дубу, чтобы взглянуть на оставленный подарок.

Маленький народец еще утром знал о перемещении воздушной армии. Должно быть, они и сейчас оставили послание, предназначавшееся только ей.

Дождь уже начал разрушать послание Маленького народца, но Аэлина без труда узнала храм Брэннона на побережье. Фэйри искусно сделали его копию из прутьев и камешков, воссоздали колонны и алтарь... А в середине на священном камне белела фигурка оленя, сделанная из овечьей шерсти. Вместо могучих рогов – изогнутые колючки.

Это был приказ: куда ей идти и чего добиваться. Аэлина была готова слушать и принимать советы, даже если ей придется рассказать другим лишь половину правды.

Она разметала маленький храм, оставив лишь фигурку оленя. Белая шерсть быстро морщилась под дождем.

Негромко заржали их лошади, но Аэлина почувствовала его прежде, чем он появился между темными силуэтами деревьев. Он был слишком далеко отсюда, а потому казался призраком, кусочком из сна древнего бога.

Затаив дыхание, Аэлина следила за ним, насколько хватило смелости. Потом уселась на лошадь и опустила промокший капюшон плаща. Вряд ли ее спутники заметили, что лицо у нее блестит не только от дождевых капель. А может, и они тоже видели Повелителя Севера, застывшего в глубине леса. Дождь притушил сияние, разлитое вокруг белого оленя, который пришел проститься с Аэлиной Галатинией.

Глава 6

Дорин Хавильяр, новый король Адарлана, ненавидел тишину. Тишина стала его спутницей. Она сопровождала короля, когда он шел по опустевшим коридорам каменного замка, по ночам устраивалась в уголке его захлавленной башенной комнаты, делила с ним все трапезы.

Дорин всегда знал: однажды он станет королем. Он лишь не ожидал унаследовать пошатнувшийся трон и пустой замок.

Мать и младший брат по-прежнему находились в Аранте – горной королевской резиденции. Дорин не посылал за ними. Наоборот, распорядился, чтобы они и дальше оставались там.

Он сделал это хотя бы потому, что шум, суeta и показной блеск материнского двора были бы еще хуже нынешней тишины. И потом, Дорину не хотелось лгать в глаза матери и брату, отвечая на вопросы, кто разрушил стеклянный замок, истребил большую часть придворных и убил прежнего короля. Вдобавок пришлось бы рассказать и о том, кем, а точнее, чем был его отец, долгие годы одержимый демоном.

Демоном, от которого его мать родила двоих детей.

После разрушения стеклянного замка Дорин поселился в одной из башен каменного. С ее крыши он смотрел на Рафтхол, сверкающий в лучах заходящего солнца, на оранжево-красную извилистую ленту Авери. Покинув Рафтхол, река по прямой устремлялась к близкому морю. Гораздо дальше было до Серебряного озера, откуда она вытекала.

Дорин простер руки. Его ладони были сплошь покрыты мозолями от воинских упражнений. Ему пришлось заново учиться владеть мечом. Его любимые караульные – гвардейцы Шаола – все были мертвы.

Истерзаны пытками и убиты.

Воспоминания о месяцах, прожитых с ошейником из Камня Вэрда, были тусклыми и сбивчивыми. Но в кошмарных снах он иногда видел себя в глубоком подземелье, где отец устроил тюрьму. Его руки были покрыты чужой кровью. В ушах звенели крики. Голоса, умолявшие о пощаде.

Дорин постоянно себе твердил, что это делал не он, а валгский принц-демон, живший внутри его. Вторым виновным был отец.

Ему и сейчас было тяжело смотреть в глаза новому капитану королевской гвардии – другу Несарины Фелак. Дорин попросил капитана научить его сражаться, помочь стать сильнее и проворнее.

Он не позволит себе быть слабым, испуганным и ни на что не годным. Такое больше не повторится.

Дорин повернулся к югу, словно с его башни можно было увидеть далекий южный континент Антика. Наверное, Шаол и Несарина уже добрались туда, и теперь друг его детства находится в городе Торра-Кесме, где даровитые целители восстанавливают покалеченное тело Шаола.

Демон, обитавший внутри отца, сломал Шаолу позвоночник. Последние крупницы человечности в душе бывшего короля позволили смягчить удар и сохранить Шаолу жизнь.

Когда демон завладел телом Дорина, у него не хватило сил на противостояние. Его руками демон пытал, убивал и отбирал все, что пожелает. Получается, отец был сильнее и крепче.

Увы, Дорин никогда не видел отца в истинном человеческом обличье.

Он согнул пальцы. На ладони заискрился иней. Магическая сила Дорина была необузданной и неотшлифованной. Рядом – никого, кто мог бы его научить управляться с нею. Да он и не отваживался спрашивать о подобных вещах.

Дорин прислонился к каменной стене, возле двери на лестницу. Затем коснулся бледного шрама вокруг шеи. Сколько бы часов он ни проводил на солнце, упражняясь с оружием и без, след от ошейника все равно оставался белесым. Эту полоску кожи загар не брал. Возможно, и не возьмет никогда.

Наверное, шипящий голос демона-принца никогда не исчезнет из его снов, а сам он будет просыпаться в поту, думая, что это кровь Сорши или Аэлины, которую он ударил мечом во время их поединка в стеклянном замке.

Аэлина. От нее – никаких вестей. Дорин так и не знал, вернулась ли она уже в свое королевство. Усилием воли он прогнал беспокойство и попытался размышлять о причинах этой странной тишины.

Более чем странной, когда разведчики Несарины и Шаола докладывали ему, что Морат приходит в движение.

А в комнате, служившей ему кабинетом, спальней и гостиной, письменный стол был завален бумагами. Перед отходом ко сну нужно все их просмотреть: подписать письма, составленные от его имени, хотя бы пробежать разного рода соображения по устройству жизни в новом Адарлане.

Над городом прогремел гром.

Дорин усмехнулся. Даже небеса прогоняли его с крыши, заставляя заняться делами, если он опять не хочет просидеть до глубокой ночи. Дорин вздохнул и уже собрался идти вниз, как громовые раскаты повторились.

Уж что-то быстро. И раскаты какие-то короткие.

Дорин оглядел горизонт. Ни облачка. Ясное небо, закатом расцвеченное в красно-оранжевый и золотистый. Однако город у подножия холма, на котором стоял замок, словно замер. Даже мутные воды Авери, казалось, остановились... Вот опять.

Он уже слышал этот звук.

Магия забурила в жилах Дорина. Вопреки его воле, каменный пол балкона, устроенного на крыше, стал покрываться льдом. Все происходило настолько быстро, что охлаждавшиеся камни скрипели и стонали.

Дорин попытался убрать лед. Смотать нити силы, словно выскользнувший из рук клубок пряжи. Лед не слушался его, становясь толще и захватывая всю поверхность камня. Лестница за спиной Дорина тоже начала покрываться льдом.

Где-то на западе тревожно запела труба. Ее высокий, срывающийся голос возвещал об опасности. И вдруг резко оборвался, не успев донести сигнал.

Стена мешала взглянуть на запад. Дорин сбежал по скользким ступенькам, вернулся в комнату и поспешил к открытому западному окну. Пробираясь сквозь нагромождения книг и бумаг, Дорин одолел полпути до окна, когда тишину разорвали крики.

К городу стремительно приближался легион боевых драконов. Почти черные на фоне заката, они казались стаяй громадных летучих мышей. На спинах драконов сидели вооруженные ведьмы. Закат по-прежнему разливал по небу свои краски, а воздух уже звенел от боевых кличей ужасных всадниц.

Манона и ее отряд Тринадцати летели без остановок на сон и отдых. Еще вчера они оставили позади два шабаша сопровождения, поскольку драконы тех ведьм утомились и не могли лететь. Драконы отряда Маноны прошли отличную выучку, потому что ее ведьмы летали едва ли не каждую свободную минуту: на разведку и самостоятельно (точнее, самовольно). Месяцы таких упражнений были потрачены не зря.

К Рафтхолу они летели, стараясь держаться выше облаков, чтобы не заметили с земли. В просветах мелькали зеленые, желтые и синие пятна. Цвета наступившего лета. Но сегодня небо было на редкость чистым. Когда солнце начало клониться к западу, на горизонте появился Рафтхол.

А далеко на западе лежала их родина, потерянная для нескольких поколений ведьм.

На подлете к адарланской столице Маноне стало ясно, что шабаши из Ферианской впадины их все-таки опередили и уже начали бойню.

Искара не стала дожидаться главнокомандующей. Ее ведьмы неслись в сторону дворца и стеклянной стены на восточном краю города.

Манона пришпорила Аброхаса, приказывая лететь быстрее. Он повиновался... насколько мог. Чувствовалось: дракон изможден. Да и они были в не лучшем состоянии.

Искаре хотелось прослыть победительницей. Манона не сомневалась, что наследнице Желтоногих приказано уступить бразды правления... но не раньше, чем Манона появится в городе. Сука. Тщеславная сука, жаждущая первенства.

Отряд Тринадцати приближался к Рафтхолу. Вскоре до их ушей стали доноситься крики. Красный плащ казался Маноне тяжелым, как мельничный жернов.

Манона направила Аброхаса к каменному замку на холме. Он едва был виден поверх сверкающей стеклянной стены. Эту стену ей было приказано разрушить до основания. Манона надеялась, что хотя бы здесь она не опоздала.

Знать бы еще, как действовать дальше.

Глава 7

Дорин объявил тревогу, но гвардейцы уже знали об опасности. Когда он сбежал вниз, они преградили ему путь, прося остаться в башне. Он сделал новую попытку, искренне желая помочь. Тогда гвардейцы начали его умолять. Его умоляли остаться, чтобы королевство не лишилось короля.

В их голосах звучало искреннее отчаяние, да и сами гвардейцы были вчерашними мальчишками. Только это заставило Дорина уступить им. Но быть просто наблюдателем он не собирался.

Он выбрался на крышу башни, простер руку. По другую сторону стеклянной стены драконы устроили настоящий ад, а он ничем не мог им помешать. Крылатые твари кружили над домами, срывая крыши и хватая на улицах зазевавшихся прохожих. Его подданных.

Казалось, небо состояло из одних зубов и когтей. Солдаты городской стражи стреляли метко, но драконы не замечали их стрел.

Дорин призвал свою магию, приказав ей подчиниться. Он призвал лед и ветер, велел им шириться и разрастаться.

И горько сожалел, что, пока Аэлина была в Рафтхоле, не попросил ее научить его азам обращения с магией.

Драконы приближались к замку. Стена вокруг холма совсем не мешала ведьмам. Ему словно показывали, насколько он слаб и беспомощен даже за высоченной стеной. С ним играли, прежде чем напасть.

Дорин выжидал. Пусть подлетят еще ближе, и тогда он обрушит на них свою магию. Пусть его магия не охватывает громадных пространств, как у Аэлины, пусть он не может раскинуть над городом защитный магический купол. Но когда они будут совсем близко...

Больше он не струсит и не проявит слабость.

Первый дракон перелетел через стеклянную стену. Огромный, намного крупнее покрытого шрамами дракона, на котором летала белокурая ведьма. Вскоре к замку направлялись уже шесть драконов. К его замку. К его башне. Они явились за адарланским королем.

Он покажет им, каков адарланский король.

Сейчас главное – точно выбрать момент для удара. Дорин сжал пальцы в кулак, погружаясь вглубь своей магии. Многие ведьмы, подлетев к стене, не двигались дальше. Хвосты их драконов безостановочно хлестали по дымчатому стеклу, откалывая кусок за куском. Похоже, ведьмы считали, что шести драконов со всадниками вполне достаточно для захвата замка и его хозяина.

Ему уже были видны фигуры всадниц в кожаных доспехах, усеянных железными заклепками. Заходящее солнце блестело на металлических нагрудниках драконов. Теперь твари летели над бывшими садами, которые только начали восстанавливать.

Дорин уже видел сверкающие железные зубы ухмыляющихся ведьм. Они смеялись над ним и над героическими усилиями его гвардейцев. Те безостановочно стреляли по ведьмам и драконам из луков и арбалетов. У Дорина звенело в ушах. Выждав еще немного, он протянул руку в сторону ведьм и разжал пальцы.

Лед и ветер помчались им навстречу, врезаясь в драконов и всадниц.

Гвардейцы закричали, но тут же смолкли, перестав стрелять.

Дорин шумно дышал. От выплеска магической силы его шатало. Наверное, нужно было действовать по-другому, но как? Этого он не знал. Дорин вдруг подумал, что по своей воле еще никогда и никого не убивал. Только по принуждению обитавшего в нем демона.

На землю падали окровавленные куски мяса, еще недавно бывшие драконами и ведьмами. В воздухе повис кровавый туман... «Еще!» – требовала магия Дорина, собираясь из глубин для нового удара и заставляя его подчиниться.

За разрушаемой стеклянной стеной лилась кровь жителей Рафтхола. Воздух сотрясая от криков.

Еще четыре дракона перемахнули через полуразрушенную стену. Они летели рядом. Всадницы смотрели вниз, понимая, что среди кровавого месива находятся и изуродованные куски тел их сестер. Из бессмертных глоток вырывались негодующие крики. Ветер трепал желтые повязки на лбу ведьм. Четверка направила своих драконов ввысь, видимо рассчитывая потом камнем упасть на его башню.

Улыбаясь, Дорин высвободил новую волну своей магии. Она пошла двумя потоками, ударив по набирающим высоту драконам.

И снова на землю посыпались окровавленные куски. Впрочем, уже не на землю, а на лед, успевший покрыть ее толстым слоем. Самые тяжелые куски пробивали и лед, и плиты уцелевших дорожек.

Дорин снова погрузился в источник своей магии. Будь он сейчас в городе, он бы сумел свалить больше тварей и ведьм.

За этой мыслью его настигла третья атака. Она пришла не спереди, не сверху и не снизу. Сзади.

Башня качнулась. Дорина отбросило вперед. Он ударился о каменное ограждение и едва не свалился вниз.

Трещали камни, рушилось дерево. Только магия уберегла его голову от соприкосновения со здоровенным обломком плиты.

Дорин бросился в комнату. В стене и крыше зиял громадный пролом. А на куске камня сидела коренастая крепкая ведьма, скаля на него свои железные зубы. На лбу у нее красовалась выцветшая лента из желтой кожи.

Дорин призвал свою магию, но та откликнулась слабым шелестом.

Он слишком быстро и бездумно растратил ее запас. Он не умел управлять потоками силы и не знал, как добраться до самых глубин.

В пролом просунулась драконья голова.

Еще шесть драконов перелетели через стену, направляясь к его поврежденной башне. Правильнее сказать, через обломки стены. Стены, возведенной Аэлиной... Яростная атака драконьих хвостов и когтей уничтожила ее полностью.

Дорин поглядывал на дверь. Он ждал, что она вот-вот распахнется и сюда вбегут карательные снизу. Почему они медлят? Он догадывался о причине, но верить не хотел.

До двери было несколько шагов, но путь туда лежал мимо драконьей морды. Поэтому ведьма и скалила свои железные зубы.

И все-таки у него есть шанс. Единственный шанс прорваться.

Дорин стиснул пальцы в кулак, лишив ведьму дальнейшей возможности его разглядывать. Взмахнул рукой и разжал пальцы. Ледяная полоса, сорвавшаяся с его ладони, ударила дракону в глаза. Тварь заверещала, убрав морду. Дорин метнулся к двери.

Что-то острое, чиркнув его по уху, вонзилось в стену. Кинжал. Дорин протянул руку, готовый толкнуть дверь.

Дракон хлестнул Дорина своим мощным тяжелым хвостом. Короля отбросило к стене. Защитная пелена магии уберегла его кости и голову, но не могла смягчить удар. Для многих такой удар оказался бы смертельным.

Перед глазами замелькали звезды среди клубящейся тьмы. Дверь была совсем рядом.

Дорин попытался встать, однако ноги не слушались.

Его обездвижили...

По телу текла теплая струйка. Кровь. Рана была неглубокой, но довольно болезненной. Дорина задело шипом на драконьем хвосте. Шипы покрывала зеленоватая слизь.

Яд. Особый яд. Прежде чем убить жертву, эта отрава отбирала силы и лишала всякой способности двигаться.

Нет, больше он не попадет в плен. Герцог напрасно ждет его в Морате, держа ошейник наготове.

Магия Дорина вступила в сражение с ядом. Исцеляющая магия. Но она была слишком слаба и действовала медленно – ведь все свои силы он растратил.

Дыша сквозь стиснутые зубы, Дорин попытался поползти до двери.

Ведьма что-то приказала своему дракону. У нее был отвратительный голос, похожий на лай. Дорин сумел приподнять голову. Пока он валялся, сражаясь с ядом, ведьма успела перебраться в седло, откуда теперь намеревалась прыгнуть. Мечи в ее руках явно показывали, с какой целью.

«Нет!» – мысленно вскрикнул Дорин.

Ведьма так и не осуществила задуманное. Только что она перебрасывала ногу, готовясь выпрыгнуть из седла. И вдруг... из обрубленной шеи хлещет кровь, а головы нет. Дракон взревел, повернулся и... полетел вниз, но не по своей воле. Его толкнул другой дракон, поменьше. Грозный, весь в шрамах, с неестественно сверкающими крыльями.

Дорин не стал дожидаться дальнейшего развития событий и гадать, в какую сторону они повернутся. Он пополз к двери. Магия побеждала яд, который в ином случае давно бы его убил. Вихрь света яростно сражался с зеленоватой тьмой.

Кожа, мышцы и кость, покалеченные ведьмой, медленно восстанавливались. Дорин ощущал сильный зуд на месте раны. Казалось, там вспыхивают яркие искры и свет разливается по жилам.

Дорин уже тянулся к дверной ручке, когда маленький дракон опустился на пол комнаты. Из оскаленной пасти капала кровь, заливая королевские бумаги. С трудом верилось, что совсем недавно Дорин сетовал на необходимость читать и разбирать скопившиеся дела. С шеи дракона прыгнула гибкая всадница в металлических доспехах. За ее спиной виднелся колчан со стрелами и эфес внушительного меча.

Ведьма сняла странный шлем, увенчанный маленькими пиками, торчащими в разные стороны.

Ее лицо Дорин узнал прежде, чем вспомнил имя. Узнал волосы цвета луны, отражающейся в воде. Сейчас они были разметаны по плечам под темными чешуйками доспехов. И золотистые глаза ведьмы он тоже видел не впервые. Лицо редкой красоты выражало лишь холодную кровожадность. Эта ведьма была умна, опытна и очень опасна.

– Поднимайся! – велела Манона Черноклювая.

Дерьмо.

Это слово неумолчно звучало в голове Маноны, когда она пробиралась по развороченной королевской башне, натываясь на обломки камней, разбросанные книги и бумаги.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Искара будто сквозь землю провалилась. Во всяком случае, в замке ее не было. Зато тут был шабаш Желтоногих.

Потом Манона заметила их караульную. Та пробралась в башню первой и готовилась добыть себе славу, расправившись с королем... Столетняя выучка и инстинкт сработали раньше, чем Манона успела подумать. Аброхас едва успел сюда влететь. Она еще находилась в седле. Один взмах Рассекателя Ветра, и караульная Искры лишилась головы.

Следом Аброхас атаковал дракона Желтоногой: крупного тупоглазого самца. Он не успел даже взреветь, как зубы Аброхаса сомкнулись на широкой драконьей глотке, и оттуда

хлынула кровь и полетели куски мяса. Ее дракон толкнул свою жертву вниз, и оба исчезли из виду.

Маноне было некогда удивляться чудесам храбрости, проявленным Аброхасом. Бросился ведь на дракона Желтоногой, зная, что тот крупнее и сильнее. Правильно она тогда угадала, что у Аброхаса – сердце воина. Надо будет сегодня хорошенько накормить боевого друга.

Камзол молодого короля был весь в крови, грязи и пыли. Но сапфировые глаза смотрели живо и осмысленно. Правда, чуточку ошалело.

– Поднимайся! – снова рявкнула Манона, перекрывая крики из обреченного города.

Король тянулся к дверной ручке. Манона поняла: он не собирался звать подмогу или убегать. Она стояла совсем рядом и видела, что он хочет всего лишь подняться.

Манона глядела на его длинные ноги. В прошлый раз король был куда слабее, чем нынче. Видно, даром время не терял, упражнялся и набирая силу. Потом ее взгляд упал на дыру в камзоле и рану. Не ахти какая большая и глубокая, но...

Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Яд шипов драконьего хвоста в лучшем случае обездвиживал жертву, а в худшем – убивал. Для обездвиживания было достаточно легкой царапины. Судя по ране, королю уже полагось умереть или находиться на последнем издыхании.

– Чего ты хочешь? – хрипло спросил он, глядя то на нее, то на Аброхаса.

Разделавшись с драконом Желтоногой, Аброхас вернулся и теперь крутил шеей в разные стороны, высматривая новых противников и нетерпеливо шелестя крыльями.

Король стремился выиграть время. Ждал, когда рана в боку окончательно исцелится.

Магия. Только очень сильная магия смогла уберечь его от смерти.

– Тихо, ты, – огрызнулась Манона и сама подняла его на ноги.

Король не вздрогнул от ее прикосновения. И железные ногти, пропоровшие ткань камзола, тоже его не испугали. Он оказался тяжелее, чем думалось Маноне. Видно, и впрямь нарастил мышцы. Но для бессмертной силы, какой обладала ведьма, разница была несущественной.

Она забыла, что он заметно выше ростом. Дорин тяжело дышал.

– Здравствуй, ведьмочка, – произнес он, глядя на нее сверху вниз.

Его полуулыбка пробудила в душе Маноны древнюю хищницу. Хищница выгнула спину и наострила уши. Король совсем ее не боялся. Интересно.

– Здравствуй, короленок, – промурлыкала в ответ Манона.

Абрахос предостерегающе зарычал. Повернувшись к нему, Манона увидела приближающегося дракона. Опять Желтоногие.

– Идем!

Манона распахнула дверь на лестницу. Снизу послышались крики. Дорин привалился к стене. Чувствовалось, ему трудно стоять на ногах.

– Я тебя спрашиваю! Здесь есть другой выход?

Король откровенно разглядывал ее, отчего Манона была готова рычать не хуже дракона.

А у них за спиной, словно боги решили вмешаться, мощный порыв ветра отнес дракона и всадницу от башни и швырнул к городу. Ветер был настолько сильным, что дракон закувыркался, будто древесный лист. Даже Аброхас вцепился когтями в каменный пол.

– Есть проходы, – сказал король. – Но ты...

– Тогда найди их. Выбирайся отсюда.

– Зачем? – спросил он, не двигаясь с места.

На загорелой шее Дорина выделялась узкая белая полоска. Манона помнила его черный каменный ошейник, помнила его прежнее жалкое существование. Но это не сделало ее

словоохотливее. Она больше не собиралась отвечать на вопросы смертных. Даже королей. Только пояснения, которые она сама считает необходимым дать.

– Перангтон не тот, каким кажется. Это демон в смертном теле. А теперь он и тело сменил. Превратился в золотоволосого молодого красавца. И в любой момент может выпустить исчадия зла, которые долго взращивал в Морате.

Рука Маноны обвела порушенную комнату; сверкнули железные ногти.

– Это лишь первый шаг. Нападением на Рафтхол Перангтон намеревается сломить твой дух, а тебя самого выставить врагом. Этим он рассчитывает обрести поддержку других королевств, где давно ненавидят Адарлан. Собирай силы, пока его армия не разрослась до недолимых размеров. Он намерен завоевать не только Эрилею, но и остальные континенты.

– Но ведь и ты явилась сюда не по собственному выбору. Ты – часть его армии. Хорошо снаряженной, если судить по твоим доспехам. Зачем ты раскрываешь мне замыслы Перангтона?

– Мои причины тебя не касаются. Беги отсюда.

И вновь мощный порыв ветра разметал всех, кто пытался приблизиться к замку. Даже камни застонали. У ветра был странный, знакомый запах – запах снега и сосен. Древний, мудрый, жестокий.

– Ты убила ту ведьму.

Манона запоздало увидела, что кровью Желтоногой забрызганы не только камни пола. Брызги попали на снятый шлем. Рассекатель Ветра тоже был весь в крови. Манона подумала, что могла бы дать своему мечу новое имя – Истребитель Ведьм.

Она отбросила эту мысль вместе с вопросом, таившимся в словах Дорина.

– Ты теперь у меня в долгу, адарланский король. Готовься, что однажды я потребую уплаты.

Его чувственные губы сжались.

– Переходи на нашу сторону, – вдруг предложил ей Дорин. – Сражайся с нами против него.

Теперь из открытой двери слышались не только крики, но и боевые кличи ведьм. Им все-таки удалось приземлиться возле замка и проникнуть внутрь. Через считанные мгновения ведьмы окажутся здесь и увидят ее с адарланским королем. И если он не уберется прежде... Манона силой оторвала Дорина от стены, толкнув на лестницу.

У него подгибались колени. Он схватился за каменную стену и оглянулся на Манону. Взгляд был не испуганным, а сердитым.

– Неужели ты не видишь, что тебе грозит смерть? – прошипела Манона.

– Я видел смерть и кое-что похуже.

Заледеневшие сапфировые глаза несколько раз оглядели Манону с ног до головы.

– И смерть, которую ты предлагаешь, – благодеяние по сравнению с этим.

Его слова что-то задели у нее внутри, но король уже спускался – прихрамывая и держась за стену. Раздражающе медленно, но не потому, что хотел позлить Манону. Магия Дорина и сейчас еще сражалась с последствиями отравы, и на это уходили все его силы.

Нижняя дверь рухнула под напором. Послышался топот. Дорин замер. Сюда бежали четыре ведьмы из клана Желтоногих. При виде главнокомандующей остановились, опасно поглядывая на нее.

Рассекатель Ветра дрогнул в руке Маноны. Что-то в душе толкало: «Убей его. Убей сейчас, пока эти ведьмы не разнесли, что тебя видели вместе с адарланским королем...» Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Но Маноне не пришлось решать. Стремительно блеснула сталь, и все четыре Желтоногих пали раньше, чем успели увидеть воина, ворвавшегося вслед за ними.

Серебристые волосы, лицо и шея, покрытые татуировкой, заостренные уши. Это он породил ветер.

Дорин пробормотал ругательство и шагнул к фэйскому воину, но тот смотрел на ведьму. В его глазах сверкал гнев, предвещавший смерть.

У Маноны перехватило дыхание. Из горла вырвался сдавленный звук. Она попятилась, держась за горло. Чтобы не задохнуться, Манона была готова проткнуть дыру в горле. Но магия фэйца сковала ее.

Сейчас он убьет ее за то, что однажды она попыталась сделать с его королевой. За стрелу, которую тогда выпустила Астерина, метя королеве в сердце. Фэйский воин принял ее стрелу на себя.

Манона рухнула на колени. Король подскочил к ней, пригляделся и крикнул воину:
– Нет!

И сейчас же в ее легкие снова хлынул воздух. Манона шумно глотала его, выгнув спину.

Против таких атак ее порода не имела магических щитов. Подобные силы пробуждались у ведьм только в крайнем отчаянии и особо безудержном гнев. Но за это приходилось дорого платить – вплоть до собственной жизни. И потому даже самые кровожадные и бездушные в таких ситуациях прекращали сопротивление.

Манона все еще успокаивала дыхание, когда над нею склонился Дорин. Из-за недавней встряски его лицо расплывалось в ее глазах.

– Когда передумаешь, Черноклювая, разыщи меня, – сказал он и исчез.

Глава 8

Рован из клана Боярышника летел сюда два дня подряд, без пищи, воды и отдыха.

И все равно он достиг Рафтхола с большим опозданием. Адарланская столица уже пребывала в хаосе, устроенном ведьмами и их драконами. За века Рован не раз видел, как гибли города, и потому сразу понял: та же участь уготована и Рафтхолу.

Даже если отчаявшиеся жители соберут ополчение и выступят против ведьм, это лишь ускорит их гибель. Ведьмы успели разрушить стеклянную стену Аэлины. Еще один тактический шаг Эравана.

Рован знал: его вмешательство изменило бы положение в городе, но он направился к каменному замку и башне, в которой жил король. Он выполнял приказ своей королевы.

Пусть он и опоздал. Главное, не безнадежно.

Теперь они с Дорином двигались по коридору. Короля шатало, и Рован крепко держал его за локоть. Острый фэйский слух и чутье помогало Ровану обходить места, где бушевали сражения. Но если за потайными туннелями следят, если они не сумеют выбраться к сточному каналу... В голове Рована мелькали замыслы, однако ни один не предвещал благополучного завершения.

– Сюда, – дыша ртом, произнес король.

Это были его первые слова с тех пор, как Рован помог ему выбраться из башни. Сейчас они находились в той части замка, где фэйский воин никогда не бывал и видел лишь сверху, когда превращался в ястреба и нес дозор. Как же давно это было! Здесь находились пустующие покои королевы.

– Из материнской спальни есть потайной выход.

Белые двери были закрыты. Рован разнес их напором ветра: створки разлетелись в щепки, досталось роскошной, вычурной мебели и картинам в тяжелых рамах – один порыв смел и вещи ценные, и безделушки.

– Прошу прощения, – пробормотал Рован, хотя и не чувствовал себя виноватым.

Шум вторжения был знаком: запасы магической силы истощаются. Сказывались два дня безостановочного полета и недавнее сражение с драконами.

Дорин равнодушно смотрел на разгром:

– Сюда бы все равно ворвались. Закрытые двери будят любопытство.

Похоже, что и он тоже не был огорчен. Миновав первую комнату, Дорин толкнул дверь в следующую. Он еще прихрамывал, но меньше. Окажись его магия слабее, сейчас бы он корчился в предсмертных муках.

Дорин остановился перед большим портретом в богатой золоченой раме. С холста улыбалась красивая молодая женщина с каштаново-рыжими волосами. На руках она держала младенца с пронзительными сапфировыми глазами.

Король на несколько секунд замер. Этого было достаточно, чтобы Рован понял все. Затем Дорин коснулся рамы с левой стороны. Портрет сдвинулся, обнажив узкую дверцу.

Дорин вытащил из канделябра свечу, зажег ее и шагнул в темноту. Рован вошел следом. Силой своей магии он вернул портрет на место, после чего плотно закрыл дверцу изнутри.

Проход был тесным и пыльным. Издали тянуло сыростью и плесенью. Пока спускались по щербатым ступенькам, Рован своей магией проверил все проходы впереди. Мало ли, в каких углах могли затаиться валгские прихвостни после разрушения часовой башни. Никого: ни валгов, ни иных врагов. Уже легче.

Фэйские уши Рована улавливали крики и стоны, доносящиеся сверху. Там продолжали гибнуть люди.

– Я должен был остаться, – тихо сказал Дорин.

Значит, он тоже слышал. Похоже, магический дар молодого короля был разносторонним. Он мог творить лед и пламя, мог исцелять смертельные раны. Магия давала ему обостренное чутье и дополнительную силу. Наверное, он бы даже смог превращаться в зверя или птицу.

– Живой ты полезнее своему народу, – сказал Рован, слушая приглушенное эхо.

Его начинала одолевать усталость, но он старался об этом не думать. Сначала нужно добраться до безопасного места. Там они и отдохнут.

Не дождавшись ответа, Рован заговорил снова:

– Я видел падение многих городов. И не только городов. Целых государств. Пролетая над Рафтхолом, я видел, что творится внутри. Даже с твоими способностями ты бы ничего не смог сделать для защиты города.

Рован не знал, как бы они поступили, если нечто подобное случилось с Оринфом. Непонятным оставалось и то, почему первой жертвой Эраван избрал Рафтхол. Об этом он тоже подумает потом.

– В таком случае я должен был погибнуть вместе с моими подданными, – ответил король.

Лестница вывела их в довольно широкий коридор. Здесь дышалось легче. Рован снова отправил свою магию на разведку. Туннелей и лестниц было более чем достаточно, однако магия подсказала Ровану верное направление. Достигнув очередной развилки, он свернул в правый туннель, надеясь добраться до сточного канала.

– Меня сюда послали спасти тебя от гибели, – сказал Дорину Рован.

Король повернулся к нему и чуть поморщился. На месте, где еще недавно зияла рана от драконьего хвоста, виднелся лишь ярко-красный шрам.

– Ты ведь собирался ее убить, – вдруг сказал Дорин.

– Собирался. А с чего ты решил ее пощадить? – спросил Рован, сразу поняв, о ком речь.

В воздухе уже ощущалось зловоние сточного канала. Дорин рассказал Ровану о событиях в башенной комнате.

– Я бы не особо ей доверял, – заметил Рован, выслушав рассказ. – Но быть может, боги бросят нам кость, и наследница Черноклювых перейдет на нашу сторону.

Если только о ее деяниях не станет известно. По меркам Эравана, это серьезное преступление. Но если все обойдется и на их стороне окажется тринадцать ведьм с драконами... Отряд Маноны считался самым опытным из всей армии Железнодорожных ведьм. Тогда у Оринфа появлялся шанс выстоять против Эравана.

На подходе к сточному каналу они увидели полчища крыс. Грызуны торопились убраться из замка, словно рев драконов предвещал им неминуемую смерть.

Арка, которой оканчивался выход, была завалена обломками камней. Ровану вспомнился «адский огонь», которым они летом подрывали часовую башню. Тогда казалось, что весь замок рухнет.

Рован почувствовал стеснение в груди. Он понял: Аэлина здесь часто ходила. Еще через несколько шагов он увидел на камнях у кромки воды застарелые пятна крови. Фэйское чутье подсказывало: здесь убили какого-то мерзавца.

– Здесь она оборвала жизнь Аркера Фэнна, – подсказал Дорин, перехватив взгляд Рована.

Рован слышал об этом предателе, но сейчас было не время думать о событиях прошлого. Мелькнула другая мысль: здешние придворные явно не отличались умом. Разместить ассасина в комнатах, имевших потайной выход! При желании Аэлине ничего не стоило бы добраться до их королевы.

К каменному столбу была привязана лодка. Изрядно подгнившая, но еще способная держаться на плаву. В том месте, где воды сточного канала покидали пределы замка, была решетка. К счастью, ее не успели закрыть.

Дальнейшая магическая разведка показала Ровану, что в восточной части замка было относительно спокойно. Ни шума крыльев, ни запаха крови. Если бы ведьмам хватало сообразительности, они бы вначале обрыскали весь замок.

Но по крикам из других частей замка Рован понял: ведьмы дали волю своей кровожадности, забыв обо всем. Вряд ли они сейчас способны думать.

– Полезай в лодку, – сказал Дорину Рован.

Дорин хмуро смотрел на заплесневелый, гнилой борт:

– По-моему, она утонет сразу, как мы туда заберемся.

– Ты один, – поправил его Рован. – Тебя она выдержит. Залезай.

Это было произнесено таким тоном, что у Дорина отпало всякое желание спорить. Он полез в лодку:

– А ты?

Сняв плащ, Рован перебросил его королю:

– Ложись на дно и накройся.

Побледневший Дорин послушно лег. Рован быстро перерезал веревку. Затем превратился в ястреба и выразительно похлопал крыльями, чтобы Дорин услышал и понял. Магия Рована стронула лодку, и та понеслась к выходу из подземелья. Всякий увидевший ветхую посудину не обратит на нее особого внимания. Подумаешь, лодка случайно отвязалась.

Вылетев на поверхность, Рован окружил лодку стеной плотного воздуха. Теперь никто не учует короля по запаху, да и шальная стрела не ударит.

Рован летел высоко над лодкой, что спокойно плыла по петляющей речке. Всего один раз он оглянулся на Рафтхол – на город, создавший и сломавший его королеву. На город, служивший ей пристанищем.

Его стеклянная стена превратилась в груды больших и маленьких блестящих осколков, заполнивших траву и окрестные улицы.

Ровану вспомнились недели путешествия в Террасен. Утомительные не только телесно, но и душевно. Его разрывало между страстью к Аэлине и неопределенностью ее ближайшего будущего в Оринфе. Учитывая слова Дарро (его последние обещания не в счет), хорошо, что они не появились в террасенской столице.

Дарро и этот гнусный пергамент с «волей правителей» говорили то же, что постоянно маячило за задворках сознания Рована, не давая ему покоя. Он был принцем лишь по названию.

Ни армии, ни денег. Рован отнюдь не был нищим. Денег у него хватало, но те деньги остались в Доранелле. Маэва никогда не позволит ему их забрать. Скорее всего, их уже распределили между его докучливой родней вместе с землями и домами. Возможно, кто-то из его братьев и сестер – в основном те, с кем он вместе рос, – откажется брать свои доли из-за упрямства и верности родне. (Клан Боярышника этим отличался.) Как бы то ни было, сейчас он мог предложить своей королеве лишь силу меча, глубину магии и преданность сердца.

Прекрасные качества, но для победы в войне их недостаточно.

Когда Дарро говорил, Аэлина оставалась внешне спокойной, но Рован чувствовал запах ее отчаяния. Зная ее огненную душу, он понимал: слова Дарро не явились для нее пустым звуком. Она задумается о браке с чужеземным принцем или королем. Даже если то, что было между Рованом и ею... даже если он знал, что это не просто телесная страсть и не только любовь.

Сила того, что существовало между ними, могла поглотить мир.

Если они нарушат эту связь, все может кончиться.

Потому Рован и не сказал Аэлине слов, которые собирался сказать. А ведь когда они прощались, интуиция кричала во весь голос, требуя признаться. Полюбить Аэлину только затем, чтобы ее потерять, было ему наказанием за его прежнюю любовь, которую не уберег от смерти. И наказанием за то, что позволил прежнему горю утихнуть, перестав заниматься самобичеванием.

Рев дракона и крики умирающих горожан заглушали плеск волн. Люди умоляли о помощи, которой не дождутся. Рован усилием воли притушил боль в груди. Лететь, не оглядываясь назад.

Это было лишь началом войны. Неизвестно, какие ужасы обрушатся на здешние земли в ближайшие дни и месяцы. И как бы он ни старался защитить свою королеву, на ее долю выпадет еще немало испытаний.

Лодка плыла и плыла над зловонной речкой, впадавшей в дельту Авери. Высоко в небе парил белохвостый ястреб. К тому времени стены каменного замка давно уже стали красными от крови.

Глава 9

Элида Лошэн знала: за нею охотятся.

Три дня подряд она пыталась запутать следы, бредя по бесконечному Задубелому лесу. Кончилось тем, что сама запуталась. В лесу это называлось – заблудилась.

За три дня она почти не сомкнула глаз. Едва останавливалась, чтобы похватать ягод и напиться из ручья по пути.

Вначале она свернула на юг, надеясь, что этот маневр запутает того или тех, кто ее преследовал. Почти целый день Элида шла в южном направлении. Потом поворот на запад – в сторону гор. И опять на юг? Или на восток? Она сама уже толком не знала. Элида чувствовала себя беглянкой. Задубелый лес был настолько густым, что она почти не видела солнца. И звезд тоже. Элида не решалась задержаться на одном месте подольше и поискать удобное дерево, на которое можно влезть даже с ее увечной ногой и поискать на небе Повелителя Севера. Это созвездие было маяком, указывающим ей путь домой.

К полудню третьего дня она едва не плакала от усталости, злости и страха, пробиравшего до костей. Если кто-то или что-то затеяло охоту на нее, торопиться им некуда: ни в минувшие дни, ни сейчас. Убить ее они всегда успеют.

Зажав в дрожащей руке нож, Элида остановилась на полянке, где протекал быстрый ручеек. У нее болели ноги – особенно покалеченная, ни на что не годная. Элида была готова продать темному богу душу за несколько часов в покое и безопасности.

Бросив нож в траву, она рухнула на колени у ручья и принялась пить. Она и сейчас торопилась, жадно глотая воду, вдгонку к съеденным ягодам и кореньям. Потом наполнила фляжку, безуспешно пытаясь унять дрожь в руках.

Металлический колпачок фляжки выскользнул из дрожащих пальцев и упал в ручей.

Элида выругалась сквозь зубы. Засунув руки по локоть в холодную воду, она старалась нашарить колпачок, отпихивая камешки и скользкие стебли речной травы. А она-то надеялась немного передохнуть.

Наконец ее пальцы наткнулись на колпачок, и в этот момент окрестный лес впервые содрогнулся от воя.

Элида замерла. Лес вокруг нее тоже.

Ей доводилось слышать вой собак. За время долгой, тряской дороги из Перранта в Морат она не раз слышала леденящий душу вой волчьих стай. Но этот был совсем другим. Он напоминал...

Похожий вой будил ее по ночам в Морате, а потом еще долго отдавался в ушах. Многоголосый вой, о котором не смели даже шептаться.

И сейчас, среди леса, она вдруг услышала точно такой же. Звук, который не спутаешь ни с чем.

«Мы сотворим чудеса, и от них задрожит весь мир».

Боги милосердные. Элида ощупью завинтила фляжку. Она не знала, кто или что издавало эти звуки, но они быстро приближались. Надо залезть на дерево, и как можно выше. Спрятаться среди ветвей и листьев. Может, это ее спасет.

Элида повернулась, чтобы убрать фляжку в мешок. На другом берегу ручья, опустившись на корточки, сидел воин. У него на колене покачивался длинный страшный кинжал.

Черные глаза незнакомца пожирали Элиду. У него были такие же черные волосы до плеч. Лицо казалось высеченным из гранита.

– Вот что, девка. Если не хочешь, чтобы тебя слопали, идем-ка лучше со мной, – совсем не человеческим, каменным голосом произнес воин.

Тихий голосок шепнул ей, что она наконец-то встретилась со своим неутомимым преследователем.

Но теперь они сами стали чьей-то дичью.

Лоркан Сальватир вслушивался в нарастающий вой, что сотрясал древний лес. Похоже, этот день для них может стать последним.

Для девчонки – наверняка. Либо ее растерзают преследователи, либо Лоркан сам ее убьет. Он пока не решил, какой исход ему предпочтительнее.

От нее пахло вполне по-человечески. Корицей, бузиной. Но к ним примешивался другой запах. Запах тьмы, почти неуловимый, словно крылышки колибри.

Если бы не страх, которым так и разило от этой девчонки, Лоркан решил бы, что чудовищ призвала она. Но он следил за нею почти три дня. Хромоножка плутала по лесу, явно сбившись с пути. Вряд ли она находилась под властью валгских демонов.

Лоркан встал. Темные глаза девчонки распахнулись от удивления. Наверное, он показался ей великаном. Сама она по-прежнему стояла на коленях у ручья. Грязная рука потянулась за кинжалом, столь глупо выброшенным ею в траву. Однако девчонке хватило мозгов не замахнуться на него.

– Ты кто? – спросила она.

Голос у нее был низкий и хриплый. Совсем не тот звонкий, приятный голосок, какой ожидаешь услышать от обладательницы хрупкой, но достаточно ладной фигурки. Удивительно, что ее голос звучал спокойно и холодно, будто она совсем не испугалась.

– Если торопишься помереть, продолжай сыпать вопросами, – сказал Лоркан, поворачиваясь к северу.

Вой раздался снова, из другого места.

Две стаи обложили их с разных сторон. Рядом зашелестела трава. Лоркан снова повернулся к девчонке. Она уже стояла на ногах, сжимая кинжал. Лицо заметно побледнело. Поди, догадалась, что их загоняют в угол.

– Уходим отсюда, – бросил ей Лоркан. – Какое направление выбираешь?

За пять веков, что он держал в руках меч, убивая направо и налево там, куда его посылали, он ни разу не слышал воя, подобного этому. Лоркан ощупью снял с пояса боевой топор.

– На восток, – выдохнула девчонка, оглядываясь по сторонам. – Мне... мне говорили держаться подальше от гор. Там летают драконы. Это такие большие крылатые звери.

– Без тебя знаю, как выглядит дракон.

Ее глаза вспыхнули. Чувствовалось, девчонке не понравился его тон. Но страх мигом погасил раздражение. Она повернулась к востоку. Вой прозвучал в третий раз – пронзительный, совсем не волчий. Даже не вой, а скорее верещание, какое производят летучие мыши. Только ниже тоном. И... голоднее.

– Беги, – приказал девчонке Лоркан.

И она побежала.

Надо отдать ей должное: словно забыв про покалеченную ногу и утомление последних дней, она, как оленуха, понеслась между деревьями. Наверное, страх имел свойство временно приглушать боль. Лоркан быстро перескочил через ручей и легко догнал девчонку. Его всегда раздражала человеческая медлительность. Чувствовалось, девчонка растратила последние силы. Она уже не бежала, а ковыляла вверх по склону, шумно дыша ртом. Неплохой «подарок» их преследователям.

Те двигались сюда с юга. Судя по звукам, двое или трое. Тяжелый топот и хруст подсказывали, что это довольно крупные твари.

Девчонка достигла вершины холма и остановилась, успокаивая дыхание. Лоркан вновь присмотрелся к ее увечной ноге.

Если она сейчас погибнет, получается, он напрасно так долго ее выслеживал. Он ощутил Ключ Вэрда в потайном кармане. Магия Лоркана не знала себе равных среди полуфэйцев всех континентов и королевств. Но если он сейчас применит силу Ключа, на его голову могут обрушиться непредсказуемые бедствия.

И потому Лоркан не стал искушать судьбу. Силой своей магии он воздвиг невидимую преграду. Порожденный им ветер протянул черные щупальца. Девчонка замерла, повернувшись в его сторону. Видно, почуяла волну магии. Совсем бледная, едва не падая, она понеслась вниз по противоположному склону.

Преграда Лоркана дрогнула, приняв на себя удар четырех мощных тел.

Его нос уловил запах ее крови. Должно быть, поранилась о камень. Или за корень задела. Ждать от нее проворства – дохлое дело.

Лоркан хотел было крикнуть ей, чтобы шевелилась, как вдруг его невидимая стена хрустнула. Нет, не хрустнула. Треснула, словно эти твари ее пробили.

Лоркан отказывался в это верить. Сквозь его магические преграды не мог проникнуть никто. Даже Рован из клана Боярышника, черт бы побрал этого Рована.

Но Лоркан не мог отрицать очевидное: твари взломали его магическую преграду.

Девчонка добралась до овражка у подножия холма. Она всхлипывала. Заплачешь тут! Ее темная коса хлестала по худенькой спине. Лоркан бросился ее догонять, вертя головой по сторонам. А за его спиной снова хрустели листья и трещали ветки.

Твари куда-то гнали его и девчонку. Но куда? И если им удалось прорвать его магический заслон...

Давно, очень давно ему не встречались враги, чьи повадки требовали изучения.

– Шевели ногами! – крикнул он девчонке.

Та даже не обернулась. Лоркан резко остановился между двумя высоченными дубами. Он несколько дней накапливал магическую силу, намереваясь выплеснуть на эту странную девчонку, когда ему наскучит тащиться за нею. Теперь сила давила на него изнутри, требуя выхода.

Лоркан взмахнул боевым топором. Лезвие запело, и густой лес поглотил песню металла. Холодный ветер ударил ему в другую руку, где между пальцами уже клубился черный туман.

Магия Лоркана была не такой, как у Рована Боярышника. Его магия не имела ничего общего со светом и пламенем суки-королевы и неуправляемой магической стихией нового адарланского короля.

Магия Лоркана была магией воли, смерти и разрушения. Она не имела названия.

Даже его королева не знала, откуда этот дар у Лоркана. Маэва считала его магию даром темного бога Хелласа. Темный дар для ее темного воина. Найдя такое объяснение, она не утруждала себя дальнейшими раздумьями.

На губах Лоркана заиграла дикая улыбка. Черный гул наполнил его жилы. Он выпустил свою магию. Когда-то она помогала ему разрушать города. Вряд ли одолеть этих тварей будет сложнее, чем снести крепостные стены.

Почуввав замершего хищника, преследователи замедлили движение. Они оценивали Лоркана. Впервые за свою долгую нечестивую жизнь у него не нашлось слов для описания увиденного.

Надо было убить девчонку. Смерть от его руки была бы милосердием по сравнению с тем, что сейчас рычало, припадая на задние лапы с толстыми острыми когтями. Это тебе не гончие Вэрда. Его и девчонку преследовали твари гораздо опаснее.

Пятнистая темно-синяя кожа казалась почти черной. Передние конечности – длинные, не слишком мускулистые – предназначались, чтобы рвать в клочья плоть врагов. Каждый из

пяти пальцев оканчивался длинным острым когтем. Сейчас пальцы были скрючены. Твари готовились к нападению.

Лоркана поразили не столько их тела, сколько манера останавливаться. Носы у них были, как у летучих мышей. Улыбка открывала двойной ряд тонких острых зубов. Остановившись, чудовища вставляли на задние лапы.

Они вытягивались во весь рост, как встает ползущий человек. В таком виде они были ниже Лоркана примерно на локоть.

И тем не менее в их облике он почувствовал что-то очень знакомое. Ощущение усилилось, когда один из преследователей открыл свою отвратительную пасть и сказал:

– А вот мяса твоей породы мы еще не пробовали.

– Я тоже не лакомился вашим, – вскидывая топор, ответил Лоркан.

Тварей, способных разговаривать на языках смертных и фэйцев, было совсем немного. В основном умение говорить они приобретали через магию разного свойства: благословенную и губительную.

Но у этих четырех, предвкушавших кровавую расправу, были темные, вполне человеческие глаза.

Рован предупреждал о страшных делах, творящихся в Морате. Гончие Вэрда были первыми из чудовищ, которых там сотворили и выпустили в мир. Лоркан и не подозревал, что эти твари, чей рост достигал почти восьми локтей, были наделены человеческими и любыми другими способностями, которые вложил в них Эраван.

Тот, кто был ближе всех к Лоркану, сделал шаг, но зашипел, наткнувшись на невидимую преграду. Магия Лоркана дрогнула. Пожалуй, ее даже залихорадило, когда когтистая лапа чудовища (на когтях поблескивали капли яда) снова ударила по невидимому щиту.

Четверо против одного. Обычно он воспринимал такой расклад как развлечение.

Обычно.

Но у него был Ключ Вэрда, за которым охотился Эраван, а также золотое кольцо, украденное у Маэвы. Потом это кольцо побывало у Аэлины Галатинии, но Лоркан вернул его себе. Кольцо Атрила. Если эти чудовища схватят его и доставят к своему хозяину...

Тогда все три Ключа Вэрда окажутся у Эравана. Король-демон сумеет открыть дверь между мирами, и в этот мир хлынут орды заждавшихся валгских демонов. Что касается золотого кольца Атрила... Лоркан не сомневался: Эраван поспешит уничтожить кольцо, изготовленное самой Мэлой... Лишь оно одно на всей Эрилее давало защиту от Камня Вэрда... и от валгских демонов.

Лоркан действовал без промедления. Твари не успели и глазом моргнуть, как он швырнул топор в того, кто находился дальше всех. Чудовище этого даже не заметило, поскольку смотрело, как сородич рвет магическую защиту Лоркана.

Топор вонзился чудовищу в шею и застрял там. Трое остальных сразу повернулись к нему. Лоркан понял: эти твари смертельно опасны, но совершенно не умеют сражаться.

Топор отвлек их внимание. Этого хватило, чтобы метнуть в тварей два ножа.

Оба лезвия вошли в морщинистые лбы по самую рукоятку. Головы тварей запрокинулись, а сами они шумно упали на колени.

Говоривший с Лорканом издал душераздирающий вопль. У Лоркана зазвенело в ушах. Потом тварь снова попыталась прорвать магический щит. И опять неудача. Довольный своей магией, Лоркан усмехнулся. Он выхватил меч и кинжал.

Случившееся дальше повергло Лоркана в изумление. Чудовище кинулось на щит, вцепившись обеими когтистыми руками. (Лоркан заметил, что руки у него довольно сильно изуродованы.) И случилось то, что никак не могло случиться: магический щит просто растаял от прикосновения чудовища.

Тварь прошла сквозь щит, словно тот был обыкновенной дверью.

– А теперь мы поиграем.

Лоркан принял оборонительную стойку. Интересно, далеко ли сумела убежать девчонка? Шагов ее он больше не слышал. Она даже не представляла, кто за ними гонится.

Сородичи твари бились в судорогах.

И вновь сюрприз! Они восстанавливались после атаки Лоркана. Их когтистые пальцы обвили рукоятки ножей и вытащили из лбов. Их кости были крепче металла.

Только тот, в кого Лоркан бросил топор, лежал на земле. Голова чудовища держалась на нескольких жилках. Похоже, Лоркан его обезглавил... если и здесь не случится какой-нибудь странности.

Расплавивший магический щит довольно ухмылялся.

– Кто вы такие? – угрюмо спросил Лоркан.

Раны на лбах почти затянулись. Оба чудовища угрожающе пятались на Лоркана.

– Мы – охотники его темного величества, – отвесив шутовской поклон, представился их главарь. – Звать нас илки. Мы посланы за добычей.

Уж не ведьмы ли направили илков по его следу? Трусихи! Не решились сами пуститься в погоню.

Главарь илков шагнул к Лоркану. Задние лапы у него были выгнуты назад.

– Мы намеревались подарить тебе быструю смерть.

Ноздри на морде главаря раздулись, приносясь к лесу.

– Но поскольку ты встал между нами и нашей добычей... мы насладимся твоей долгой, мучительной смертью.

Значит, их цель – не он. Илки и ведьмы, все эти дни летавшие над лесом на драконах, искали не его. Те и другие понятия не имели, кто он и что с собой несет.

– Что вам понадобилось от этой девчонки? – спросил Лоркан, следя за приближением трех илков.

– Тебя это не касается.

– Если за поимку положена награда, я вам помогу.

В темных пустых глазах илков что-то мелькнуло.

– Разве ты не защищаешь эту девчонку?

Лоркан пожал плечами, моля богов, чтобы только илки не заподозрили его двойную игру. Этим он надеялся выиграть время для нее и для себя. Он должен разгадать загадку их странной силы.

– Я даже имени ее не знаю.

Илки переглянулись, не зная, верить ли его словам.

– Она очень нужна нашему королю, – сообщил главарь. – Поймаешь ее, и король дарует тебе силу, какая тебе и не снилась. А сейчас, судя по твоим хлипким щитам, ее у тебя не слишком-то много.

Лоркан почти не сомневался: эти четверо когда-то были людьми. Потом их купили, посулив магию, которой в этом мире ничто и никто не может противостоять. А может, их и не покупали вовсе? Похитили души – и все.

– Что важного ваш король нашел в этой заурядной девчонке?

Илки подошли к нему достаточно близко. Наверное, и они тянули время, чтобы пополнить запасы своей странной магической силы. Иначе вместо разговора с Лорканом они бы попросту его расплавили.

– Она – воровка и убийца, – сказал главарь илков. – Она должна предстать перед нашим королем для суда.

Лоркан мог поклясться, что в этот момент невидимая рука коснулась его плеча.

Знакомое прикосновение, которому он доверял всю жизнь. Невидимая рука не раз уберегала его от гибели. Прикосновение к спине означало другое: возможность беспрепят-

ственно бросаться на врагов, убивать и сеять смерть. Но его тронули за плечо. Это был призыв спастись бегством. Сражение с илками предвещало гибель. Убежав, он спасет свою жизнь. Возможно, не только свою.

Главарь илков снова улыбнулся. В лесном сумраке сверкнули его зубы.

Словно в ответ на мысли Лоркана, сзади раздался крик.

Глава 10

Перед Элидой Лошэн стояло существо, порожденное кошмарами кого-то из темных богов.

Чуть ли не втрое выше ее. Когти лап глубоко вонзались в лесную подстилку.

– Вот ты где, – прошипела тварь, обнажая острые зубы. – Идем со мной, девонька, и я дарю тебе быструю смерть.

Вранье. Элида видела, как тварь пожирала ее глазами, словно предвкушая, как вопьется в ее нежный живот. Это исчадие появилось перед нею внезапно. Элиде казалось, что тварь выскочила из черного облака. Испуганный крик Элиды вызвал у чудовища смех. Она подняла дрожащую руку с кинжалом.

Тварь с острыми зубами стояла, как стоят люди, и говорила вполне человеческим языком. А глаза... Совершенно пустые, бездушные, но... по внешнему виду – человеческие. Чей чудовищный ум мог породить такую жуть?

Она знала ответ.

Элида отчаянно нуждалась в помощи. Но воин, встретившийся ей у ручья, возможно, был уже мертв. Сородичи этой твари растерзали его своими страшными когтями. Он пытался отбиться магией, но магия его явно не спасла.

Чудовище направилось к Элиде. У него были сильные мускулистые ноги. Элида попятилась, хотя и понимала: от него за деревьями не спрячешься.

– А кровь у тебя, девонька, такая же сладкая, как твое личико? – спросило чудовище, высовывая сероватый язык.

«Думай, думай, думай».

Что бы сделала Манона, столкнувшись с такой тварью?

У Маноны есть железные ногти и железные зубы.

«И у тебя тоже, – прошептал ей на ухо тихий голосок. – Воспользуйся тем, чем располагаешь».

Оружие не обязательно должно быть железным или стальным.

У Элиды дрожали колени, но она вскинула голову, встретившись с черными человеческими глазами чудовища.

– Советую быть осторожным, – произнесла она, подражая интонациям Маноны.

Элида хорошо помнила мягкий, мурлычущий голос ведьмы, способный до смерти напугать любого. Элида полезла в карман доспехов, вытащила обломок камня, зажала в кулаке и пожелала, чтобы эта поляна и окружающий мир наполнились сверхъестественной силой. Только бы чудовище не взглянуло на ее руку и не спросило, что она там прячет.

– Думаешь, темный король обрадуется, если ты причинишь мне вред?

Она не могла смотреть сверху вниз на тварь, бывшую значительно выше ростом. Но она могла придать лицу дерзкое, рассерженное выражение.

– Меня отправили на поиски опасной преступницы. Не смей мешать моим поискам.

Чудовище, кажется, узнало кожаные доспехи. И вроде бы учуяло странный, нездешний запах, окружающий камень.

Слова Элиды привели тварь в некоторое замешательство.

– Убирайся с глаз моих долой, – потребовала она, сохраняя на лице маску холодного недовольства.

Элида боялась, что ее сейчас вытошнит, но пошла навстречу чудовищу. Навстречу верной смерти. Она старалась подражать походке Маноны, двигаясь неслышно, крадучись. Все это время Элида безотрывно смотрела на отвратительную морду чудовища, чем-то напоминавшую морду летучей мыши.

– И собратьям своим скажи: если еще раз посмеете вмешаться, я лично буду руководить удовольствиями, которые вы получаете в подземелье Мората, когда вас раскладывают на столах.

В глазах чудовища все еще мелькало сомнение, но теперь там появился и неподдельный страх. Эти выражения Элида почерпнула из подслушанных разговоров. Ей даже не хотелось задумываться об ужасах подземелий Мората, но ее слова попали в цель. Чудовище, превосходившее ее размерами и силой, при упоминании о подземельях задрожало.

Элида остановилась в пяти шагах от чудовища. Она прекрасно понимала, насколько беззащитна перед его когтями и зубами.

– А почему наше появление обратило тебя в бегство?

Элида нарочно повернулась к нему спиной, ответив холодным, властным голосом Маноны Черноклювой:

– Терпеть не могу, когда разные мелкие сошки задают мне вопросы. Достаточно того, что вы уже задержали меня. Из-за вашего идиотского нападения я повредила ногу. Моли богов, чтобы по возвращении в крепость я не вспомнила твою морду.

Элида сразу поняла свою ошибку. Нельзя было говорить про ногу. Но теперь уже поздно. Элида пошла прочь, стараясь не слишком хромать. Чудовище за спиной что-то шипело. Элида шла не останавливаясь.

– Какое совпадение, – услышала она. – Цель наших поисков тоже хромая.

«Аннеит, спаси меня». Быть может, эта тварь вообще не видела ее хромоты, пока она сама не проболталась. Какая же она дура!

Бежать ей сейчас ни в коем случае нельзя. Это сразу ее выдаст с головой, и тогда чудовище поймет, кто она на самом деле. Элида остановилась, всем видом показывая, что у нее лопнуло терпение:

– Что ты шипишь у меня за спиной?

Полная уверенность в себе. Гнев, прорвавшийся наружу. Ни капли растерянности.

И снова чудовище замерло в нерешительности. Это был единственный шанс. Вскоре тварь обнаружит обман.

Элида выдержала его взгляд. Ей казалось, она смотрит в глаза мертвой змеи. Она вспомнила убийственное спокойствие, с каким говорили ведьмы.

– Не заставляй меня выпускать наружу то, что его темное величество вложил в меня на столе.

Будто в ответ на ее слова, камень у нее в руке задрожал. В глазах мелькнула темнота.

Чудовище вздрогнуло и попятилось.

Элида в последний раз наградила противника сердитым взглядом и удалилась.

Она прошла около четверти лиги, прежде чем лес снова наполнился жизнью. Тогда Элида повалилась на колени, и ее начало тошнить. Пустой желудок мог исторгать лишь желчь и воду. Очищая свои внутренности, Элида избавлялась и от недавнего страха. Она чувствовала облегчение и на время забыла о бдительности.

Об этом ей напомнила чья-то широкая рука, надавившая на плечо.

Элида выхватила кинжал. Былой страх вернулся, сковав ее движения. Давящая рука исчезла. Кинжал упал в траву. На Элиду смотрело густо запачканное лицо воина, которого она встретила у ручья. Но перепачкался он не в земле. Это была зловонная черная кровь.

– Как тебе...

Она попятилась, не договорив.

– Ты первая! – прорычал воин и резко повернул голову назад, всматриваясь в лес.

Элида тоже всмотрелась, но не увидела ничего пугающего. Она снова повернулась к воину и вдруг увидела меч, застывший возле ее горла. Элида попыталась вывернуться, однако воин схватил ее за руку. Острие меча впивалось ей в кожу.

– Почему ты пахнешь, как они? – допытывался ее свирепый спутник. – Почему они тебя преследуют?

Жаль, что она уже спрятала камень, а то можно было бы ему показать. Может, достать? А вдруг он не так поймет ее движение и ударит мечом? Следом тихий голос прошептал Элиде: камень лучше не показывать.

Она решила открыть незнакомцу часть правды:

– Я несколько месяцев жила в Морате. Ко мне пристал их запах. А ищут меня они потому, что я сумела оттуда убежать. Я бегу на север, где безопасно.

Воин убрал меч, но Элида не успела и глазом моргнуть, как лезвие царапнуло ее по руке. Боли она почти не ощутила.

Они оба смотрели на выступившую кровь. Красные капельки падали в траву.

Кажется, этого ему было достаточно.

– Можешь звать меня Лорканом, – представился воин, хотя она не спрашивала его имени.

Произнеся эти слова, он взвалил Элиду на плечо, точно мешок, и побежал. А Элида за считанные мгновения поняла следующее.

Первое: оставшиеся чудовища, сколько бы их ни было, поняли ее обман и снова пустились в погоню.

И второе: этот человек, несшийся со скоростью ветра, был полуфэйцем.

Глотая жаркий, душный воздух, Лоркан бежал без остановки. За все лиги пути девчонка у него на плече даже не пикнула. По сравнению с тяжелыми мешками, которые он носил через горные перевалы, она была почти невесомой.

Через какое-то время он почувствовал, что начинает уставать, и снизил скорость. Изрядную часть своей магической силы он растратил на тех трех чудовищ. Тот, кто их создавал, наделил их устойчивостью к нападениям извне, но Лоркан оказался проворнее. Он убил двух, а третьего пригвоздил к земле, лишив возможности броситься в погоню.

Лоркан считал, что ему повезло. А девчонка оказалась смысленной.

Он бежал все медленнее, пока не остановился, довольно бесцеремонно сбросив свой живой груз. Девчонка поморщилась, прыгая на увечной ноге. Итак, кровь у нее настоящая, красная. Значит, никто из валгских демонов ею не управляет. Но тогда как ей удалось утихомирить здоровенного иллка?

– Куда мы? – спросила девчонка.

Она развязала мешок, достала фляжку. Он ждал слез, ждал, что она начнет воздевать руки к нему и о чем-нибудь просить. Но она лишь отвинтила колпачок фляжки, обтянутой кожей, сделала несколько больших глотков. Потом, к удивлению Лоркана, протянула фляжку ему.

Он отказался. Тогда девчонка снова приложилась к воде.

– Я держу путь к выходу из леса – к реке Акант.

– А где мы сейчас?

Ее замешательство многое сказало Лоркану. Видно, девчонка соображала, насколько выдает себя этим вопросом. И в то же время ей отчаянно хотелось получить ответ.

– Как тебя звать?

– Маурина.

Она умела выдерживать пристальные взгляды. Странная девчонка. Что ж, ответ за ответ.

– Мы сейчас в самой середине Адарлана. А ты была в одном дне пути от реки Авери.

Маурина растерянно заморгала. Может, она уже видела эту реку или слышала, насколько та широкая? Теперь, поди, думает, как станет переправляться.

– Ты собираешься бежать дальше или я могу немного посидеть? – спросила она. Лоркан прислушался к звукам леса. Вроде никакой опасности.

– Можешь отдохнуть.

Маурина во вздохом уселась на мох.

– Я думала, все фэйцы вымерли. И полукровки тоже.

– Я не отсюда. С Вендалина. А ты, значит, из Мората?

– Нет. Я оттуда сбежала.

– Почему? Как тебе удалось?

Девчонка прищурилась. Видно, поняла, что даже ее красная кровь не до конца убедила Лоркана. Он ждал ответа, но Маурина зачем-то стала развязывать шнуровку сапога. У нее слегка дрожали пальцы, но она справилась со шнуровкой, стянула сапог, затем носок и завернула кожаную штанину.

Лоркан поморщился. За свою жизнь он пересмотрел достаточно покалеченных тел и немало покалечил сам. Но ему редко приходилось видеть раны, которые даже не пытались лечить. Нога Маурины была сплошь в рубцах, покрывающих вывернутые кости. Поверх изуродованной лодыжки виднелись раны, не успевшие до конца затянуться. Он сразу понял, откуда они. Это были следы кандалов.

– Те, кто в Морате, – они здоровые и сильные, – тихо сказала Маурина. – Их темная магия может исцелить любое увечье. Да у них и увечий не бывает.

Вот почему хромота не слишком ей досаждала. Судя по цвету рубцов, несчастье случилось с нею давно, и за годы она научилась жить с покалеченной ногой.

Маурина опустила штанину, но сапог обувать не стала, а принялась растирать ногу.

Лоркан уселся на бревно, предварительно сняв мешок.

– Расскажи мне про Морат, – попросил он, протягивая девчонке жестянку с мазью, привезенную из далекой Доранеллы.

Маурина разглядывала жестянку, вспоминая, кто он и откуда, а также прикидывая содержимое баночки. Затем понюхала мазь и молча кивнула. Это было сделкой: сведения в обмен на избавление от боли. Маурина открыла крышку и вдохнула терпкий запах трав. Лоркану казалось, что она вот-вот лизнет мазь, как лакомство.

Она втирала мазь в свои давние увечья. По ее лицу пробегала то гримаса боли, то довольная улыбка. Потом она заговорила.

Рассказала про воздушную армию Железнодорожных ведьм, про главнокомандующую и отряд Тринадцати. Про военные лагеря вокруг горной крепости, про места, откуда постоянно слышались жуткие крики, про сотни кузниц, где кузнецы без устали ковали оружие и доспехи. Покончив с описанием Мората, перешла к обстоятельствам своего побега. В крепости вдруг произошел взрыв. О причинах взрыва она, конечно же, ничего не знала, но сразу подумала, что судьба дает ей возможность убежать. Она переделась в доспехи какой-то ведьмы, схватила заплечный мешок и выскользнула из крепостных ворот. Паника тогда была такая, что ее исчезновения не заметили.

– Я в пути почти месяц, – сообщила Маурина. – А получается, едва прошла половину.

– А куда ты направляешься?

– В Террасен. – Девчонка кивком указала туда, где, по ее мнению, находился север. Лоркан удержался, чтобы не хмыкнуть:

– Ты немного потеряла.

– Ты что-то знаешь про Террасен? – с тревогой спросила она.

– Нет, – пожал плечами Лоркан.

Маурина закончила возиться с ногой.

– А зачем тебе в Террасен? У тебя там родня?

Лоркан не спросил, почему она очутилась в Морате. Не очень-то и хотелось слушать ее печальную историю. У всех свои горести.

Лицо девчонки стало серьезным.

– Я в долгу перед подругой. Она помогла мне выбраться из Мората. Она меня очень просила разыскать Селену Сардотин. Это моя первая задача: узнать, кто такая Селена и где находится. А потом я отправлюсь в Террасен. Он кажется мне более подходящим местом, чем Адарлан.

Чувствовалось, Маурина не врет и не лукавит. Судьба по чистой случайности свела Лоркана с этой девчонкой.

– А после... – глаза Маурины вспыхнули, – мне нужно найти Аэлину Галатинию, королеву Террасена.

Лоркан едва удержался, чтобы не схватиться за меч:

– Зачем?

Маурина встрепенулась. Казалось, она забыла о его присутствии.

– Я слышала, она собирает армию, чтобы противостоять самому главному в Морате. Хочу предложить ей свои услуги.

– Зачем? – повторил вопрос Лоркан.

В уме этой девчонке не откажешь. Ведь сумела же она не угодить илку в лапы. Но какие услуги она может оказать своей суке-королеве?

Маурина поджала пухлые губы, решая, говорить или нет.

– Потому что я родом из Террасена. Я много лет считала мою королеву погибшей. Но оказалось, она жива и готовится к войне. Буду сражаться вместе с ней, чтобы больше никого не забирали из дому и не увозили в Морат, обрекая на забвение.

Лоркан подумывал, не сказать ли ей, что ее задача вдвое легче, поскольку достаточно найти одну Аэлину. Но тогда на него обрушится шквал вопросов, а он не был настроен отвечать.

– А тебе зачем нужно в Морат? – спросила Маурина. – Оттуда все бегут.

– Меня туда послала моя госпожа – остановить угрозу. Эта угроза тебе хорошо знакома.

– Но ты всего один, хотя и мужчина.

Она не хотела задеть Лоркана, и тем не менее он поморщился.

– У тебя свои способности, у меня – свои, – сухо ответил Лоркан.

Маурина взглянула на его руки, покрытые коркой запекшейся черной крови. Догадывалась ли она, какая магическая сила способна бурлить в этих руках?

Лоркан ждал новых вопросов, но Маурина надела носок и сунула ногу в сапог.

– Нам нельзя долго отдыхать, – сказала она.

Лоркан был того же мнения.

Маурина поднялась, сделала пару шагов и довольно улыбнулась. Потом нагнулась за баночкой. Растрепавшаяся коса почти закрывала ей лицо.

– А когда мы доберемся до Аканта, что дальше? – спросила она, возвращая Лоркану мазь.

– По равнинам ездят торговые караваны, – начал он, пряча мазь в карман плаща. – И разных странствующих лицедеев полно. Мне их по пути сюда попало достаточно. Кому-то нужно переправляться через реку. Мы незаметно примкнем к одному из таких и переправимся на другой берег. А потом, среди равнин, наши пути разойдутся: ты отправишься дальше на север, я – на юг.

Маурина прищурилась и задала вполне резонный вопрос:

– Зачем тебе вообще идти со мной? Потом обратно возвращаться.

– Я почти ничего не знаю про Морат, а ты знаешь очень много. Я хочу узнать все подробности. Пока мы странствуем вдвоем, я буду оберегать тебя от опасностей. За это ты расскажешь мне все, что знаешь. Каждую мелочь.

Солнце клонилось к закату, окрашивая лес в золотистые тона. Услышав предложение Лоркана, Маурина чуть наморщила лоб:

– Ты клянешься? Клянешься меня оберегать?

– Я же не отдал тебя сегодня на растерзание илкам?

Маурина смотрела на него с ошеломляющей искренностью. Лоркану даже стало не по себе.

– Поклянись, – сказала она.

– Обещаю, – проговорил Лоркан.

Девчонка и понятия не имела, что вот уже пять веков обещания были его единственным средством расчетов.

– Пока мы вместе, я тебя не брошу, – добавил он.

Похоже, этого девчонке было достаточно.

– Тогда я расскажу тебе, что знаю.

Лоркан закинул мешок за плечи и повернулся к востоку.

– Нам нельзя туда идти, – вдруг сказала Маурина. – Они будут караулить нас на каждом перекрестке. Обыскивать все повозки. Уж если они нашли меня здесь, на большой дороге и подавно найдут.

Лоркан подумал, что опасность грозит и ему, если ведьмы не прекратили охоты за ним.

– И ты можешь что-то предложить?

Девчонка слегка улыбнулась. Невзирая на сегодняшние события и все тяготы ее скитаний по лесу, она не разучилась улыбаться.

– Попробую, – сказала Маурина.

Глава 11

Манона Черноклювая приземлилась в Морате, обуреваемая желанием резать глотки.

Дела пошли хуже некуда.

Все без исключения.

Манона прикончила ту Желтоногую суку вместе с ее драконом, спасла короля с сапфировыми глазами, затем стала невольной свидетельницей того, как фэйский принц убил еще четырех Желтоногих ведьм.

Итого пять. Пять Желтоногих погибли. Одна – от руки Маноны, остальные – из-за ее бездействия. Все пять были из шабаша Искры.

Манона почти не участвовала в разрушении Рафтхола, оставив это занятие другим. Но она снова надела свой шлем, похожий на корону, затем велела Аброхасу подняться на самую высокую башню каменного замка, чтобы возвестить оттуда о победе и окончании боевых действий.

И везде, где бы ни находились драконы, они подчинились приказу Аброхаса. Бойня прекратилась. Ни один шабаш не посмел перечить главнокомандующей.

Вскоре вокруг нее собрались ведьмы отряда Тринадцати. Манона и словом не обмолвилась о происшедшем, однако Соррель и Астерина очень внимательно глядели на нее. Первая – из-за необходимости проверить, не пострадала ли Манона во время «нападения», о котором она вскользь сообщила ведьмам. Вторая – из-за того, что не так уж давно они с Маноной летали в Рафтхол и оставили для королевы Террасена послание, написанное валгской кровью.

Ведьмы расположились на башнях замка, разлегшись там, словно кошки или змеи. Манона ждала появления Искры Желтоногой.

В сопровождении Астерины и Соррели, со шлемом в руке шагая по сумрачным, зловонным коридорам Мората, Манона снова вспоминала разговор с наследницей Желтоногих.

Искара опустила на участок крыши под башней Маноны – единственное свободное место. Конечно же, она сразу поняла, что оно оставлено ей намеренно.

Обычно Искара заплетала свои каштановые волосы в тугую косу, но сейчас они превратились в копну. Ее надменное лицо было забрызгано человеческой кровью.

– Это была моя победа, – прошипела Искара.

Манона, чье лицо скрывалось в тени шлема, спокойно возразила:

– Этот город – мой.

– Брать Рафтхол было приказано мне. Тебе предписывалось только наблюдать.

Блеснули железные зубы. Астерина справа от Маноны предостерегающе зарычала. Темные глаза Искры метнули в нее ненавидящий взгляд.

– Убирай своих сук из моего города, – потребовала Искара.

Манона смерила взглядом Фендира – дракона Искры.

– Ты здесь и так достаточно наследила. Твоя работа будет отмечена.

Искару трясло от ярости, однако ярость была вызвана отнюдь не словами Маноны.

Переменившийся ветер донес до ноздрей Искры запах Маноны.

– Кого? – взвилась Искара. – Кого из моих ты убила?

Манона не дрогнула. Ни капли сожаления. Ни следа беспокойства.

– С чего это я должна помнить имена твоих ведьм? Она напала на меня, когда я собиралась захватить адарланского короля. Я приказала ей отступить, а она словно забыла, что перед нею – наследница клана Черноклювых и главнокомандующая. Она заслуживала наказания. Пока я препиралась с нею, самой главной добычей удалось сбежать.

Это было вранье. Наглое, бесстыжее вранье.

Манона оскалила железные зубы, помня, что из-под шлема виден только ее рот.

– В замке лежат тела еще четырех твоих. Их убил фэйский принц, явившийся спасать короля. А я разбиралась с твоей нечестивой сукой и даже не знала, что творится внизу. Считай, Искара Желтоногая, что тебе повезло. Я бы могла заставить тебя отвечать за эти потери.

Смуглое лицо Искры побледнело. Она посмотрела на Манону, затем на всех ведьм отряда Тринадцати.

– Можете делать с этим городом что угодно, – сказала Искара. – Он ваш.

Потом, зловеще улыбнувшись, подняла руку и указала на Манону. Ведьмы отряда Тринадцати напряглись. Каждая молча вложила стрелу в свой лук и направила на наследницу Желтоногих.

– А ты, главнокомандующая... – Искара взялась за поводья, собираясь взлететь. – Ты – лгунья. Истребительница Ведьм – вот ты кто на самом деле.

Искара стремительно поднималась в воздух. Истерзанный Рафтхол ее больше не занимал. Набрав высоту, она повернула на запад. К Морату. Туда, где находилась бабушка Маноны.

Манона остановилась. Это был последний поворот на пути к комнате, где Эраван устраивал собрания. Астерина и Соррель тоже замерли. Манона знала: бабушка, Искара и предводительницы двух других кланов уже там, ждут ее. Несколько кланов выставили своих вторых и третьих заместительниц в караул. Ведьмы подозрительно косились друг на друга. Такие же подозрительные лица были у людей, застывших возле двойных дверей.

– Дерьмо там полетится, только успевай поворачиваться, – сказала своим Манона.

– Нам не привыкать, – тихо ответила Соррель. – Разберемся.

Пальцы Маноны стиснули шлем.

– Если запахнет жареным, берите отряд и улетайте отсюда.

– Манона, ты не можешь войти туда и признать свое поражение, – прошептала Астерина. – До последнего вдоха все отрицай.

Если Соррель и знала, что Манона убила Желтоногую ведьму ради спасения их врага, она не показывала виду.

– Куда мы полетим без тебя? – спросила Астерина.

– Не знаю и знать не хочу, – довольно резко ответила Манона. – Знаю только, что после моей гибели отряд Тринадцати станет желанной мишенью для очень и очень многих.

Список желающих свести с ними счеты окажется невероятно длинным.

– Ты уведешь наших отсюда, – продолжала Манона, выдерживая взгляд своей первой заместительницы. – Любой ценой.

– Мы сделаем так, как ты приказываешь, главнокомандующая, – сказала Соррель.

Манона ждала, что Астерина и сейчас станет возражать. Но темные глаза Астерины вспыхнули. Склонив голову, она пробормотала что-то в знак согласия.

Камень в груди Маноны стал полегче. Она расправила плечи.

– Будь осторожна, – шепнула ей Астерина, стискивая руку.

Манона хотела огрызнуться, сказать, что она не какая-нибудь бесхребетная дура, но... она видела, на какие зверства способна ее бабушка. Свидетельство было рядом – на теле Астерины.

Манона твердо решила: она не войдет в комнату совещаний с виноватыми глазами или с глазами лгуньи. Нет, она повернет все так, что к концу Искара будет ползать и просить у нее прощения.

Вдохнув поглубже, Манона стремительным шагом двинулась к дверям. Полы красного плаща развевались на ходу.

За их приближением следило множество глаз. Иначе и быть не могло.

Манона не удостоила вниманием заместительниц низших рангов, хотя краем глаза отмечала их присутствие. Здесь были две молодые ведьмы из шабаша Искры. Шесть старых из шабашей предводительниц, чьи зубы успела тронуть ржавчина. И...

Еще две молодые караульные с синими плетеными кожаными обручами на лбу.

Значит, Петара Синекровная тоже здесь.

Если предводительницы кланов пришли с наследницами... она тем более не допустит, чтобы в ее сердце шевельнулся страх.

Манона стремительно распахнула двери. Астерина вошла следом за нею. Соррель осталась нести караул в коридоре.

Десять ведьм повернулись к вошедшей. Эравана не было.

В самом центре стояла ее бабушка, но Манона сейчас смотрела не на предводительницу клана Железзубых. Боковым зрением она видела, как Астерина встала к стене, к четырем другим заместительницам этого ранга. Внимание Маноны сосредоточилось на золотоволосой наследнице Синекровных.

На Петаре.

Эту ведьму Манона не видела с памятного дня военных игр, когда спасла Петару от неминуемого падения в пропасть. Вот только спасти жизнь голубой драконихе Петары не удалось – дракон Искры впился ей в горло, что и вызвало падение.

Наследница Синекровных стояла рядом со своей матерью Крессэдой; обе высокие и худощавые. Бледный лоб Крессэды украшала корона из железных звезд. Ее лицо было непроницаемым.

Иным было выражение лица Петары. В ее синих глазах светилось предостережение. Петара была в кожаных доспехах и темно-синем плаще, скрепленном бронзовыми застёжками. На груди подрагивала золотистая коса. Петара всегда была странной, витающей в облаках. Но этим отличались все Синекровные. Каких только прозвищ им не давали! Их называли «фанатичками», «неистовыми», «чокнутыми». Были прозвища и похлеще. И все – из-за трепетного, самозабвенного поклонения Трехликой богине.

Маноне сразу бросились в глаза впалые щеки Петары. Она помнила наследницу Синекровных совсем другой. Ходили слухи, что гибель драконихи надломил Петару и та неделями не вылезала из постели.

Ведьмам было несвойственно скорбеть, ибо они не позволяли себе полюбить настолько, чтобы потери ранили их. Даже если жизнь Астерины, вставшей рядом с заместительницей Крессэды, доказывала обратное.

Петара чуть наклонила подбородок. Это было нечто большее, чем формальное приветствие между наследницами. Жест могли заметить, и Манона поспешила повернуться к бабушке.

Бабушка, как всегда, стояла в своих пышных черных одеждах. Темные волосы были уложены венцом. Примерно так будут выглядеть короны, которые однажды появятся у нее и Маноны, когда они станут... Верховными королевами Западного края. Манона помнила это обещание. Помнила и бабушка, явно готовая ради его исполнения продать всех ведьм, что собрались здесь.

Манона поклонилась бабушке, затем двум другим предводительницам.

Что-то прорычала Искра, стоявшая рядом с Матерью Желтоногих. Та была древней, согбенной старухой. В ее зубах застряли остатки недавней трапезы. Манона холодно взглянула на Искру и снова повернулась к бабушке.

– Три встали вместе, – начала бабушка. Манона одеревенела. – Три предводительницы возносят почести трем ликам нашей Матери.

Три лика: Дева, Мать, Старуха. Потому предводительницы Желтоногих всегда выглядели древними старухами, предводительница Черноклювых всегда оставалась женщиной в

расцвете лет, а Крессэда – предводительница Синекровных – внешне ничем не отличалась от своей дочери.

Но Манону сейчас заботило не это. Ритуал, начатый бабушкой, служил для особых случаев.

– Серп Старухи висит над нами, – подхватила Крессэда. – Да станет он мечом справедливости нашей Матери.

Манону позвали не на собрание. Это было началом суда над нею.

Искара заулыбалась.

Манона чувствовала, как напряглась Астерина. Ее заместительница готовилась к худшему.

– Кровь вызывает к крови, – скрипучим голосом произнесла предводительница Желтоногих. – И нам надлежит решить, сколько крови должно пролиться.

Манона стояла, не шелохнувшись, не позволяя себе выказать ни проблеска страха и трепета.

Суды ведьм были жестокими и короткими. Обычно виновные получали три удара по лицу, под ребра и в живот. Суд с участием трех предводительниц был явлением редким и совершался лишь в случае особо тяжких преступлений.

– Манона Черноклювая, ты обвиняешься в убийстве ведьмы из шабаша Желтоногих, которое было вызвано исключительно твоей взывавшей гордостью и больше ничем, – сказала бабушка.

Глаза Искры вспыхнули в предвкушении расправы.

– Поскольку убитая ведьма была из шабаша наследницы Желтоногих, это убийство является также и преступлением против Искры.

Лицо бабушки напряглось от гнева. Ее возмущало не само убийство, а то, что Манона не сумела его скрыть.

– По твоему недосмотру или из-за скверного управления оборвались жизни четырех ведьм из другого шабаша Желтоногих. Ты замарала руки и их кровью.

Железные зубы бабушки сверкали, отражая пламя свечей.

– Отрицаешь ли ты эти обвинения?

Манона стояла прямая как стрела, глядя в глаза всем трем предводительницам кланов:

– Я не отрицаю убийство ведьмы из шабаша Искры. Я сделала это, когда та попыталась отнять у меня мою законную добычу. Я не отрицаю, что четыре ведьмы из другого шабаша Желтоногих были убиты фэйским принцем. Но я отвергаю обвинение в неправомерных действиях.

– Вы же чувствуете кровь Зелты на ней, – зашипела Искра. – Чувствуете запах страха и боли.

Манона позволила себе усмехнуться:

– Ты чувствуешь ее запах, Желтоногая, потому что твоя подчиненная имела трусливое сердце и посмела напасть не только на соратницу. Она замахнулась на главнокомандующую. Когда же поняла, что ей не выйти победительницей, было слишком поздно.

– Ложь! – выкрикнула Искра, лицо которой превратилось в сплошную гримасу ярости.

– Расскажи нам, наследница Черноклювых, что произошло в Рафтхоле три дня назад, – спокойно предложила Маноне Крессэда.

И Манона стала рассказывать.

Впервые за сто лет ее далеко не счастливой жизни она намеренно лгала своим старейшинам. Она ткала из своей лжи искусную словесную паутину, веря в то, о чем говорит. Закончив, она указала на Искру:

– Все знают, что наследница Желтоногих давно мечтает занять мою должность. Она поспешила сюда с обвинениями в мой адрес, рассчитывая отобрать у меня звание главнокомандующей. Точно так же ее ведьма пыталась отобрать мою законную добычу.

Искара вспыхнула, но смолчала. Неожиданно вперед вышла Петара:

– У меня есть вопросы к наследнице Черноклювых, и я хочу их задать, если вы не сочтете это нарушением правил.

Глядя на бабушку, Манона подумала, что та охотнее бы лишилась своих железных ногтей, чем согласилась на просьбу Петары. Но остальные предводительницы кивнули.

Манона внутренне напряглась, приготовившись к столь неожиданному повороту.

Синие глаза Петары были спокойны.

– Кто я тебе: враг или соперница?

– В нашей общей войне я считаю тебя союзницей, что одновременно не мешает считать тебя и соперницей, – ответила Манона, впервые за время суда сказав правду.

– Однако во время военных игр ты спасла меня от верной смерти. Почему?

Предводительницы молча переглянулись. Лица всех трех были непроницаемы.

– Я сделала это, потому что Килия сражалась за тебя и погибла. Я не могла допустить, чтобы гибель твоей драконихи оказалась напрасной. Моя соратница попала в беду, и я сочла себя обязанной ей помочь.

При имени погибшей драконихи на лице Петары мелькнула боль.

– Ты даже запомнила ее имя?

Манона понимала: этот вопрос Петара задала спонтанно, но она все равно ответила кивком.

Петара повернулась к предводительницам:

– В тот день Искара Желтоногая едва не погубила меня, намеренно натравив своего дракона на мою Килию.

– Кажется, мы с этим уже разбирались, – сверкнула зубами Искара. – И если помнишь, происшествие сочли несчастным случаем.

– Подожди, Искара Желтоногая, – подняла руку Петара. – Я еще не все сказала.

Каждое слово Петары было подобно острому кинжалу. Манона даже ощущала холодность их лезвий и радовалась, что эти кинжалы направлены не на нее.

Искара сообразила, что препирательства сейчас ей только повредят, и замолчала.

– В тот день у Маноны Черноклювой был шанс избавиться от соперницы. От нее требовалось всего лишь не вмешиваться и спокойно позволить мне разбиться о камни ущелья. Ей бы никто и слова не сказал и уж тем более не стал бы судить. Но она рисковала своей жизнью и жизнью дракона, чтобы меня спасти.

Петара считала себя в долгу перед нею. Вот оно что! Может, выступая сейчас в ее защиту, наследница Синекровных отдавала долг? Маноне хотелось усмехнуться, но она сдержалась.

– Я просто не верю, – продолжала Петара, – чтобы Манона, готовая спасти жизнь ведьмы из чужого клана, вдруг решила бы беспричинно оборвать жизнь другой чужой ведьмы. Вы сделали ее главнокомандующей за ее дисциплинированность и жестокость. Я призываю вас не допустить, чтобы гнев Искры Желтоногой затмил те качества, которые вы тогда увидели в Маноне и которых она не утратила до сих пор. Досадное недоразумение не должно лишать воздушную армию своей главнокомандующей.

Петара поклонилась и заняла свое место рядом с матерью. Предводительницы снова переглянулись. Это молчаливое обсуждение продолжалось, пока бабушка Маноны не вышла вперед. Право выносить решение передали ей. У Маноны отлегло от сердца.

Она решила, что подстережет Петару в укромном уголке, когда та будет совсем одна, и выпытает, зачем наследнице Синекровных понадобилось выступить в ее поддержку.

Черные с золотистыми крапинками глаза бабушки смотрели жестко и непреклонно.

– Петара Синекровная сказала правду.

Манона почувствовала, как ослабла туго натянутая невидимая нить, существующая между нею и Астериной.

– И впрямь было бы неразумно лишаться нашей послушной, верной главнокомандующей.

За этим могло последовать наказание, скорее всего лично от бабушки. Маноне было не привыкать. Она и на сей раз выдержит бабушкины кулаки.

– Казалось бы, почему наследница клана Черноклювых должна гибнуть из-за тщеславия рядовой ведьмы? Но дело здесь не только в том, какую должность занимает Манона. Она – наследница клана, которую обвиняет наследница другого клана. Однако никто не посмеет отрицать совершившегося кровопролития. А за кровь должно быть заплачено кровью.

Пальцы Маноны вновь впились в шлем. Увидев это, бабушка улыбнулась одними губами.

– Плата должна быть соразмерной, – нараспев произнесла бабушка, глядя поверх плеча Маноны. – И потому, внучка, тебя не постигнет смерть за содеянное. Твою вину искупит ведьма твоего отряда Тринадцати.

Впервые за все годы и десятилетия Манона ощутила вкус страха и беспомощности, так хорошо знакомых людям. Глаза бабушки светились торжеством.

– Твоя первая заместительница Астерина Черноклювая уплатит наш долг клану Желтоногих. Она умрет завтра, на рассвете.

Глава 12

Теперь, когда с ними не было Венги, Аэлина, Эдион и Лисандра двигались гораздо быстрее. Они спешили к побережью, почти не тратя времени на отдых.

Аэлина не выходила из своего фэйского обличья. Так ей было легче выдерживать скорость Эдиона. Как ни печально, но она заметно уступала двоюродному брату по части верховой езды. Лисандра превращалась в разных птиц и летала над местностью, неся дозор. Рован обучил ее этому искусству, рассказав, на что обращать внимание и от чего держаться подальше. Но полеты Лисандры не выявляли никаких опасностей, да и Аэлина с Эдионом не видели на пути через долины и равнины Террасена ничего угрожающего.

Сейчас мало что напоминало о былом богатстве этих земель.

Глядя на обветшавшие усадьбы и брошенные деревни, Аэлина старалась не особо думать о прошлом. Они ехали налегке и потому время от времени бывали вынуждены заезжать в какое-нибудь селение или город за припасами. Там их встречали жители с изможденными лицами, почти разучившиеся улыбаться. Аэлина считала, что прошла все круги тьмы и вернулась на родину, дабы наполнить Террасен светом, но в мозгу не утихал шепот: «Это дела твоих рук, твоих рук, твоих рук».

Очень часто в неведомом голосе слышались ледяные интонации Велана Дарро.

Везде, где они останавливались, Аэлина расплачивалась золотом. Так было в таверне, где их застала непогода. Под каждой кружкой жидкого чая, поданного ей и Эдиону, она оставила по золотой монете. Несколько монет бросила в короб крестьянина, заплатив за несколько ломтей хлеба и кусочки мяса для Лисандры в обличье ястреба. На постоялом дворе, увидев, с какой жадностью они проглотили еду, хозяин налил им еще по миске, не потребовав денег сверх. Он и не заметил, как Аэлина бросила золотые монеты в карман его фартука.

Но никакое золото не могло снять тяжесть с ее сердца и заставить умолкнуть отвратительный голос, не дававший ей покоя во сне и наяву.

Через неделю, когда они добрались до древнего портового города Илиум, Аэлина прекратила раздавать золото. Это начинало походить на взятки. Не поданным, которые даже не догадывались о ее присутствии, а собственной совести.

Зеленые равнины уступили место каменистому побережью. Морской воды здесь было предостаточно, а пресную приходилось искать. Воздух стал жарче и, как ни странно, суше. Через несколько лиг впереди появились стены города, красиво белевшие над бирюзовыми морскими волнами. Илиум стоял в широком устье реки Флюрин. На ней же находился ее родной Оринф. Илиум был ровесником Террасенского королевства. Когда-то сюда приходили торговые корабли со всей Эрилеи и с других континентов. Если об Илиуме еще помнили, то исключительно благодаря полуразвалившемуся храму в северо-восточной части города. Он не знал недостатка в паломниках.

Храм Камня – так он назывался – был построен на скале, куда ступил Брэннон, высадившись на континент. Потом он отправился вверх по Флюрину и доплыл до его истоков в Оленьих горах. Аэлина могла лишь гадать, откуда Маленький народец знал, как выглядит храм.

Со скалы открывался вид на чистенький городок внизу. Осенью и зимой его частенько трепали бури. Но сейчас морские просторы были вполне спокойными. Далеко на западе бирюзовая вода сливалась с синими небесами. Это напомнило Аэлине безмятежность южных морей.

Если все прошло так, как рассчитывал Рован, они с Дорином сейчас держат путь к южным морям. Об этом Аэлина тоже старалась не задумываться. Без фэйского принца ей было пусто и одиноко.

Жители Илиума были сродни белым скалам своего города – такие же спокойные и молчаливые. Аэлина и Эдион въехали в открытые городские ворота. С виду – обычные, в меру почтительные паломники, направляющиеся к храму. Никто и не догадывался, какой арсенал скрыт у них под плащами. Глубоко надвинутые капюшоны тоже не были лишними, поскольку Илиум до сих пор находился в руках адарланцев.

Лисандра утром облетела город. Вернувшись, ненадолго обрела человеческий облик, чтобы рассказать об увиденном.

Они проехали мимо кучки солдат в адарланских доспехах. Суровые лица караульных даже не задержались на двух конных паломниках. На миг интерес солдат вызвал лишь остроклювый ястреб на плече Аэлины. Никто не заметил ни щита, ни мечей, спрятанных между сумками с поклажей. Как и во все недели пути, ножны с Дамарисом были втиснуты между тяжелыми мешками с древними книгами заклинаний, которые Аэлина в свое время «позаимствовала» из королевской библиотеки Дорина.

– Нам стоило ехать не сюда, а севернее, в Элдрис, – вполголоса произнес Эдион. – Еще не поздно повернуть.

Аэлина сердито зыркнула на него из-под капюшона:

– Никак ты подумал, что я оставлю этот город в руках адарланцев? Если подумал, можешь отправляться в преисподнюю.

Лисандра громко щелкнула клювом в знак согласия.

Маленький народец не напрасно подсказал им направление. Уж какой бы магией ни обладали эти лесные обитатели, однако узнавали о событиях гораздо раньше людей. От путников Аэлина слышала то, что уже знала: Рафтхол пал, молодой король исчез неизвестно куда, а сам город существенно пострадал от ведьм. Адарланские солдаты появились в Илиуме сравнительно недавно. По Террасену (и не только) распространился слух, что новоявленная королева передумала сражаться за трон и тоже сбежала. Это придало смелости правителю адарланского города Меа – отцу Рулана Хавильяра, что был Дорину двоюродным братом. Он двинул своих солдат на север, пересек пределы Террасена и объявил, что отныне Илиум и гавань находятся под его властью.

– Адарланских солдат в городе не менее полусотни, – предостерег Аэлину и Лисандру Эдион.

Лисандра взъерошила перья. «Ну и что такого?» – означал ее жест.

Эдион стиснул зубы:

– Верьте мне обе, я бы тоже не прочь изрубить их на кусочки. Но...

– Я не собираюсь прятаться у себя в королевстве, – перебила его Аэлина. – И отсюда я не уеду, не решив вопрос, кому на самом деле принадлежит эта земля.

Эдион умолк. Они завернули за угол и направились к небольшой прибрежной гостинице, которую Лисандра заметила с воздуха. Храм находился в противоположном конце города.

У адарланских солдат хватило наглости превратить храм в казарму.

– Это будет посланием Адарлану или Дарро? – наконец спросил Эдион.

– Речь не о посланиях, а об освобождении моего народа, которому пришлось слишком долго терпеть это адарланское дерьмо, – огрызнулась Аэлина.

Резко натянув поводья, она остановила лошадь перед гостиничным двором. Лисандра впилась ей когтями в плечо, вновь показывая свою поддержку. За обветшавшими стенами двора блестело море, успевшее стать сапфирово-синим.

– Мы выступим, как только стемнеет, – заявила Аэлина.

Эдион молчал. Даже когда появился хозяин гостиницы и пригласил их внутрь, его лицо оставалось скрытым под капюшоном. Аэлина тоже молчала, пытаясь совладать со своей магической силой. Сегодня она не потратила ни капли, приберегая запасы для вечернего нападения. Но сила требовала выхода. Она сказывалась странным зудом во всем теле, который не уймешь простым почесыванием.

Продолжая разыгрывать небогатых паломников, они наняли скромную комнатку с двумя кроватями. Только оказавшись там и закрыв дверь, Эдион нарушил молчание:

– Аэлина, ты же знаешь, я тебе во всем помогу. Я сам хочу, чтобы адарланской солдатни здесь не было. Но жители Илиума еще много веков назад поняли одну простую вещь: когда начинается война, портовые города первыми подвергаются нападению.

О том, что изгнанные солдаты легко могут вернуться, он говорить не стал. Это и так было понятно.

Лисандра, сидевшая на оконном козырьке, тихо клюнула в стекло. Аэлина распахнула окно. Вместе с ястребом в комнату влетел морской ветер.

– Символы обладают силой, – сказала Аэлина, глядя на распушившую перья Лисандру.

Сказанное не было лишь красивой фразой. Аэлина убедилась в этом, перевероротив множество книг королевской библиотеки. Она ходила туда ночами, поскольку днем готовилась к нелепому состязанию за звание королевского защитника.

– Можешь мне верить, я тоже это знаю, – усмехнулся Эдион. – И всегда пользовался силой символов. – И постучал по костяному эфесу Меча Оринфа. – Я ведь то же самое когда-то говорил Дорину и Шаолу.

Эдион мотнул головой, вспомнив не такое уж далекое прошлое.

– Илиум долгое время был оплотом микенианцев, – сказала Аэлина, упираясь спиной в подоконник.

– Микенианцы – не более чем миф. Их еще триста лет назад вытурили отсюда. Они в качестве символа не годятся. Не то время. И потом, они очень неуживчивый народ. Тебе такое не подойдет.

Эдион был прав. Микенианцы действительно когда-то правили Илиумом, но не как родовая знать, а как главари разбойничьих шаек. У них был превосходно вооруженный флот, наводивший ужас на противников. Тогдашние террасенские короли очень нуждались в помощи микенианцев и потому терпели их и даже признавали законным их правление. Потом началась очередная война, в которой микенианцы отказались помочь Террасену. И тогда их попросту выгнали из Илиума.

Аэлина поймала на себе взгляд зеленых глаз Лисандры. Ястреб опустил крылья, наслаждаясь прохладным ветром. Всю эту неделю Лисандра держалась особняком, предпочитая птичий облик звериному или человеческому. Аэлина догадывалась о причинах. Часть сердца Лисандры нынче ехала в Террасен с Венгой, Реном и Муртагом.

– Изгнание микенианцев – это одна из версий. – Аэлина погладила ястребиную голову. – По другой, они сами покинули Террасен, не желая гибнуть на войне, в которую не верили.

– Ты хочешь сказать, они распустили свои отряды и вскоре бесследно исчезли, – парировал Эдион. – Почему ты вообще о них вспомнила? Думаешь, освобождение Илиума вернет их? Нет, Аэлина, они давно ушли вместе со своими морскими драконами.

В нынешнем Илиуме ничто не напоминало о легендарном флоте и воинах, проливавших свою кровь и кровь морских драконов. Те были союзниками и оружием микенианцев. Только когда умер последний дракон, не вынесший изгнания из террасенских вод, микенианцы окончательно покинули эти края. И только когда морские драконы сюда вернутся, вслед за ними вернутся и микенианцы. Так гласило древнее пророчество.

Эдион доставал из седельных сумок кинжалы и вешал на пояс. Дамарис он трогать не стал. Прикрепив подаренный Рованом нож, Эдион проверил надежность крепления, затем повернулся к Аэлине и Лисандре:

– Вы обе думаете, что мужчины обожают воевать и очертя голову бросаются в любую схватку. Да, есть и такие. Но я – не солдат, а генерал. Террасенский генерал, привыкший готовить и обдумывать каждое сражение. Нам нужно создать настоящую армию, а не тратить время на погоню за призраками. Если к середине осени у нас не будет крепкой боеспособной армии, которую можно двинуть против Эравана, зимние бури на несколько месяцев запрут ее в Террасене. Путь ей будет закрыт и по суше, и по морю.

– Что ж, Эдион, если ты так много знаешь о символах, обладающих силой, тогда тебе понятна роль Илиума, – сказала Аэлина. – Этот город жизненно важен для нас. Мы не можем позволить Адарлану удерживать его. По многим причинам.

Она не сомневалась, что брат все их уже просчитал.

– Хорошо, выгоняй адарланцев из города, – согласился Эдион. – Но с рассветом мы должны уплыть отсюда.

Увидев, как сощурилась Аэлина, он спросил:

– Тебя заботит храм? Не можешь смириться, что они захватили его вместе с городом?

– Храм – символ моего законного права на власть. Я не могу допустить, чтобы осквернение святыни сошло им с рук.

Аэлина сердито расправила плечи. Было непривычно раскрывать свои замыслы и что-то объяснять... К этому надо привыкнуть. Но ведь она обещала быть... менее скрытной. По крайней мере сейчас, когда особой секретности не требовалось.

– Это будет послание Адарлану и Дарро. Пусть не думают, что я отказалась от своего права на трон.

Эдион задумался над ее словами, потом хмыкнул:

– Королева не только по праву крови, но и овеванная легендами. А знаешь... никто не оспорил бы твоего права на трон, если бы тебе удалось найти «королевское пламя».

– Жаль, что Лисандра умеет превращаться сама, но не может превращать одни вещи в другие, – в тон брату произнесла Аэлина.

Лисандра щелкнула клювом и распушила перья.

– Говорят, этот цветок однажды расцвел во время правления Орлона, – сказал Эдион. – Всего один во всем Задубелом лесу.

– Я знаю, – тихо отозвалась Аэлина. – Дядя поместил его в стеклянный сосуд и держал у себя на столе.

Она и сейчас помнила этот красно-оранжевый цветок, не отличающийся особой красотой. Но от него исходила особая сила, и у Аэлины всякий раз перехватывало дыхание, когда она бывала в кабинете дяди и видела сосуд с «королевским пламенем». В день, когда Брэннон ступил на землю Террасена, этими цветами покрылись поля и склоны гор. Потом «королевское пламя» исчезло. В последующие века удавалось находить лишь по одному цветку. Когда это случалось, говорили, что нынешний король благословлен богами, а его королевство пребывает в мире.

«Королевское пламя» нашли во второе десятилетие правления Орлона, через девяносто пять лет после предыдущего.

– Неужели Адарлан...

Она не договорила, поперхнувшись.

– Нет. Сосуд забрал Дарро, – сказал Эдион. – Единственное, что он сумел взять прежде, чем адарланские солдаты заняли дворец.

Аэлина обрадованно кивнула. Ее магия тут же отозвалась легкой вспышкой. Даже Меч Оринфа побывал в адарланском плену, пока Эдион не получил его назад. Пожалуй, ее брат

острее многих других чувствовал и понимал, какая сила может быть заключена всего в одном символе. Если утрата символа может подорвать дух армии и народа, его обретение вселяет надежду и дает силы.

Довольно ее королевству изнемогать от разрушений и боли.

– Идемте. – Аэлина направилась к двери. – Прежде чем устраивать адарланцам ад, нам не мешает поесть.

Глава 13

Дорин не помнил, когда в последний раз он видел такое обилие звезд.

Далеко позади в небо еще поднимался дым, освещаемый холодным узким месяцем. Хорошо, что они больше не слышали ни криков, ни хлопанья могучих крыльев.

Они плыли в одномачтовом ялике. Принц Рован из клана Боярышника сидел за спиной Дорина, поглядывая на черную гладь ночного неба. Магия Рована несла их суденышко на юг, к Мертвым островам. Фэйский воин на удивление быстро раздобыл этот ялик. Точнее, попросту украл, пока владелец глазел на терзаемый ведьмами и драконами Рафтхол. Все это время Дорин молчал, сознавая собственную никчемность. Враги уничтожали его город, убивали его подданных, а он...

– Тебе надо поесть, – сказал Рован.

Дорин мельком взглянул на мешок со съестными припасами, также украденный Рованом. Хлеб, сыр, яблоки, сушеная рыба... Дорина замутило.

– Ты укололся о ядовитый шип.

Голос Рована был не громче плеска волн. Ветер его магии надувал парус, уверенно толкая судно вперед.

– Ты здорово истощил свои магические силы, сражаясь с ядом и потом, когда мы выбирались из замка. Тебе обязательно надо поесть, иначе ты их не восполнишь... Разве Аэлина не предупреждала тебя об этом?

Дорин проглотил горьковатую слюну:

– Нет. У нее и времени не было учить меня пользоваться магической силой.

Он повернулся к Ровану, одной рукой держащему руль. Дорин познакомился с фэйцем несколько месяцев назад, но все еще не мог привыкнуть к заостренным ушам. И к этим серебристым волосам.

Они не были похожи на волосы Маноны. Те напоминали снег, залитый лунным светом.

Где-то сейчас главнокомандующая, пошедшая ради него на убийство? А его она пощадила. Нет, не пощадила. Спасла.

Дорин не был глупцом. Он понимал: Манона сделала это не ради него. Она поступила так, как ей было выгодно. Она была для Дорина чужой; еще более чужой, чем воин, сидящий с ним в ялике.

И эта ее тьма, жестокость, этот ее предельно честный взгляд на мир... От такой ничего не утаишь. Такой не соврешь.

– Тебе необходимо есть, чтобы накапливать силу, – продолжал Рован. – Магия питается твоей телесной силой. Питается тобой. Чем лучше ты отдохнул, тем больше в тебе силы и, что важнее, тем больше твоя власть над этой силой. Магическая сила имеет странную особенность: она часть тебя и в то же время – нечто существующее само по себе. Если ею не управлять, она станет управлять тобой. Она поглотит тебя и сделает своим орудием.

Рован улыбнулся, блеснув ослепительно-белыми зубами:

– Одна известная нам особа любит сбрасывать излишки силы, устраивая разные фокусы. Это позволяет ей держать в узде основную часть.

Дорин чувствовал, что взгляд Рована вдавликает его в сиденье.

– Естественно, тебе решать, сколько магической силы допускать в свою жизнь и как ею распоряжаться. Но учти, король: если ты не научишься управлять собственной магией, она тебя уничтожит.

У Дорина дрожь пробежала по спине.

Возможно, на него подействовал безбрежный океан и яркий звездный ковер над головой, но он вдруг сказал:

– Мне тогда не хватило магической силы. В тот день, когда... Сорша погибла, моей магии не хватило, чтобы ее спасти. Наверное, моя сила может только разрушать, – вздохнул он.

Рован не отзывался. Дорин решил, что принц уснул. Он не решился спросить, когда Рован последний раз спал. Видимо, тогда же, когда и ел. Дорин видел, насколько голоден его спутник.

– И я когда-то не сумел спасти свою возлюбленную, – вдруг сказал Рован.

Дорин встрепенулся. Аэлина ему немало рассказывала о жизни принца, но об этом умолчала. Наверное, не посмела выдавать чужую тайну, говорить о чужом горе.

– Я тебе очень сочувствую, – сказал Дорин.

Магия Дорина улавливала глубокую связь между Аэлиной и Рованом. Эта связь была глубже кровных уз, глубже их магии. Дорин подумал, что они сблизились, стали парой, но пока не спешили об этом рассказывать. Но если у Рована когда-то уже была возлюбленная, которую он потерял...

– Знаешь, Дорин, со временем ты возненавидишь мир, – продолжал Рован. – Возненавидишь себя, свою магию и каждое мгновение покоя и счастья. У меня была такая роскошь, как королевство, не раздираемое войнами. И от меня никто не зависел. У тебя по-другому.

Справа выросла стена суши с отвесными скалами. Рован повернул руль, направляя ялик в море. Он знал, что они плывут очень быстро, будто сама ночь несет их. Должно быть, уже покрыли половину расстояния до южной границы.

– Я – правитель разрушенного королевства, – прервал молчание Дорин. – Мой народ не знает, кто у них король. А я... спасаюсь бегством...

Он тряхнул головой, ощущая безмерную усталость:

– Неужели я уже отдал свое королевство Эравану? Если я ничего не сделал, будучи в Рафтхоле, что вообще я смогу сделать вдали от Адарлана?

Какое-то время тишину нарушал только скрип снастей и плеск волн.

– Твои подданные уже знают: ты не погиб. От тебя зависит, как объяснить им свое исчезновение. Они могут подумать, что ты бросил их. Или наоборот: ты спасся от неминуемой гибели, чтобы найти союзников и продолжить борьбу. Ясность можешь внести только ты.

– Мертвые острова. Куда уж яснее!

– В свое время у Аэлины было столкновение с предводителем пиратов. Меня это не удивляет, – усмехнулся Рован. – Ты с ним таких стычек не имел. И сейчас в твоих же интересах отнестись к нему как к сильному, изобретательному союзнику. Эдион мне рассказывал, что в недавнем прошлом часть Мертвых островов находилась под властью адарланского генерала Наррока и сил Эравана. Рульф тогда спасся бегством вместе со своим флотом. И хотя сейчас он снова правит в Бухте Черепов, бывшие обиды не забылись. Позор, пережитый им тогда, – твой ключ к общению с ним. Убеди Рульфа, что ты совсем не похож на своего отца. Пообещай привилегии ему и его пиратам.

– Ты хочешь сказать, сделать их каперами? Пиратами на законном основании?

– У тебя и у нас есть золото. Если пообещать Рульфу деньги и возможность беспрепятственно грабить корабли Эравана, мы получим на юге союзническую армаду. Глупо не воспользоваться такой возможностью.

– Я еще ни разу не встречался с пиратами, – признался Дорин, но слова принца заставили его задуматься.

– Ты встретился с Аэлиной, когда она жила под обличем Селены, – сухо напомнил ему Рован. – Могу тебя заверить: Рульф не намного хуже той Селены.

– Не очень-то ты меня успокоил.

Рован ответил сдержанным смешком. Они снова замолчали, пока Рован вдруг не сказал:

– И я тебе сочувствую... по поводу Сорши.

Дорин пожал плечами и тут же возненавидел себя за этот жест. Он словно отрицал, насколько значима была для него Сорша. Отрицал ее смелость и неповторимость.

– Иногда я жалею, что рядом нет Шаола. Он всегда мне помогал. А иногда рад, что ему не надо снова рисковать. Хорошо, что Шаол сейчас в Антике, с Несариной.

Дорин смотрел на принца, на очертания тела Рована, которое зачастую само бывало смертельно опасным оружием. Это умение замирать, как хищник. Даже то, как Рован управлял яликом, – все отличалось от привычного Дорину.

– Можешь научить меня... управляться с магической силой? – спросил Дорин. – Не всему, что умеешь сам. Тому, чему сможешь. И когда сможешь.

Рован задумался.

– Скажу тебе, Дорин Хавильяр, что в своей жизни я встречал немало королей. Редко кто просил о помощи, когда в ней нуждался. Ведь для этого нужно поступиться гордостью.

Дорин искренне верил: когти валгского принца разорвали его гордость в клочья.

– Я согласен обучать тебя, пока мы плывем в Бухту Черепов, – сказал Рован. – Возможно, мы сумеем найти настоящего учителя, который уцелел в эти страшные годы. От него ты научишься большему, чем от меня.

– Ты же обучал Аэлину.

И снова Рован умолк на несколько минут.

– Аэлина – мое сердце. Мне было легко ее учить, потому что наши магические способности схожи. Между ними, как и между нашими душами, есть глубокое понимание. Ты... иной. С магией такого рода, как у тебя, я сталкивался редко. Тебе нужен тот, кто способен понять все оттенки твоей магии или, по крайней мере, знает, как тебя учить. Но я могу научить тебя управлять магической силой. Научить погружаться в твою силу и делать так, чтобы самому от нее не пострадать.

Дориан закивал. Ему была ценна любая помощь.

– А ты, когда впервые увидел Аэлину, ты уже знал...

– И понятия не имел! – усмехнулся Рован. – Нам хотелось поубивать друг друга.

В глазах фэйского принца что-то мелькнуло.

– Она находилась... в очень темном месте. Мы оба. Потом мы стали помогать друг другу выбираться на свет. Вместе нашли способ.

Поймав ошеломленный взгляд Дорина, Рован понял, о чем думает молодой король.

– И ты найдешь способ. Ты тоже выберешься.

Дорину было трудно передать словами происходящее в сердце. Он лишь вздохнул и, глядя в бескрайнее звездное небо, сказал:

– Тогда вперед – в Бухту Черепов.

В темноте мелькнула белозубая улыбка Рована.

– В Бухту Черепов! – подхватил он.

Глава 14

Эдион Ашерир надел доспехи и был в черном с головы до пят. Он прятался в тени здания напротив храма. Рядом была Аэлина. Они уже позаботились о корабле для завтрашнего отплытия. Завтра же из порта выйдет другой корабль, держа курс на Вендалин. На том поплывут письма вендалинской ветви Ашериров, подписанные Аэлиной и Эдионом. В письмах содержалась просьба о помощи, поскольку то, о чем они вдруг узнали сегодня...

За минувшие десять лет Эдион часто бывал в Илиуме и успел изучить город вдоль и поперек. Обычно его легион Беспощадных разбивал лагерь возле городских стен, после чего начинались странствия по местным тавернам. Возлияния были настолько усердными, что наутро Эдиона выворачивало прямо в шлем. Как разительно это отличалось от их нынешнего приезда. Сейчас по пыльным улицам шли двое молчаливых, необщительных паломника.

Эдиону и во сне не могло присниться, что однажды он пойдет по илиумским улицам со своей королевой и что взгляд ее будет мрачен и суров. Не потянет улыбаться, когда на каждом шагу встречаются несчастные, напуганные люди – эти живые шрамы войны.

Никто не устилал цветами путь ее величества. И фанфары не пели в честь ее возвращения. Только шум волн, завывание ветра и жгучее солнце над головой. При виде адарланских солдат Аэлина с трудом сдерживала гнев. А они встречались повсюду.

За всеми приезжими внимательно следили, и потому, нанимая корабль, Аэлине и Эдиону пришлось действовать осторожно. Для города и остального мира завтра, в середине утра, они отплывали в Сурию на корабле «Дева лета». На самом деле они еще до рассвета проберутся на борт «Певца ветра» и поплывут на юг. Молчание капитана было оплачено золотом.

И не только молчание. Капитан ненароком сообщил им сведения невероятной важности. Аэлина и Эдион уже собирались покинуть его каюту, как вдруг услышали:

– Мой брат – торговец. Занимается товарами из далеких стран. На прошлой неделе рассказал, что на западном побережье Вендалина, где фэйское государство, было замечено скопление кораблей.

– Они собираются плыть сюда? – сразу же спросила Аэлина.

Эдион задал другой вопрос:

– Сколько кораблей?

– Полсотни, и все военные, – ответил капитан, настороженно поглядывая на брата с сестрой.

Он наверняка принял их за тайных посланцев одного из королевств, участвующих в этой войне.

– А на берегу разместилась целая фэйская армия. Ждут приказа к отплытию.

Эта новость наверняка быстро разлетится повсюду, нагоняя страх на людей. Эдион мысленно отметил, что нужно будет предупредить своего непосредственного заместителя по легиону Беспощадных. Пусть заранее подготовятся, а заодно пресекают любые нелепые слухи.

Эдион видел побледневшее лицо Аэлины. Коснулся ее плеч, пытаясь успокоить. Однако Аэлина быстро взяла себя в руки и задала капитану новый вопрос:

– Как показалось вашему брату: королева Маэва заключила союз с Моратом? Или она решила послать свою армию на помощь Террасену?

– Ничего ему не показалось, – отрезал капитан. – Плыл мимо, увидел армаду. Сомневаюсь, что это такой уж секрет. Больше мы ничего не знаем. Возможно, корабли отправятся совсем на другую войну.

Лицо Аэлины оставалось непроницаемым. Эдион придал своему то же выражение.

Однако таким лицо его сестры осталось и потом, когда они возвращались назад, готовили оружие и под покровом темноты выступали к храму. Если Маэва и впрямь собирает армию против них...

Аэлина переместилась на крышу здания, откуда продолжала вести наблюдение за храмом. Сверкающий эфес Златинца она обернула тряпкой – он блестел даже в темноте. Эдион смотрел то на сестру, то на адарланских караульных, прохаживающихся вокруг храма. Они были совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Аэлина смотрела в сторону океана, будто с крыши ей был виден вендалинский берег и флот Маэвы, готовящийся к отплытию. Если эта бессмертная сука снюхалась с Моратом... Маэва не настолько глупа. Стремясь к безраздельной власти, оба темных правителя могут запросто уничтожить друг друга. И Эрилею в придачу.

Но темный король и темная королева, объединившиеся против Огненосицы...

Нужно действовать быстро. Сначала отсечь голову одной змее, потом разбираться с другой.

Услышав легкое шуршание ткани, Эдион обернулся. У него за спиной стояла Лисандра. Она ждала сигнала Аэлины. Ее дорожное одеяние успело пообтрепаться и запачкаться. Весь день Лисандра читала книгу, судя по виду – весьма старую. Книга называлась что-то вроде «Забывшие существа глубин». Оставалось лишь гадать, где Лисандра раздобыла эту древность. Наверное, стащила.

Лисандра следила за Аэлиной. Сейчас та была похожа на тень. Лисандра кашлянула и шепотом, чтобы ее не слышали ни королева, ни солдаты напротив, сказала:

– Слишком уж спокойно она отнеслась к постановлению Дарро.

– Я бы не назвал это спокойствием, – возразил Эдион.

Впрочем, он понял, что имела в виду Лисандра, говоря о спокойствии. После отлета Рована и известия о падении Рафтхола Аэлина стала отстраненной и замкнутой, словно половина ее личности пребывала где-то не здесь.

– Знаешь, Эдион, это спокойствие перед бурей, – продолжала Лисандра.

Ее светло-зеленые глаза пригвоздили его к месту. Все его инстинкты хищника взвыли. Взгляд Лисандры снова переместился на худенькую фигуру Аэлины.

– Буря близится. Великая буря.

Она говорила не о силах, таящихся в Морате, не об оринфских ухищрениях Дарро и даже не о Маэве, готовящей флот. Слова Лисандры были обращены к женщине на крыше, замершей у кромки.

– А не боишься...

Эдион не мог закончить свой вопрос. Он как-то привык, что женщина-оборотень оберегает спину Аэлины. Такой расклад ему даже нравился. Рован справа, сам он – слева, а Лисандра – сзади. Это означало, что никто и ничто не может незаметно подкрасться к их королеве.

– Нет, ни капельки, – ответила Лисандра, поняв, о чем он хотел спросить.

Эдиону стало спокойнее.

– Но чем больше я об этом думаю, – продолжала она, – тем больше мне кажется, что все это... было задумано еще очень давно. Эраван располагал десятками лет, прежде чем Аэлина родилась и обрела свою магическую силу. Прежде чем появился Дорин. Тогда у Эравана не было противников. Но почему-то судьба распорядилась так, что он разворачивается сейчас, когда ему противостоит Огненосица.

– К чему ты клонишь? – спросил Эдион.

Схожие мысли забредали и в его голову, пока ехали в Террасен. Особенно по ночам, когда он нес караул, охраняя спящих. Все это выглядело жутким и невозможным, но слыш-

ком многое в их жизни противоречило логике и выпадало из привычной колеи. Ярчайшее доказательство – Лисандра.

– Морат выпускает своих чудовищ. Маэва вдруг зашебаршилась на Вендалине. А рука об руку с Аэлиной идут две богини. Скажу тебе больше: Мэла и Денна наблюдают за ней с самых первых дней жизни. Наверное, я не так сказала. Не наблюдают... готовят, чтобы однажды выплеснуть в мир ее силу. Интересно, боги просчитали стоимость грядущей бури? Они уверены, что все жертвы не будут напрасными?

Эдиона пробрала дрожь.

Лисандра перешла на совсем тихий шепот. Наверное, боялась, что ее услышит не королева, а боги.

– Нам еще предстоит увидеть всю силу тьмы Эравана. И всю силу огня Аэлины – тоже.

– Но она – не безмозглая пешка, – сердито возразил Эдион.

Он был готов сражаться с богами и даже убивать их, если они вздумают угрожать Аэлине и вознамерятся ради победы над темным королем пожертвовать Эрилеей.

– Неужели тебе так трудно хотя бы раз согласиться со мной? – удивилась Лисандра.

– По-моему, я всегда с тобой соглашаюсь.

– Нет. У тебя на все есть ответы, – встряхнула головой Лисандра. – Это невыносимо.

Эдион улыбнулся:

– Приятно знать, что я наконец-то забрался тебе под кожу. Или под все сразу?

Неотразимо красивое лицо Лисандры стало похожим на оскал ведьмы.

– Поосторожнее, Эдион. Я кусаюсь.

Эдион наклонился к ней еще чуть-чуть. Он знал: у Лисандры есть границы, которые нельзя пересекать. И даже проверять их на прочность нельзя. Особенно зная, сколько всего она претерпела, начиная с детства, и как дорожила обретенной свободой. Кто-то, а он должен это понимать, поскольку сам многое претерпел.

Пусть он так и не рассказал Аэлине об этой стороне своего прошлого. У него не хватало решимости. Сумел бы он объяснить сестре, что делали с ним и что заставляли делать его в первые годы адарланского завоевания?

Но флирт с Лисандрой был безопасным для них обоих. И, честное слово, Эдиону нравилось болтать с нею, когда она не торопилась покидать человеческое обличье. Поэтому он лишь щелкнул зубами и сказал:

– Хорошо, что я умею заставить женщин мурлыкать.

Лисандра негромко засмеялась, но смех тут же стих, когда она подняла голову к крыше, где затаилась Аэлина. Морской бриз теребил темные шелковистые волосы Лисандры.

– Приготовься, – шепнула она Эдиону.

Ему было ровным счетом плевать на все насмешки и оскорбительные слова Дарро в адрес Лисандры. Она спасла его жизнь. Она сражалась за их королеву. Чтобы спасти его от казни и воссоединить с Аэлиной, Лисандра поставила на карту все, включая свою свободу и жизнь. Когда они отправились в Илиум, она часто оглядывалась назад, словно могла увидеть Венгу, ехавшую с Муртагом и Реном. Эдион знал: часть души Лисандры осталась с ее подопечной, равно как часть души Аэлины осталась с Рованом. Способен ли он сам когда-нибудь прочувствовать такую степень любви?

Аэлина для него... она была его частью, как руки и ноги. Перед ним никогда не стоял выбор. Ему не требовалось проявлять бескорыстие, как Лисандре, взявшей под свое крыло чужую девочку. Его ни к кому не тянуло так, как Аэлину и Рована потянуло друг к другу. Возможно, это глупые мысли, если учесть его жизнь воина и то, что ожидало их в Морате, но... Эдион и за тысячу лет не признался бы сестре, однако, глядя на них с Рованом, он им иногда завидовал.

Эдиону не хотелось даже думать об отвратительных предложениях Дарро. Более десяти лет назад Вендалину был предложен союз с Террасеном при условии, что их с Аэлиной поженят (невзирая на близкое родство). Такова была цена сделки. Но вендалинская ветвь Ашериров отвергла это предложение.

Эдион любил свою двоюродную сестру, но при мысли о близости с нею его начинало мутить. Наверное, и Аэлина испытывала схожие ощущения.

Она не показала ему письмо, адресованное его вендалинской родне. Почему-то эта мысль мелькнула у него только сейчас. Эдион поднял голову к крыше и вдруг понял, что не хочет знать содержание письма.

Он, генерал, воин, был закален кровью, яростью и утратами. Видел и творил такое, отчего до сих пор просыпался в поту, ночь за ночью. Но... он не хотел знать, о чем написала Аэлина. Не сейчас. Потом как-нибудь.

– Нужно убраться отсюда до рассвета, – сказала Лисандра. – Мне не нравится, как тут пахнет.

Эдион кивнул в сторону храма, превращенного в казарму для полусотни солдат:

– Еще бы.

Лисандра не успела ему ответить. С пальцев Аэлины сорвались голубые огоньки. Это был сигнал.

Лисандра превратилась в призрачного леопарда. Эдион скрылся в тени. Рык Лисандры переполошил жителей окрестных домов. Они выскакивали из дверей. Солдаты распахнули ворота храма и тоже выбежали на улицу – узнать причину суматохи.

Аэлина прыгнула вниз и с кошачьим изяществом приземлилась под носом у солдат. Те палили ошалевшие глаза, беспорядочно размахивая мечами.

Появление рычащего призрачного леопарда нагнало на них страху. Вскоре к Аэлине и Лисандре присоединился Эдион. Брат и сестра откинули капюшоны плащей. За спиной кто-то вскрикнул.

Удивление вызвали не их лица и не золотистые волосы. Все смотрели на высоко поднятую руку Аэлины, окутанную голубым огнем. Солдаты растерялись. Лишь самые смелые наводили на них арбалеты.

– Убирайтесь прочь из моего храма! – потребовала Аэлина.

Солдаты моргали, не зная, как поступить. Кто-то из горожанок заплакал, глядя на огненную корону, вспыхнувшую над головой Аэлины. Тряпка, закрывавшая эфес Златинца, сгорела, и в темноте кроваво-красной звездочкой вспыхнул рубин.

Эдион с усмешкой смотрел на тупую адарланскую солдатню.

– Моя госпожа предоставляет вам выбор: убраться отсюда немедленно или... мы поможем вам убраться на тот свет, – сказал он, снимая со спины щит.

Солдаты переглядывались. Пламя вокруг головы Аэлины становилось все ярче, лучом прорезая темноту.

«Воистину символы обладают силой», – подумал Эдион.

Аэлина, увенчанная огнем, превратилась в могущественный символ, в бастион света, противостоящий вечерней тьме. Эдион выхватил из ножен Меч Оринфа. Кто-то вскрикнул, узнав могущественное древнее оружие.

Весь двор перед храмом заполнился солдатами. Некоторые бросали мечи и арбалеты, поднимали руки и пятились.

– Жалкие трусы! – рявкнул на них командир.

Ни у него, ни у солдат не было черных колец. Ими не управляли валгские демоны. Их вела ненависть к Террасену. Узнав Эдиона, командир скривил губы. Взмахнул мечом, словно вызывая генерала на поединок.

– Волк Севера пожаловал, – язвительно усмехнулся адарланец. – И огнедышащая сука собственной персоной.

Аэлина не поддавалась на оскорбления. Наоборот, ее лицо выражало скуку. Видя, что далеко не все солдаты горят желанием умирать, она еще раз предложила им:

– Выбирайте: жить или умереть. Но выбор нужно делать сейчас.

– Да не слушайте вы эту суку! – крикнул командир. – Правитель Меа называет все это жалкими балаганными трюками.

Пятеро солдат, побросав оружие, со всех ног кинулись прочь и скрылись в темноте.

– Есть еще желающие? – негромко спросила Аэлина.

Осталось тридцать пять человек. Эти оружия из рук не выпускали, угрюмо поглядывая на Аэлину. Первоначальная оторопь у них прошла. Эдион знал, каково сражаться бок о бок с ними и против них. Аэлина вопросительно посмотрела на него, и он кивнул. Пешки, давно забывшие о свободе выбора. Эти отступят, только если прикажет командир.

– Давай продолжай свои фокусы, – хорохорился тот. – Что ты еще умеешь, огнедышащая? Помню, попалась мне как-то крестьянская девка, очень на тебя похожая. Уламывал ее, уламывал... пока не убил.

Аэлина дунула в его сторону, словно хотела погасить свечу.

Вначале командир умолк, застыв неподвижно. Казалось, он превратился в камень. На мгновение Эдион поверил, что Аэлина превратила его в камень. Даже красный с золотом адарланский мундир посерел.

Но стоило подуть ветру, и командир... осыпался горкой пепла. Эдиону стало не по себе. Он понял: Аэлина заживо сожгла адарланца изнутри. Кто-то испуганно закричал.

– Я вас предупреждала, – сказала Аэлина.

Еще несколько солдат бежали. Остальные продолжали стоять. У них не было командира, но была ненависть и отвращение. Они ненавидели магию, Аэлину и Эдиона.

Эдион наградил их волчьей улыбкой. Взмахнув Мечом Оринфа, он устремился на левый фланг. Лисандра с рычанием бросилась на правый. Аэлина ударила посередине золотисто-красным пламенем.

Вот так за двадцать минут они освободили храм.

Точнее, на это ушла лишь половина времени. Часть адарланских солдат погибла, остальные сдались. Этих горожане, присоединившиеся к освобождению храма, препроводили в городскую тюрьму. Еще десять минут Аэлина и ее спутники осматривали храм на предмет возможных засад. Но внутри не оказалось ничего, кроме нехитрого солдатского скарба и мусора. У Аэлины сжалось сердце, когда она увидела священные стены, испи-санные вкривь и вкось именами двуногих адарланских скотов. Храм был известен своими вазами с неугасимыми светильниками. Солдаты разбили светильники, а вазы превратили в ночные горшки...

И тогда Аэлина наполнила храм яростным пламенем, в котором сгорали солдатские пожитки и все следы их присутствия. Огонь выжигал многолетние слои грязи, пыли и птичьего помета, открывая удивительно красивую древнюю резьбу на стенах, колоннах и даже ступенях.

Храм Брэннона состоял не из одного, а из трех зданий, построенных вокруг просторного внутреннего двора. В левом помещался архив, в правом когда-то жили жрицы. Собственно храмом было среднее. Внутри находилась священная скала. Аэлина решила, что они останутся здесь на ночлег. Наиболее пригодным для этой цели было здание архива, куда она и отправила Эдиона с Лисандрой.

Эдион все еще был разгорячен недавним сражением. Он действовал безупречно. Аэлина могла бы справиться со всеми противниками, но намеренно не сделала этого, усту-

пив часть их Эдиону. Она сегодня была не единственным символом, который запомнился людям.

Лисандра разодрала в клочья нескольких солдат, затем снова приняла обличье ястреба. Сейчас она сидела на полусгнившей балке под потолком архива и разглядывала изображение морского дракона, украшавшего пол. Огонь освободил его из плена. Морские драконы встречались здесь повсюду – наследие народа, изгнанного с этих земель.

Аэлина сказала, что хочет одна постоять на священной скале.

Все пространство храма наполнял шум морских волн, плещущихся неподалеку. Не было ничего, что когда-то принимало на себя эти звуки, приглушая и смягчая их. Просторные помещения храма и его внутренние дворики пустовали. Исчезли алтари и статуи. Не было садилов для размышлений. В воздухе еще пахло дымом ее огня.

Не разрушительного. Очистительного.

Аэлина шла через темный храм, направляясь в самую святую его часть, что находилась у моря. Возле ступеней лестницы сверкали неяркие золотые огоньки. Это были чудом уцелевшие светильники неугасимого света, считавшегося даром Брэннона.

Аэлина сознавала, что храм требует иной одежды, а не этих черных мрачных доспехов. Пусть Брэннон и боги ее простят. Сила ее магии притушила светильники, превратив их в мерцающие угольки.

Когда строили храм, возвели и большую защитную стену, дабы оградить священное место от буйства морской стихии. И все равно пространство было влажным, а воздух густо пропитался запахом соленой воды.

Аэлина миновала просторное преддверие, пройдя мимо двух толстых колонн. Они обрамляли вход во внутреннее святилище. В его дальнем конце и находилась черная скала, открытая отнюдь не ласковому здешнему морю.

Скала была величиной с крестьянскую повозку, с гладкой, как стекло, поверхностью. За тысячи лет ее отполировали руки паломников. Она нависала над морем, изгибаясь вверх. В самой середине скалы, в выемке, подрагивало пламя неугасимой белой свечи. А по поверхности скалы разливался неяркий свет звезд.

В резьбе на стенах храма Аэлина не увидела знаков Вэрда. Только вихри и олени. И Маленький народец на сей раз не оставил ей никаких посланий.

Она решила, что поступит так, как когда-то поступали жрицы.

Аэлина поднялась по лесенке. Многие паломники останавливались на этих ступеньках и только созерцали скалу, не решаясь ступить на ее поверхность. Аэлина, не колеблясь, поднялась на самый верх.

Глава 15

Море замерло. Или ей это только показалось.

Аэлина вытащила из-под рубашки амулет с Ключом Вэрда. Уселась на самый край скалы и стала вглядываться в простор ночного моря.

Она ждала.

Серп растущей луны начал клониться к закату, когда позади послышался низкий мужской голос:

– Ты выглядишь моложе, чем я думал.

У Аэлины свело живот, но она не обернулась, продолжая глядеть вдаль.

– Но молодость не делает тебя менее привлекательной. Согласна?

Аэлина не услышала шагов, однако голос явно стал ближе:

– Во всяком случае, моя дочь не ошиблась насчет твоей скромности.

– Она мне ни разу не намекнула, что ты обладаешь чувством юмора, – ответила Аэлина.

Справа прошелестел ветер. Затем она увидела мускулистые ноги, обутые в сандалии и прикрытые древними доспехами. Тогда Аэлина решилась повернуть голову. Брэннон предстал перед нею целиком. Сильный, ширококостный, с лицом, исполненным мужского обаяния. Он казался вполне осязаемым, состоящим из плоти и крови, если бы не голубоватое сияние, окаймляющее фигуру.

Аэлина слегка наклонила голову, приветствуя Брэннона.

Ответом была легкая улыбка. Лунный свет играл на его рыжевато-золотистых волосах.

– Сражение было жестоким, но действенным, – сказал Брэннон.

– Меня позвали в этот храм. Я обнаружила, что он занят, но отнюдь не паломниками. Я изгнала отсюда всю нечисть. Твой храм свободен. Добро пожаловать.

Губы Брэннона сложились в улыбку.

– Я все равно не могу долго здесь оставаться.

– Но пока ты здесь, ты выплеснешь на меня целый шквал загадочных предостережений. Это ведь ты позвал меня сюда?

Брэннон изогнул брови. В его глазах цвета жженого золота мелькнуло любопытство.

– Да. Я попросил моих друзей передать тебе послание. Как ты догадываешься, у меня была причина позвать тебя сюда.

– В этом я не сомневаюсь, – ответила Аэлина, мысленно добавив: «Иначе я бы не рискнула вытуривать солдат из храма». – Но вначале расскажи мне про Маэву.

Аэлине надоело быть лишь принимающей послания. У нее накопились свои вопросы, и сейчас она рассчитывала на ответы Брэннона.

– Уточни, что именно тебя интересует, – попросил он.

– Скажи, Маэву можно убить?

Король резко повернул к ней голову:

– Знай, наследница Террасена, Маэва необычайно стара. Когда я был ребенком, ее уже называли старой. Ее замыслы далеко простираются в пространстве и во времени.

– Все это я уже слышала. Но умрет ли она, если я воткну кинжал ей в сердце? Или отрежу голову?

– Не знаю, – помолчав, ответил Брэннон.

– Чего?

– Просто не знаю, – покачал он головой. – Ты сама знаешь, что фэйцев убивали. Но Маэва живет необычайно долго даже по нашим меркам, а они значительно превосходят человеческие. И потом, ее сила... никто по-настоящему не понимает природы ее силы.

– Ты же путешествовал с Маэвой, намереваясь вернуть Ключи.

– И все равно я не знаю, можно ли ее убить. Но ее пугало мое пламя. И твое тоже пугает.
– А может, Маэва – валгская демонесса?

Брэннон тихо рассмеялся:

– Нет. Холодностью своей она не уступает валгам, но не их породы.

Края фигуры Брэннона начали расплываться. Почувствовав, что у Аэлины еще остались вопросы, он кивнул, показывая готовность их выслушать.

Аэлина сглотнула и шумно выдохнула:

– Мне когда-нибудь станет легче управляться со своей магической силой?

Лицо Брэннона немного смягчилось.

– Да и нет. Магическая сила влияет на твои отношения с теми, кто вокруг. Тебе становится труднее общаться с ними, зато облегчается управление самой силой. Тут все взаимосвязано, и весьма непростым образом. Магия в любом ее виде – дар непростой. Что касается огня... Магическое пламя, полыхающее вовне, полыхает и внутри нас, затрагивая наши души. Лучше это для нас или хуже – не знаю.

Внимание Брэннона переместилось на Златинец, выглядывающий из-за плеча Аэлины. Древний король снова засмеялся.

– Чудовище из той пещеры уже мертво? – спросил он.

– Нет. Оно мне говорило, что скучает по тебе и ждет, когда ты его наведишь. Ему там очень одиноко.

И опять Брэннон засмеялся:

– А мы с тобой могли бы славно повеселиться. Как ты думаешь?

– Я начинаю жалеть, что до сих пор общалась не с тобой, а с твоей дочерью. Похоже, чувство юмора передается через поколение.

Ей не стоило этого говорить. Красивое загорелое лицо Брэннона сразу перестало улыбаться, а глаза цвета жженого золота сделались холодными и жесткими. Брэннон попытался взять ее за руку, но его пальцы прошли насквозь и коснулись поверхности скалы.

– Слушай, наследница Террасена. Я позвал тебя, чтобы рассказать про Замок. В Каменных Болотах есть забытый и заброшенный город. Замок спрятан там. Нужно вернуть Ключи в те места Врат Вэрда, откуда они были изъяты. Только так Врата обретут прежнюю цельность и будут запечатаны навсегда. Моя дочь просит тебя.

– Какой Замок?

– Найди Замок.

– А где эти Каменные Болота? Это ведь не просто маленький...

Брэннон исчез.

Хмурясь, Аэлина запихнула Амулет Оринфа обратно под рубашку.

– Само собой, эти проклятые Ключи должны быть от такого же проклятого Замка, – пробормотала она.

Аэлина поднялась на затекшие ноги. Внизу, совсем рядом, плескалось море. А далеко на востоке, на другом континенте, древняя королева готовила свою армаду.

Аэлина показала ей язык.

– Если Маэва еще думала, нападать ли на Эрилею, теперь она обязательно нападет, – лениво произнес Эдион, появляясь из-за колонны.

Аэлина недовольно зашипела. Брат улыбнулся, сверкнув зубами:

– Думаешь, я не знал, что у тебя было несколько причин прогнать солдат из храма? Весна, проведенная с тобой в Рафтхале, наглядно мне показала: ты всегда замышляешь несколько дел сразу.

Аэлина показала язык и ему, после чего шумно спустилась со скалы.

– Стало быть, ты все слышал.

– Брэннон мне даже подмигнул.

Аэлина стиснула зубы.

– Значит, Замок? – Эдион привалился к резной колонне. – И когда ты намерена сообщить своим подданным о переменах курса?

– Когда сочту нужным, – огрызнулась Аэлина. – Ни о каких переменах курса речи не идет. Нашей главной целью остаются союзники, а не загадочные повеления давно умерших королей.

Эдион тоже улыбнулся. В темноте храма мелькнула тень.

– Вы оба невыносимы, – шумно вздохнула Аэлина.

Лисандра уселась на ближайшую статую и громко шелкнула клювом.

Эдион обнял сестру за плечи и повел к выбранному месту ночлега.

– Ты же говорила, что у нового двора будут новые традиции. Это касается и тебя. Пусть будет поменьше тайных замыслов и разных секретов. Честное слово, ты сэкономишь своему непутевому брату не один десяток лет жизни. Хотя, должен признаться, я получил большое удовольствие от твоего нового фокуса с пеплом. Настоящее искусство.

Аэлина пихнула его в бок:

– Нечего меня...

Она осеклась. Со стороны ближайшего дворика к ним кто-то шел. Хрустела сухая земля под ногами. Ветер принес запах идущего. Этот запах был им слишком хорошо знаком.

Валгский демон, причем сильный, если сумел пройти через стену ее огня.

Аэлина выхватила Златинец, Эдион обнажил Меч Оринфа. Под лунным светом древнее оружие казалось выкованным не далее чем вчера. Лисандра перепорхнула так, чтобы ее не было видно.

– Особо упертая тварь или сумел найти брешь в твоей стене? – шепотом спросил Эдион.

– Думаю, то и другое, – ответила Аэлина, глядя на фигуру, проходящую между двумя колоннами.

Человек был крепким, коренастым, полноватым. Отнюдь не красавец, каких предпочитали валгские принцы, поселяясь в человеческом теле. На широкой шее, конечно же, чернел каменный ошейник. Но нечеловеческое зловоние, исходившее от него... Оно было куда сильнее.

Разумеется, Брэннон не удосужился предупредить ее об этом «госте».

Одержимый валгом вошел в полосу света неугасимых светильников. Едва увидев его лицо, Аэлина забыла обо всем. В голове не осталось ни одной мысли.

Прав был Эдион: ее сегодняшние действия явились посланием. Она раскрыла свое местонахождение. Эраван ждал этой встречи не несколько часов, а гораздо дольше. Валгский король знал обе стороны ее истории.

Перед ними стоял, нагло улыбаясь, главный надсмотрщик Эндовьера.

Он до сих пор снился ей в кошмарных снах.

Это вечно красное тупое лицо, которое с такой же наглой улыбкой глядело на нее и других узниц Эндовьера. Этот смех, когда ее раздевали до пояса и хлестали плеткой, а потом оставляли на пронизывающем холодном ветру или под нестерпимо жгучим солнцем. Этот злорадный оскал, когда ее за очередную провинность сажали в темную яму. Тот же оскал ее встречал и по прошествии дней или недель, пока длилось наказание.

Эфес Златинца стал липким от ее пота. На другой руке вспыхнули язычки пламени. Аэлина задним числом проклинала Лоркана, отобравшего у нее золотое кольцо, которое давало защиту от валгов.

Эдион глядел то на нее, то на надсмотрщика. Он понял, что Аэлина откуда-то знает одержимого.

– Что ж ты нас не познакомишь, рабыня? – с усмешкой спросил главный надсмотрщик Эндовьера.

Замершее лицо брата подсказало Аэлине: Эдион догадался, кто перед ними. Недаром он мельком взглянул на ее запястья, где еще оставались шрамы от кандалов.

Эдион шагнул вперед. Аэлина понимала: брат привычно оценивает обстановку, вглядываясь и вслушиваясь в сумрак. Сейчас важно понять, явился ли надсмотрщик сюда один и как, в случае чего, отсюда выбираться. Лисандра перенеслась на другую колонну, готовая по первому сигналу обернуться призрачным леопардом.

Аэлина пыталась пробудить в себе привычные самоуверенность и бесцеремонность, позволявшие выбираться из любых, даже самых опасных ситуаций. Но сейчас она лишь видела, как надзиратель тащит узниц на расправу, слышала тяжелый лязг решетки над ямой и ощущала запахи пота, крови и немытых тел. Ей казалось, что по ее исхлестанной спине течет горячая струйка крови.

«Я не буду бояться. Я не буду бояться».

– Что, вашему отродью перестало хватать смазливых парней для вселения? – растягивая слова, спросил Эдион.

Он растягивал не только слова. Время, чтобы выстроить стратегию.

– А ты подойди поближе, генерал, – усмехнулся надсмотрщик. – Посмотрим, может, ты нам лучше сгодишься.

Эдион тоже усмехнулся, чуть выше подняв руку с Мечом Оринфа:

– Этому мечу не привыкать расправляться с мразью. Тебе от него не уйти.

Древний меч, меч ее отца, реликвия ее народа, вернул Аэлину к действительности...

Она запрокинула голову. Пламя вокруг левой руки вспыхнуло ярче.

Водянистые голубые глаза надсмотрщика сощурились и с неподдельным изумлением посмотрели на Аэлину.

– Забавный фокус, – сказал он. – Поди, сожалеешь, что не могла его устроить, когда мы сажали тебя в яму. Или когда я разрисовывал землю твоей кровью.

Ответом было тихое рычание Эдиона.

Но Аэлина заставила себя улыбнуться:

– Время уже позднее. Я немного устала, расправляясь с твоими солдатами. Сейчас я намерена отдохнуть, а не болтать с тобой.

Надсмотрщик выпятил нижнюю губу:

– Скоро, девка, ты научишься себя вести. Все вы научитесь.

Аэлина не позволила себе даже мимолетную мысль об этом. Если Эраван и его валги завладеют хотя бы крупницей ее магического дара... А ведь он на это и надеялся.

Надсмотрщик снова открыл рот. И тогда Аэлина атаковала его.

Огонь толкнул надсмотрщика к ближайшей стене. Языки пламени струились у него по шее, носу, ушам. Это пламя не обжигало. То был ослепительно-белый свет.

Надсмотрщик что-то кричал, пытаясь стряхнуть пламя. Но магия Аэлины не отпустила, пробираясь внутрь. А там... В отличие от испеченного командира, внутри надсмотрщика было не за что уцепиться. Ни тьмы, чтобы выжечь, ни угольков человеческой жизни, которые можно раздуть. Только...

Аэлина попятилась. Ее магия ослабла. Колени подгибались. Голову схватывали спазмы боли, а к горлу подступала тошнота. Аэлина знала и эти ощущения, и привкус во рту.

Железо. Казалось, надсмотрщик внутри был железным. К привкусу железа добавился другой – маслянистый, отвратительный... Камень Вэрда.

Демон, обитавший в надсмотрщике, сдавленно засмеялся:

– Эти ошейники и кольца – жалкие игрушки по сравнению с сердцем из железа и Камня Вэрда. Прекрасная замена трусливому сердцу, которое когда-то билось здесь.

– Зачем? – только и могла выдохнуть Аэлина.

– Меня поместили в эту оболочку, дабы показать, что тебя ожидает, если ты и твоя свита явитесь в Морат.

Аэлина снова ударила его огнем, выжигая все, что могло гореть. Ее целью был сгусток тьмы внутри надсмотрщика. Она била раз за разом. Надсмотрщик продолжал яростно рычать, но Аэлина не оставляла усилий, пока...

Пока ее не вывернуло прямо на священные камни. Эдион придерживал сестру, дожидаясь, когда прекратятся судороги.

Аэлина подняла голову. Она сожгла всю одежду надсмотрщика, однако ее пламя не причинило вреда его коже. А в грудной клетке билось его сердце, похожее на кулак, стремящийся вырваться наружу.

Сердце ударяло в его кожу, растягивая плоть и кости.

Аэлину передернуло. Эдион выбросил вперед руку, не давая сестре сделать шаг. Надсмотрщик выгнул спину. Его рот застыл в беззвучном крике.

Лисандра опустилась на землю, снова превратилась в призрачного леопарда и с угрожающим рычанием подошла к Аэлине и Эдиону.

Сердце-кулак продолжало ударять изнутри. И вдруг кости хрустнули, прорывая телесную оболочку. Следом начали рваться жилы. Грудная клетка стала похожа на распускающийся цветок. Внутри «цветка» было пусто. Ни крови, ни внутренностей.

Только тьма. Могущественная тьма, неподвластная времени. И два мерцающих золотистых уголька на поверхности тьмы.

Нет, не угольки. Глаза, сверкающие древней злобой. Они шурились от удовольствия. Они сознавали, что произвели впечатление.

Всю остающуюся силу Аэлина направила на то, чтобы не согнуться, не сникнуть. Она дерзко наклонила голову и, растягивая слова, как то делал Эдион, произнесла:

– Неплохой спектакль, Эраван. Ты умеешь выходить на сцену.

Глава 16

Надсмотрщик заговорил, но это уже был не его голос и не голос Перангтона. Незнакомый для них троих, безмерно древний, принадлежащий иному миру, иной эпохе. Голос, вскормленный криками, кровью и болью. Магия Аэлины ударялась в этот голос, как в щит. Эдион ругался сквозь зубы, пытаясь оттащить сестру подальше.

Но Аэлина словно приросла к месту, вглядываясь во тьму, которая смотрела на них из развороченной человеческой груди. И даже не будь тело надсмотрщика безнадежно покалено, там все равно не осталось ничего, что стоило бы спасать.

Аэлина шевелила пальцами, собирая магическую силу. Тьма в груди надсмотрщика напоминала свернувшуюся змею, готовую в любой момент напасть.

– Я рассчитывал на слова благодарности, наследница Брэннона, – сказал Эраван.

Теперь во рту Аэлины ощущался привкус дыма.

«Спокойнее», – прикрикнула она на свою магию.

Нужно быть осторожнее, иначе Эраван может увидеть у нее на шее амулет и почувствовать спрятанный внутри последний Ключ. Два других уже у него. Если Эраван почувствует, что третий здесь, в древнем храме, и что до его полного владычества над Эрилеей и другими континентами остается всего один шаг... Она должна любым способом отвлечь его внимание.

– С чего это мне тебя благодарить? – насмешливо спросила Аэлина. – И за что?

Угли глаз повернулись вверх, словно оглядывая пустую оболочку, еще недавно бывшую телом надсмотрщика.

– За что? За маленький предостерегающий подарок. За избавление мира еще от одной двуногой гниды.

«И за то, что наглядно тебе показываю всю бесплодность ваших затей сражаться со мною», – прошептал голос у нее в мозгу.

Забыв всякую осторожность, она выплеснула в Эравана столб пламени и качнулась назад. Эдион подхватил сестру. Видя его побледневшее лицо, Аэлина поняла: он тоже слышал этот дьявольски мелодичный голос и, наверное, почувствовал не менее дьявольское прикосновение.

Эраван хохотнул:

– Я удивлен, что поначалу ты пыталась его спасти. Особенно после всех «ласк», которые получила от него в Эндовьере. Мой принц едва вытерпел, пока сидел в его мозгу. Такое отвратительное, порочное существо встретишь нечасто. Тебе доставляет удовольствие решать, кого следует спасать, а кого нет? Ну да, это же простой способ стать маленькой огненной богиней.

Аэлина не чувствовала ничего, кроме холодной тошноты.

Эдион пришел ей на выручку:

– Я думал, что у тебя, Эраван, есть более интересные и важные дела, чем мурыжить нас глубокой ночью. Или это способ притушить досаду? Как ты ни расставлял свои сети, а Дорин Хавильяр выскользнул из них.

Тьма зашипела. Эдион сжал плечо Аэлины, передавая молчаливое предостережение. Надо немедленно кончать все разговоры, пока Эраван не почувствовал близость третьего Ключа и не нанес удар.

– Эраван, не лучше ли тебе отдохнуть и набраться сил, – сказала Аэлина, подмигивая янтарным уголькам. – Они тебе понадобятся.

Она тратила последние крупы своей безудержной смелости. Ответом ей был тихий смех Эравана. Аэлине казалось, что тепло углей проникает в нее, такое приятное, согревающее, даже ласковое. Усилием воли она поставила заслон.

– Ты права, силы мне понадобятся. Особенно если учесть мои замыслы по поводу будущего короля Адарлана.

У Аэлины сжалось сердце.

– Напрасно ты не сказала своему возлюбленному, чтобы получше замаскировался, прежде чем вытаскивать Дорина Хавильера из Рафтхола.

Глаза превратились в щелочки.

– Как его имя?.. Да, верно, – прошептал Эраван, словно кто-то ему подсказал. – Принц Рован из клана Боярышника. Явился сюда из Доранеллы. Ах, каким королем он мог бы стать.

Аэлина нырнула в огонь, во тьму, бешено сопротивляясь окутывающему ее ужасу.

– Мои охотники уже выслеживают их, – вкрадчивым голосом продолжал Эраван. – И я дам им прочувствовать боль. Даю тебе слово, Аэлина Галатиния. А потом я сделаю их самыми верными и преданными своими генералами. Начну с твоего фэйского принца.

Таран жаркого голубого пламени ударил в черную яму, в янтарные глаза. Все внимание Аэлины было сосредоточено на развороченной груди надсмотрщика. Она плавил кости и ошметки плоти. Незатронутым оставалось только сердце из железа и Камня Вэрда. Ее магия обтекала его, как поток обтекает валун. Эдион не понимал, почему Аэлина не ударит прямо в железно-каменное сердце.

– Сжигай все дотла, – тихо подсказал сестре Эдион.

Аэлина обернулась. Лисандра в человеческом обличье стояла рядом с Эдионом, скаля зубы на останки надсмотрщика.

Эта оплошность ей дорого стоила.

Она услышала крик Эдиона и тут же почувствовала удар. Тьма ударила ей в грудь, швырнула на пол, сдавила дыхание, угрожая проникнуть внутрь и остановить кровь.

«Поднимайся. Поднимайся. Поднимайся».

Аэлина вновь выбросила столб своей магической силы. Пусть Эдион думает, что служит ей дополнительной опорой, тогда как на самом деле она едва держалась на ногах.

Но рука, простертая ею, не дрогнула.

От выброса магической силы тряслись стены. С потолка сыпался мусор и облака пыли. Даже колонны качались, словно пара захмелевших друзей. Голубой огонь ее пламени высветил лица Эдиона и Лисандры. Оба стояли с распахнутыми глазами, исполненными решимости и гнева. Аэлина оперлась об Эдиона. Рука брата обхватила ее талию. Магия продолжала бушевать у нее внутри, требуя выхода.

Каждый удар сердца длился вечность, каждый вдох и выдох сопровождался болью.

Но изуродованное тело надсмотрщика наконец поддалось ее силе. Щиты тьмы пали под напором магии Аэлины.

Что-то подсказывало ей: это не победа ее силы. Просто Эраван решил оставить их. Глаза-угольки исчезли.

Когда тело надсмотрщика окончательно превратилось в пепел, Аэлина вернула свою магию внутрь, окружив ею, как коконом, свое сердце. Наследница Брэннона крепко держалась за руку Эдиона, боясь дышать глубоко, чтобы он не услышал хрипа в ее истерзанных легких. Только сейчас она по-настоящему поняла, каким мощным был удар тьмы. Всего один удар.

На пол с тяжелым стуком упало сердце из железа и камня Вэрда. Эраван осуществил задуманное до конца. Он показал, чего стоят ее усилия. Лишь одним она могла помочь своему двору – позволить умереть.

Если их вдруг схватят... Эраван сделает ее зрительницей чудовищного спектакля. Заставит наблюдать, как ее придворных, ее соратников потрошат и наполняют его силой. А потом заставит смотреть в их изменившиеся лица и заглядывать внутрь, не обнаруживая никаких следов души. Насладившись вдоволь, темный король примется за нее.

Мысли перенеслись к Ровану и Дорину... Если Эраван уже повел охоту за ними, если узнал, что они держат путь в Бухту Черепов... наконец, если он увидел, как тяжело она перенесла его удар...

Огонь Аэлины опадал, превращаясь в неяркое мерцание. Почувствовав, что к ней возвращаются силы, она шагнула прочь от брата.

– Аэлина, нам нужно как можно раньше отплыть из Илиума, – напомнил ей Эдион. – Угрозы Эравана – не пустой звук...

Аэлина молча кивнула. В Бухту Черепов – и поскорее. И пусть каждый порыв ветра, каждая волна будут их союзниками. Эдион повел ее к зданию архива. Аэлина не знала, удастся ли ей сомкнуть глаза. Она до сих пор удивлялась, как уцелела. Удар Эравана должен был бы пробить ее насквозь, словно копье.

Только чудом удар Эравана не задел амулет. Но он почуял Ключ Вэрда внутри.

У Аэлины и сейчас еще все внутри гудело. Ныли кости и жилы. Напоминание Эравана о том, кто она и кто он. И пока что наследница огня существенно уступала королю тьмы.

Глава 17

Небеса над Моратом начали светлеть, приобретая гнилостно-серый оттенок. Наступало утро – последнее в жизни Астерины.

В эту ночь Манона Черноклювая даже не пыталась уснуть. Она забыла о еде и питье. Поднявшись в насквозь продуваемое драконье гнездо, она снова и снова точила Рассекатель Ветра. Прислонившись к теплому боку Аброхаса, водила кромкой лезвия по точильному камню, пока ее пальцы окончательно не застыли, перестав сгибаться.

Бабушка приказала запереть Астерину на самом нижнем ярусе подземной моратской тюрьмы. Многочисленная охрана исключала всякую возможность побега и спасения.

Эти мысли Манона крутила в мозгу первые несколько часов после приговора. Но возволить Астерину означало бы предать бабушку и клан. Это ведь не Астерина, а она допустила ошибку, отвратительную ошибку, расплачиваться за которую теперь предстояло ее заместительнице.

Маноне показали, чем отныне чревато нарушение правил. Если она снова дерзнет переступить черту, это будет стоить жизни еще кому-то из отряда Тринадцати. Повезло, что ее не лишили звания главнокомандующей. Ей по-прежнему доверено вести и защищать ведьм всех трех кланов. Уж лучше она будет командовать воздушной армией, чем такая, как Искара.

Налет на Рафтхол, устроенный наследницей Желтоногих, был осуществлен небрежно, хаотично. Если бы дело поручили Маноне, она бы продумала все до мелочей. Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Город был порядком разрушен, а главное – промахи в овладении Рафтхолом не могли изменить судьбу Астерины.

Маноне не оставалось иного, как точить древний меч и вспоминать слова Прощения. Их надлежало произнести в нужный момент. Последняя милость, которую она сможет оказать двоюродной сестре. Последняя и единственная.

В противном случае Астерину ожидали долгие мучительные пытки и лишь потом – обезглавливание.

Меч Маноны был способен даровать Астерине быструю, милосердную смерть.

За спиной послышались шаги. Гулкие, где сапоги ступали по камню, хрустящие, если под ногами оказывалось сено. Манона знала, кто это. Шаги Соррели она различала на слух, как и шаги Астерины.

– Что тебе? – не оборачиваясь, спросила Манона.

– Светает, – ответила вторая заместительница.

Вскоре Соррель станет первой, а ее титул перейдет к Васте. Быть может, Астерина наконец... встретится со своим охотником и мертворожденной дочерью.

Трудно сказать. Оттуда еще никто никогда не возвращался. Но в этом мире Астерина никогда уже не полетит наперегонки с ветрами и никто не увидит ее восседающей на небесно-голубой драконихе. Манона повернулась туда, где беспокойно ворочалась эта дракониха. Все остальные драконы спали.

Чует, наверное, что над хозяйкой нависла беда. Кто будет летать на ней, когда Астерины не станет?

Манона встала. Морда Аброхаса уткнулась ей в бок. Манона рассеянно погладила чешуйчатую голову. Она не знала, кто кого утешает. Манона так и не переделалась после Рафтхола. На ее плечах по-прежнему был красный плащ, грязный и заляпанный кровью. Впрочем, и доспехи были не чище.

Сегодня в отряде Тринадцати станет одной ведьмой меньше.

Соррель смотрела не столько на Манону, сколько на Рассекатель Ветра.

– Ты намерена произнести Прощение?

Манона попыталась ответить, но рот не открывался. Она кивнула.

Соррель перевела взгляд на арку, через которую драконы вылетали из гнезда:

– Жаль, что она не увидит Западный край. Хотя бы разочек...

Манона с усилием подняла голову.

– Мы не сожалеем и не надеемся, – сказала она своей будущей первой заместительнице.

В глазах Соррели мелькнула боль. Манона почувствовала, будто ее ударила. Не впервой.

– Мы будем сражаться дальше. Мы приспособимся.

– Она пойдет на смерть, чтобы сохранить твои тайны, – тихо, но с неожиданной силой сказала Соррель.

Никогда еще вторая заместительница не осмеливалась бросать ей вызов. И не только вызов. В словах Соррели улавливалось негодование.

Манона вернула меч в ножны и направилась к лестнице, избегая настороженного взгляда Аброхаса.

– В таком случае она сослужит мне хорошую и верную службу, и я всегда буду это помнить.

Соррель ничего не ответила.

Манона направилась вниз, в сумрак моратских подземелий, чтобы своей рукой оборвать жизнь двоюродной сестры.

Но казни не суждено было совершиться в подземелье.

Местом ее проведения бабушка Маноны избрала широкую площадку возле одного из многочисленных обрывов. Внизу темнело ущелье, окаймлявшее скалу, на которой стояла крепость. Ведьмы столпились на балконе. Чувствовалось, им не терпится увидеть кровавое зрелище.

Впереди стояли предводительницы. Но наследниц было только две. Манона и отряд Тринадцати должны были выйти из крепостных ворот. Сейчас все смотрели в ту сторону.

Манона не слышала ни перешептываний ведьм, ни завываний ветра между высокими башнями, ни даже неумолчного стука кузнечных молотов снизу.

Все внимание Маноны было устремлено на Астерину. Приговоренная стояла на коленях. Ей даже не дали переодеться. Астерина по-прежнему была в пыльных доспехах. Растрепавшиеся золотистые волосы висели слипшимися клочьями. В них мелькала засохшая кровь. Потом Астерина подняла голову.

– Отмщение должно быть полным, – растягивая слова, произнесла бабушка. – Как известно, по твоему недосмотру, Манона, были убиты четыре ведьмы из другого шабаша Желтоногих. И потому накануне казни Искаре Желтоногой было позволено нанести приговоренной по три удара за каждую.

Всего двенадцать ударов. Но царапины и ссадины на лице Астерины, рассеченная губа и то, как сейчас она придерживала ладонями голову... Нет, Искара не ограничилась двенадцатью ударами.

Манона перевела взгляд на Искар. У той были в кровь содраны костяшки пальцев. Наглядное доказательство усердия, проявленного наследницей Желтоногих в подземелье.

А Манона в это время находилась в гнезде, предаваясь мрачным раздумьям. Ее захлестнула ярость, воспламенившая кровь. Она уже была готова выразить свое негодование вслух, но Астерина заговорила первой.

– Манона, думаю, тебя обрадует, что я не принимала удары покорно и безропотно, – хрипло проговорила Астерина, улыбаясь одними губами. – Ей вначале пришлось меня приковать.

Глаза Искры вспыхнули.

– Зато как ты кричала, сука, когда я хлестала тебя плетью.

– Молчать! – сердито взмахнула рукой бабушка.

Манона едва слышала бабушкин приказ. Ее непосредственную заместительницу, которая сама ни в чем не провинилась, отхлестали плетью как самую последнюю, никчемную ведьму. Как смертную скотину.

Справа кто-то тихо и злобно зарычал. Повернувшись, Манона увидела Соррель. Соррель, неподвижная и бесчувственная, как скала. Сейчас она стояла, будто зверь, с оскаленными зубами, глядя на Искарю и на ведьм, жаждавших крови.

Бабушка шагнула вперед. Лицо предводительницы Черноклювых было полно недовольства. За спиной Маноны безмолвной стеной замерли ведьмы ее отряда.

Астерина вглядывалась в лица боевых подруг. В последний раз. От этой мысли Маноне стало больно.

– Кровь взывает к крови, – нараспев затянули предводительницы трех кланов.

Это были слова одного из древнейших ритуалов. Манона внутренне сжалась, ожидая его окончания.

– Пусть каждая ведьма, желающая пролить кровь ради отмщения Зелты Желтоногой, выйдет вперед.

Желали все Желтоногие. Их железные ногти зловеще блестели, готовые впиться в Астерину. Астерина смотрела только на отряд Тринадцати. Ее окровавленное лицо оставалось неподвижным, а глаза – ясными.

– Встаньте в очередь, – потребовала предводительница Желтоногих.

Пора!

– Я заявляю о праве на казнь, – выкрикнула Манона.

Собравшиеся замерли.

Лицо бабушки побелело от гнева. Остальные предводительницы ждали дальнейшего развития событий.

– Я заявляю о своем праве на голову моей первой заместительницы, – продолжала Манона. – Пролитая кровь может быть оплачена только другой кровью, но от моего меча. Астерина – моя, а потому и смерть должна принять от моей руки.

Первой из трех предводительниц заговорила Крессэда:

– За спасение жизни моей дочери твое право, главнокомандующая, должно быть удовлетворено.

Предводительница Желтоногих резко повернулась к Крессэде, собираясь возразить, но было слишком поздно. Слова прозвучали, и попытка что-то изменить означала бы неслыханное нарушение древнего обычая.

Ветер развеивал полы красного крошанского плаща. Манона смотрела на бабушку: глаза той были полны ненависти. Чувствовалось, предводительница Черноклювых довольна, что жизнь Астерины наконец-то оборвется. Не один десяток лет она корила Манону за негодный выбор первой заместительницы.

Главное, ей не отказали в праве самой убить Астерину.

Из-за восточной цепи гор медленно поднималось солнце, похожее на круг расплавленного золота.

Сто лет она сражалась бок о бок с Астериной и всегда думала, что и другую сотню лет они проведут вместе.

– Разверни ее, – тихо сказала Соррели Манона. – Пусть она в последний раз увидит восход.

Соррель послушно развернула Астерину лицом к Верховным ведьмам и толпе зрителей. А главное – к редкостному по красоте восходу, какой нечасто увидишь в Морате.

Доспехи на спине Астерины были мокрыми от крови.

Астерина стояла на коленях, расправив плечи, с поднятой головой. Она смотрела не на восход, а на Манону, которая медленно приближалась, чтобы занять место в нескольких локтях от предводительниц.

– Манона, не тяни, – сказала бабушка. – Нас ждет завтрак.

Манона вытащила из ножен Рассекатель Ветра. Лезвие отозвалось тихим звоном.

Солнце позолотило балкон. И вдруг Астерина совсем тихо прошептала:

– Отнеси мое тело в ту хижину.

У Маноны в груди что-то треснуло. Звук был оглушающим. Странно, что его никто не слышал.

Манона подняла меч.

А ведь стоило Астерине произнести одно слово, и она бы спасла свою жизнь. Достаточно было раскрыть тайны Маноны и предательство, совершенное главнокомандующей в Рафтхоле. Но первая заместительница молчала.

В тот момент Манона вдруг поняла: есть силы, превосходящие послушание, дисциплину и жестокость. Она не родилась бездушной исполнительницей чужой воли. И бессердечной она тоже не родилась.

Не могла она вот так просто убить Астерину.

Манона взглянула на свой отряд. Те полукругом стояли возле них. Одна за одной, ведьмы поднимали два пальца, касаясь лбов. В толпе зашушукались. Это отнюдь не было знаком почтения, обращенным к Верховным ведьмам.

Таким жестом когда-то приветствовали королеву ведьм.

Но за последние пятьсот лет ни у крошанских ведьм, ни у Железозубых не было ни одной королевы.

Глядя на лица ведьм своего отряда, Манона видела: они прощали ей случившееся в Рафтхоле. Но там была не только готовность простить. Там было понимание и верность, в основе которой лежало не слепое подчинение, а что-то совсем иное. Это что-то ковалось долго и болезненно, через радость побед и горечь поражений. Здесь же была надежда на лучшую жизнь и мир, устроенный лучше нынешнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.